

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

2/2009

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

А. Ш. АТАМБАЕВ

Т. К. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

О. И. РЯБОВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины
Х. Ситдикова «Окраина города Рыбачьего»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 2/2009

ПРОЗА

Виктор Кадыров. В поисках дракона. <i>Повесть</i>	5
Туленды Курманалиев. Едриналин. <i>Рассказ</i>	67
Александр Камышев. Маятник. <i>Рассказ</i>	74

ПОЭЗИЯ

Николай Пустынников. Странное время	120
Александр Никитенко. Ночь бушует	125
Лариса Сапего. Душа переполнена	134
Анастасия Каныгина. Без тени сомнения	138
Алексей Чебыкин. Прогулки по облакам	142

КУЛЬТУРА

Олег Бондаренко. Поможет ли отечественной литературе создание Интернет-заповедника	147
Андрей Кузнецов. Михаил Бурштин: музыка Родины, языка и крови	166

*В 2009 году «Литературный Кыргызстан»
выходит благодаря поддержке
Посольства России в Кыргызской Республике
и «Росзарубежцентра»*

ПРОЗА

Виктор КАДЫРОВ

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает серию книг,

посвященную кыргызскому фольклору. Это сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе народных эпосов, таких, как «Манас», «Эр Тештук», «Коджоджаш» и др.

В 2008 году в издательстве вышли два прозаических сборника Кадырова «Коровы пустыни» и «Золото Иссык-Куля». В них вошли рассказы, эссе и небольшие повести «Тимур-Мелик» и «Золото Иссык-Куля». Повесть «В поисках дракона» – независимое произведение, хотя сюжетная линия во многом является продолжением «Золота Иссык-Куля».

В ПОИСКАХ ДРАКОНА

Повесть

От автора. Когда я начал писать книгу «Золото Иссык-Куля», Аман, главный участник событий, о которых я намеревался рассказать, просил меня не торопиться, подождать, пока он не найдет сокровища, спрятанные в кыргызской земле восемь веков назад. Это должно было стать, по его мнению, кульминацией и смыслом повествования.

Я написал повесть, а клад все еще не был найден. Я думал, что вряд ли вернусь к этой теме. Все, что я хотел рассказать о древнем кладе и о его поисках, было написано в «Золоте Иссык-Куля».

Между тем многие читатели интересовались у меня дальнейшей судьбой Амана. И я сам продолжал общаться с кладоискателем и следить за продвижением его изысканий.

То, что произошло после событий, описанных в моей книге, было настолько неожиданным и захватывающим, что я не мог не написать продолжения. Так на свет появилась повесть «В поисках дракона».

Я надеюсь, что новые приключения знакомых уже вам героев привлекут ваше внимание и приподнимут завесу над тайнами прошлого.

Лето 2008 года выдалось засушливым. В Киргизии в июне часто идут дожди, по-настоящему жаркая пора устанавливается только к июлю. В этом же году лето началось с мая. Раскаленные небеса даже не допускали намека на облака. Накопленная за малоснежную зиму и небогатую на дожди весну влага быстро ушла, испарилась из земли, и она стала сухой, как в бесплодной пустыне.

Была середина июня. Солнце жарило так, что асфальт в Бишкеке плыл под ногами пешеходов и под колесами авто. В двенадцать часов пополудни в небольшой антикварный магазинчик «Альвиан», расположенный в цокольном этаже большого пятиэтажного жилого дома, вошел мужчина средних лет, невысокого роста, с седоватой бородкой. Хозяин магазина встал ему навстречу.

– Здравствуй, Вадим. Что новенького в твоём заведении? – поинтересовался посетитель, явно не впервые оказавшийся в этом полуподвальчике.

– А это смотря кому что нужно, Виктор, – ответил хозяин, приглашая гостя пройти в торговый зал. – Посмотри сам, может, что-то и приглянется.

Виктор не спеша прошелся вдоль прилавков, уставленных всякой всячиной. Фарфоровые статуэтки теснили старые фотоаппараты, потертая фаянсовая и стеклянная посуда соседствовала с разнообразными шкатулками, часами. Иконы перемежались портретами Сталина и Ленина, под ними груды лежали форменные фуражки, каски, патефоны и керосиновые лампы. В углах комнаты возвышались видавшие виды потертые буфеты, сплошь набитые фарфоровой мелочью: тарелками, соусниками, супницами и пепельницами.

Посетовав на летний зной и отдав должное прохладе полуподвального помещения, Виктор, наконец, спросил о том, что занимало его мысли:

– Вадим, ты что-нибудь слышал о Курментинском кладе?

Хозяин вскинул на собеседника удивленные глаза:

– Это о тех старателях, которые до войны нашли золотой молоток?

– Да. Ты знаешь, что сейчас один человек ищет тот клад?

– Ты имеешь в виду парня, который продал квартиру? Так он же ненормальный. Кто же сегодня так ищет клады?!

– Вадим, этот ненормальный выкопал огромный котлован, вскрыл старую штольню, которую пробили энкавэдэшники в 53-м году. Ты же не думаешь, что чекисты просто так, от нечего делать рубили в горах секретную шахту? Видимо, у них была надежная информация и они всерьез надеялись отыскать сокровища. Я думаю, только смерть Сталина и последующая за ней неразбериха помешали «органам» добраться до заветного клада.

– Может быть, клад и существует, – Вадим чеканил слова, чтобы у собеседника не оставалось сомнений в его точке зрения, – но сегодня его поиски выглядят как натуральная афера. В двадцать первом веке вот так копать, как этот ненормальный кладоискатель, – чистое безумие! Подумай сам, Виктор, сейчас есть оборудование, позволяющее сканировать поверхность на глубину до сорока метров! Можно враз определить, есть ли там что-то достойное внимания или там ничего нет.

– Но такое оборудование стоит уйму денег! – попытался возразить Виктор.

Однако антиквар сказал как отрезал:

– Да твой кладоискатель потратил уже денег в два-три раза больше, чем стоит подобная аппаратура! Вот я и говорю, что его копание – авантюра и афера. Кому-то надо, чтобы парень там копал.

Но Виктору очень хотелось верить, что Аман на верном пути, что еще немного – и его рабочие откоют вход в долгожданную пещеру. Сам Аман в этом не сомневался ни на секунду. В начале мая он, встретив Виктора, заявил: «Приступаю к работам, уже достаточно тепло, и люди освободились. Думаю, что через две – три недели, самое большее – через месяц, войдем в пещеру. Будьте готовы, возможно, понадобятся спелеологи».

Прошло уже полтора месяца с начала работ, а от Амана никаких вестей... Впрочем, было несколько звонков: Аман просил найти интернет-адреса международных аукционов и нумизматических форумов. «Вы представляете, – пояснил он, – какие мы редкости обнаружим в пещере?! Монеты, кубки, всякую утварь монашескую. Ведь, наверное, у них все из серебра было сделано. Хотя в легенде говорится, что там два клада: один золотой, а другой серебряный. И, наверное, там же драгоценные камни. Они же тогда знали им цену! Конечно, монахи их тоже спрятали. Не могли же они бросить драгоценности на разграбление врагам? Мне сейчас основной, золотой, клад найти надо. Он уже близко, я его чувствую, и сны мне снятся, что вот он уже передо мной, а, открою глаза, ничего нет, потом долго заснуть не могу. Все мысли вокруг клада вертятся».

Виктор, слегка шокированный одержимостью Амана, пытался успокоить кладоискателя и шутил: «Ты сначала найди клад-то, а аукционы и покупатели сами тебя найдут. А может быть, нет там никакого клада? Может, лежит он где-нибудь в другом месте?». Но Аман был уверен, что клад спрятан именно в Курментинском ущелье и что он его скоро найдет...

Осенью 2007 года Виктор принимал участие в прохождении найденной Аманом пещеры. Она открылась случайно метрах в тридцати пяти от штольни энкавэдэшников. Запутанный, уходящий в глубь скального массива узкий ход привел спелеологов в зал, расположенный метров на десять – пятнадцать ниже дна вырытого Аманом котлована и не достигающий до штольни энкавэдэшников метров двадцать по горизонтали. Дальше ход был завален наносными породами. Виктор полагал, что если удастся расчистить этот ход, то за ним, возможно, обнаружится большой зал.

Хотелось верить, что именно в нем и находится то, что ищет Аман.

Виктор сел в машину и задумался. Вадим твердит, что затея Амана – ерунда. То же самое говорит и Сергей Дудашвили, спелеолог с огромным стажем: «Не верю я ни в какие клады. Все это сказки для дураков!». Хотя найденная Аманом пещера его заинтересовала – это первая открытая пещера в Прииссыккулье.

«Ну, а мне-то какое дело до Амана? – подумал Виктор, пытаясь разобраться в своем тревожном настроении. – Мне ведь тоже не нужны эти мифические сокровища».

И тем не менее хотелось, чтобы Аман все же нашел клад. Было очень интересно, как будут дальше развиваться события. Сумеет ли Аман воспользоваться хоть частичкой найденного сокровища или властные структуры вмиг оттеснят его от находки? А потом, это же просто заманчиво и волнующе: отыскать сокровища, спрятанные в глубокой древности – ведь как никак восемь веков прошло с момента захоронения клада. Это интересно и с научной точки зрения, и с практической: даже если не продавать находки, как мечтает Аман, чтобы покрыть внешние долги Киргизии, а просто выставить их в музее, какой интерес проснется в мире к их маленькой горной республике. Будет что показать туристам.

Через два дня Виктор вместе с Дудашвили собирался присоединиться к экспедиции археологов под руководством академика Плоских. Каждый летний сезон Владимир Михайлович с помощью аквалангистов из России пытался разгадать тайны давно затонувшего в водах озера Иссык-Куль города древних усуней Чигу, или Чигучена, как его называли китайцы. Виктор любил плавать в маске и ластах, погружаться с аквалангом в водные глубины, и поэтому с удовольствием принял приглашение академика. Базовый лагерь археологов располагался прямо на берегу Иссык-Куля, в селе Кутурга. От него до раскопок Амана всего лишь несколько километров. Надо будет обязательно посетить котлован кладоискателей. Что они там делают? Куда удалось им пробиться?

И снова Мельникофф

За месяц до описываемых событий Виктор вновь узнал о появлении в Кыргызстане небезызвестного Сергея Мельникоффа. После мартовской революции 2005 года, когда первый президент Кыргызской Республики Аскар Акаев спешно покинул страну, о «великом комбинаторе и путешественнике» Виктор больше не слышал. Все грандиозные проекты русского американца как-то сами собой исчезли из памяти людей, словно их не было вов-

се. Ничего не слышно было о Насоновой, которая должна была в одиночку покорять Эверест, никто не согласился взбираться на пик Победы за миллион долларов. Виктор решил, что авантюрист разочаровался в Киргизии. Сергею Мельникоффу нужны были деньги, и деньги большие. Видимо, в Кыргызстане такие деньги никто не торопился отдавать под «прожекты» американца.

Возвращаясь из командировки в Москву, Виктор в салоне самолета в кыргызской газете увидел знакомое лицо. Сергей Мельникофф давал большое интервью корреспонденту газеты. В собственной ему безапелляционной форме американец предлагал уволить всех кыргызских министров за профнепригодность, а туроператоров заставить мести улицы, на большее, якобы, они не способны. В доказательство своей правоты Сергей намекнул, что уже заработал на Кыргызстане сотни миллионов долларов, в то время как в самой республике чиновники продолжают твердить о туристическом потенциале «второй Швейцарии», на деле не претворив в жизнь ни одного дельного проекта. Обозвав Кыргызстан страной потерянных возможностей, Мельникофф заявил, что туризмом в стране занимаются непрофессионалы и бездары, не способные продвинуть республику ни на дюйм вперед. «Вы топчетесь на месте, словно слепые котятка, – возмущался американец, – так дела не делаются. Прошло десять лет с тех пор, как я впервые приехал в Киргизию, а вы продолжаете канючить о своих прекрасных перспективах. У вас нет их! Потому что ваши люди не могут воспользоваться тем богатством, которое подарил им Бог!». Ошеломив таким заявлением корреспондента, Мельникофф тут же подал утопающим руку: «Я, я знаю, как превратить Киргизию в туристическую Мекку. Для этого нужны неординарные решения и проекты. Для их осуществления нужен человек таких масштабов, как я. Повторюсь, я уже сумел заработать на вашем потенциале. Когда я был здесь впервые, то остро нуждался в средствах. А теперь я могу позволить себе вкладывать деньги в страны, чтобы они тоже могли добиться успеха!». Видимо, Мельникофф почувствовал, что его слегка «занесло», поэтому поспешил сменить тему разговора. Речь пошла о поисках мощей святого Матфея. Корреспондент позволил себе усомниться в том факте, что Мельникофф обнаружил раку со святыми мощами. «Это же событие мировых масштабов, – вежливо заметил

корреспондент, – а тут абсолютная тишина всех средств массовой информации. К тому же наш академик Владимир Михайлович Плоских из года в год ведет поиски на озере Иссык-Куль, каждое лето организывает археологические экспедиции и до сих пор ничего не нашел...».

Мельникофф досадливо отмахнулся: «Вашему академику просто делать больше нечего, вот он и ищет то, что уже давно найдено. Если это ему нравится и если кто-то дает ему на поиски деньги, то это его дело».

В конце интервью корреспондент все же вернулся к теме «спасения Кыргызстана» и слезно молил Мельникоффа помочь бедной стране придумать какой-нибудь грандиозный проект, который поможет привлечь туристов. Американец благосклонно согласился подумать.

Прилетев в Бишкек, Виктор на какое-то время забыл о Мельникоффе. Но спустя неделю ему вновь на глаза попала информация о великом комбинаторе. В одной из интернет-газет корреспондент прямо-таки пищал от восторга по поводу умопомрачительного проекта «заезжей знаменитости». Виктор с интересом прочитал очередное напыщенное интервью с Мельникоффым. Суть его предложения была одновременно проста и нагла. Он, американец и знаменитый шоумен, полетит в космос в качестве космического туриста, одетый в костюм, сшитый из кыргызского флага! Весь мир узнает о маленькой горной стране и возликует. Мельникофф сообщил, что отправил открытое письмо президенту Бакиеву, чтобы тот поддержал эту грандиозную идею. На осторожный вопрос корреспондента, а что будет, если Курманбек Салиевич не одобрит новаторскую идею Сергея, Мельникоффа прорвало: «Я не спал три ночи и три дня, придумывал и воплощал эту идею. Со мной не спала и работала вся моя команда. Мы открыли новый сайт «Мой Кыргызстан», на котором уже все заявлено для космического полета. Я изъездил Землю вдоль и поперек. Поднимался на все вершины мира и теперь готов подняться над ним самим. Я стану первым космическим путешественником и полечу под чужим, но дорожим мне флагом страны, которую я люблю. Если ваш президент откажется поддержать мой проект, я сам оплачу свой космический вояж. У меня хватит денег на десятки таких полетов! Я выйду на космодром, одетый в ваш крас-

ный флаг. Пусть весь мир увидит, какой недальновидный политик ваш президент. Я обращаюсь к нему с космодрома в последний раз, и, если он промолчит, проигнорирует мой поступок, я перемену одежду и на глазах у всего мира надену свой родной звездно-полосатый флаг! Нет! Я вообще не буду надевать никаких флагов! Ни кыргызского, ни американского. Я полечу в космос совершенно голым! И этот мой поступок еще больше продвинет ваш Кыргызстан. Любая бы страна с радостью, со слезами на глазах приняла такой щедрый подарок – полет к звездам! Но ваш президент еще не ответил мне, так что время у него есть!».

Виктор в который раз подивился наглости русского американца. Припомнил и недавнюю информацию о том, что некая миллионерша из Лондона русского происхождения выделила около пятидесяти миллионов долларов на издание книги «великого» фотохудожника Сергея Мельникоффа и что все миллиардеры спешно stanовятся в очередь на приобретение этого бесценного шедевра. По всей вероятности, это обстоятельство и явилось причиной «финансовой» свободы комбинатора. Мир не без добрых дураков, как говаривали кот Базилио и лиса Алиса.

«Интересно, – подумал Виктор, – во что выльется новая затея Мельникоффа? Лопнет как мыльный пузырь, подобно предыдущим, не оставив и следа в памяти людей? Или мы все же увидим полет космического путешественника?»

Невольно мысли Виктора переключились с проектов великого комбинатора на экспедицию Плоских, в которой ему, Виктору, предстояло принять участие. Ни одному слову американца Виктор не верит. Хотя и к гипотезам академика тоже осторожно относится. Владимир Михайлович пытается доказать, что известные всем подземные катакомбы неподалеку от Светлого мыса на Иссык-Куле являются руинами древнего монастыря армянских братьев, где, согласно легенде, хранились мощи святого Матфея. Легенда эта берет начало из Каталонского атласа, составленного в 1375 году на основании еще более древних карт. На карте рядом с озером Иссык-Куль нарисован домик с крестом на крыше и стоит надпись: «Город Исикуль. Монастырь армянских братьев, где лежат мощи святого Матфея». Само собой разуме-

ется, что на карте большое озеро отмечено небольшим рисунком, и знак монастыря всего чуть-чуть уступает ему по размерам. Так что, где на самом деле располагался монастырь, никто не знает. Его еще Семенов-Тянь-Шанский искал. А катакомбы, по личному убеждению Виктора, не столь древние и, по всей вероятности, были выкопаны монахами православного Свято-Троицкого монастыря, который располагался на Светлом мысу в конце девятнадцатого – начале двадцатого века. Кстати, местные жители вообще утверждают, что появились эти катакомбы во время Второй мировой войны – их будто бы выкопал один монах, который в них и жил. Почва, в которой выкопаны катакомбы, представляет собой обычную глину, значит, подземные ходы не смогли бы просуществовать здесь более двухсот лет. Наблюдая за ними уже несколько лет, Виктор видел, что подземные своды постоянно осыпаются и вскоре могут окончательно обрушиться.

Изучая план катакомб, Виктор пришел к заключению, что их даже не успели достроить. Существующие двадцать четыре метра подземных ходов идут вокруг вершины холма, который в начале двадцатого века был островом. Теперь воды озера отступили, и вход в катакомбы чернеет на вершине холма, который вдается в озеро небольшим мыском. По обе стороны кругового коридора расположены отдельные кельи. Не все они закончены, некоторые только обозначены входом, да и сам центральный коридор не доведен до конца, он так и не замкнулся в полный круг. Практика рытья подобных катакомб была известна православным монахам. Они любили уединяться в темной подземной келье и молиться, как это делали праотцы из Священного Писания.

Виктор не принимал всерьез легенду местных жителей: одному монаху незачем было сооружать в земле несколько келий. Но и то, что катакомбы – это развалины средневекового монастыря, как утверждал академик Плоских, ничем пока не подтвердилось. Хотелось поскорее поехать в экспедицию Владимира Михайловича и поучаствовать в его поисках. На память пришел Аман и пещера с сокровищами. Что если Мельникофф узнает о раскопках в Курментинском ущелье, как он себя поведет?

Аман и Гульзана

Всю долгую зиму Аман ждал прихода весны. В начале мая он должен был начать работы в Курментинском ущелье. Поиски сокровища занимали все его мысли. Он мог говорить о чем угодно, но в его голове неотступно вертелся вид горной теснины, поросшей елями, и скальный утес, под которым он выкопал котлован. Этому способствовало и то, что любой встреченный Аманом человек неизменно спрашивал его о раскопках – слух о кладоискателе пролетел по всей Киргизии. Это было и приятно Аману – он сделался популярным в стране человеком, но в то же время и досадно – слишком много людей судачило о его кладе. Зимой Аман провел в тревожном томлении: вдруг кто-нибудь неизвестный проникнет в пещеру или котлован и отыщет сокровища?! То, что клад близок, Аман не сомневался: еще метров пять – и откроется вход в основную пещеру. О том, что будет потом, кладоискатель старался не думать – захватывало дух. Все должно совершиться в свое время!

Постоянные мысли и ночные видения не давали покоя Аману. Он плохо спал, часто видел во сне котлован и открытый вход в пещеру. Аман входил туда, трепеща сердцем, и видел вожделенные сокровища. Сверкали драгоценные камни, грудой лежали золотые монеты и слитки. Они манили Амана как магнит, он тянул к ним руки, но клад исчезал внезапно, словно туман, и Аман просыпался в полном отчаянии.

Накануне отъезда в Курментинское ущелье Аман был необычно оживлен и весел. Он играл с детьми и старался избегать разговоров с женой о своих планах на лето – считал, что Гульзана должна была сама догадаться о них. Не без оснований Аман думал, что жена будет возражать против его поисков. Весь прошлый сезон прошел в постоянных стычках, укорах и скандалах.

Наконец Аман не вытерпел:

– Я завтра уезжаю!

Гульзана посмотрела на него долгим взглядом, потом проговорила:

– Опять копать будешь?

Аман встрепенулся:

– Мне всего две недели нужно. Понимаешь, максимум пять метров пройдем – и будем у входа в пещеру...

– Ты же сам знаешь, что это неправда! – взорвалась жена. – Сто раз по две недели пройдет, а ты все еще не найдешь эту чертову пещеру!

– Зачем ты так говоришь? – в свою очередь закричал Аман. – Я же стараюсь не для себя! Я хочу помочь Кыргызстану, да ты сама мне спасибо скажешь, когда я найду клад!

– Что мне твои мифические сокровища! Ни мне, ни твоим детям они не нужны – им нужен отец, а не сумасшедший, который только и твердит о кладе. Ты ведь даже во сне бредишь своими сокровищами!

– Гульзана, ты же мечтала жить хорошо, ни в чем не нуждаться, – попробовал успокоить жену Аман. – Потерпи немного, я найду клад, тогда у тебя будет все, что пожелаешь!

– Я уже потеряла мужа, – резко ответила женщина. – Мы жили хорошо, пока ты не начал искать клад. Да, у нас многого не хватало, но мы жили так, как все люди. Теперь ты словно в лихорадке, с тобой ни о чем нельзя поговорить. Ты думаешь только о раскопках. Люди смеются над тобой, Аман.

– Люди будут завидовать мне, – закричал Аман, не в силах больше сдерживаться. – Они и тебе будут завидовать. Ты будешь держать в руках бесценные вещи, которые восемьсот лет пролежали в земле! Ты только представь себе, Гульзана, – Аман понизил голос и почти прошептал, – там золото, которое везли на двухстах верблюдах. Вещи, которые стоят миллионы долларов на аукционах. Мы повезем их в Лондон, на Сотсби, в Париж, в Америку. Мы произведем настоящий фурор. Это будет самая большая и ценная находка в мире. С ней не сравнится даже гробница Тутанхамона в Египте!

– Если ты завтра уедешь на Иссык-Куль, я уйду жить к матери, – холодно произнесла Гульзана. – И заберу с собой сыновою. Если не вернешься через две недели, ищи себе другую жену, я устала. Я должна жить дальше и воспитывать детей, а не мечтать о мифическом кладе.

Аман сжал в ярости кулаки. Он не мог ничем возразить жене. Пусть уходит, ему сейчас не до этого. Надо ставить лагерь в ущелье: ребята, верные друзья, ждут не дождутся начала ра-

бот. Все рвутся в бой. Все верят, как и он сам, что успех не за горами. Две-три недели – и они будут у цели. Глупая женщина! Она обязана пожелать мужу удачи, ведь он старается ради нее и детей. И конечно же, ради родной страны, погрязшей в долгах! Хотел бы Аман посмотреть, что скажет Гульзана, когда он принесет ей пригоршню драгоценных камней и осыплет дождем из золотых монет. Вот будет зрелище!

Аман мотнул головой, прогоняя прочь завладевшие им видения:

– Хорошо, Гульзана. Делай как хочешь, только не мешай мне. Слишком много людей ждет моих раскопок. Я нашел хорошего спонсора. Он поверил в меня и дает оборудование, денег, возможно, поможет и людьми. Я обязан найти этот клад, как ты это не поймешь!

Видя холодный взгляд жены, Аман замолчал. Он сказал свое слово, пусть сама решает. Он мужчина и не свернет со своей дороги. Чем больше препятствий на его пути, тем крепче уверенность в правильности выбора. Судьба намеренно испытывает его, вдруг он окажется слаб и отвернется от цели. Никогда не бывать этому! Аман сердцем чувствует близость клада. Надо пойти и взять его. Да, будет трудно. Но кто сказал, что должно все само падать с небес? Аман и его верные ребята своими руками вытащат этот клад из недр земли, чего бы им это ни стоило. Удача обязана улыбнуться им!

В поисках дракона

Лагерь археологов расположился в яблонево саду прямо на берегу Иссык-Куля. Когда-то этот сад был ухоженным, теперь же он пришел в запустение. Сквозь заросли разросшихся кустов малины и черной смородины не пробраться. На небольшой пляжик, располагающийся всего метрах в двадцати от домика, в котором устроились аквалангисты Николай и Света с пятилетней дочкой Танюшей, ведет единственная тропка, пробитая сквозь прибрежный кустарник. Там и сям по фруктовому саду разбросаны небольшие палатки, дающие приют участникам экспедиции, помогающим им студентам-практикантам и гостям Владимира Михайловича Плоских и его сына Василия, который выполняет функции руководителя экспедиции.

Виктор, бывший в лагере гостем Владимира Михайловича, с интересом рассматривал друзей Василия. Один из них, в первый же день сгоревший на солнце так, что к вечеру на нем можно было бы запросто жарить яичницу, и все время пытавшийся нестерпимую боль снять неумеренным потреблением спиртных напитков, оказался жонглером цирка. При этом он с готовностью демонстрировал всем сомневающимся свое выступление, записанное на мобильный телефон. Глядя на трясущиеся руки жонглера, трудно было представить себе, что он может управляться с несколькими взлетающими и вертящимися в воздухе снарядами.

Второй, худой и длинный, словно высохшая палка, оказался индийским йогом, итальянцем по происхождению. С гладко выбритой головой, выставив вперед огромный орлиный нос, он шокировал публику тем, что появился под вечер в марлевых штанах и со свернутым матрасом под мышкой. Это были все его пожитки. Дудашили тут же окрестил его «италоиндусом». Йог кинулся в объятия Василия, громогласно объявив его «ненаглядным дурындой». Говорил он по-русски сносно, но с сильным акцентом. Видимо, слово «дурында» ласкало его слух и казалось хорошей характеристикой человека. «Италоиндус» заявил, что отрекся от земных благ и что ему достаточно навеса над головой на случай дождя. Правда, ночью все окрестности оглашались стенаниями йога по поводу тучи комаров, которые облепили несчастную жертву, и по поводу ночного холода, который, несмотря на лето, оказался довольно ощутимым и не давал ему заснуть. Вконец измучившись, йог залез под перевернутую лодку, лежащую тут же, под навесом, и затих. Утром он, свернув свой матрас, подался к соседу-кыргызу, который обещал устроить его у себя в юрте.

Третьим гостем Василия был русский журналист из Литвы. Он впервые приехал в Азию, смотрел на все раскрытыми от удивления глазами и пребывал все время в состоянии восторга. Кроме того, литовский журналист был не чужд эзотерики и умел играть на варгане. В его сумке была целая коллекция варганов. Там были инструменты из Бурятии, Монголии, Алтая и других разных мест. Был даже варган из Вьетнама. Кыргызский варган – темир-комуз – просто пленил журналиста, и он с удовольствием наигрывал на нем.

Все друзья Василия были приверженцами эзотерических знаний и верили в Космическую энергию. По вечерам вся компания собиралась в палатке Василия, которая стояла прямо на берегу Иссык-Куля, укрытая от посторонних взоров густым кустарником. Некоторое время «посвященные» медитировали, созерцающая таинственно мерцавшие в звездном свете воды горного озера. Потом из кустов доносились тихие мелодичные звуки варгана, и наконец окрестности оглашались трубными возгласами какого-то диковинного инструмента, напоминавшими печальное уханье совы и протяжный вой голодного хищника одновременно. Это была сольная партия «италоиндуса».

Прошло несколько дней, и в лагере появились новые люди. Это была съемочная группа японского телевидения. Увешанные аппаратурой кино- и звукооператоры, миловидная молоденькая ведущая и серьезный режиссер, он же сценарист, с пронзительными глазами, смотревшими сквозь призму очков, делающих его глаза еще более большими и внимательными. Сопровождали их два переводчика: хрупкая девушка-студентка и кругленький молодой мужчина лет тридцати. Они-то и объяснили цель появления японцев в нашем лагере.

Как оказалось, на токийском телевидении существует программа наподобие «Клуба путешественников» по загадочным местам в разных точках Земли. И вот туда просочилась информация, что кто-то где-то на Иссык-Куле видел дракона – «лохнесское чудовище». В последнее время в кыргызских газетах появлялись разнообразные «сенсации». То инопланетяне посетили маленькую республику, то пролетели светящиеся кресты, то в горах был обнаружен снежный человек... Была заметка и о «морском» чудовище.

Вероятно, информация была взята из Интернета. А у японцев особое пристрастие к дракону. Это чудовище в Стране восходящего солнца – символ императора и мудрости. Вот они и снарядили группу для поисков замеченного в кыргызских водах дракона.

Руководитель Владимир Михайлович Плоских, внимательно выслушав просьбу японцев о помощи в их изысканиях, тут же подлил масла в огонь, вспомнив, что в древних китайских летописях действительно есть упоминания о том, что жители Приис-

сыкуля боятся плавать по озеру и даже ловить в нем рыбу, потому что в нем обитают страшные драконы. Воодушевленные этим известием японцы с надеждой взирали на внушительного академика. Бог не обделил Владимира Михайловича ни ростом, ни колоритной внешностью. Потомственный казак с седой гривой длинных волос и седыми усами возвышался среди обступивших его жителей Страны восходящего солнца, словно утес над морем. Японцы завороченно смотрели в глаза улыбчивого академика.

Вскоре план поиска мифического дракона был готов. Японцы согласились зафрахтовать корабль – небольшой катер – на двое суток в местном яхт-клубе. Владимир Михайлович будет вести с него подводные поиски затонувших городов, японцы снимут процесс изысканий, их телеведущая проведет репортаж, сам Плоских прокомментирует находки – академик заверил, что артефакты обязательно найдутся, режиссер и сценарист по ходу съемок сообразят, что надо отснять и как. Все это действие будет проходить под флагом поиска дракона. Вроде ищут чудовище, а находят Атлантиду. Если Фортуна улыбнется, возможно, на какой-нибудь найденной вещи обнаружится рисунок дракона. Виктор вспомнил, что на одном из камней у подножия гор он видел древний полустертый рисунок, который напоминал дракона. Японцы решили опрашивать всех встречающихся местных жителей. Вдруг кто-то из них видал в озере таинственное чудовище?

Наутро катер с двумя членами команды, пятью японцами, двумя переводчиками, парой аквалангистов, группой студентов-историков, Сергеем Дудашвили, Виктором, Владимиром Михайловичем и Василием Плоских отчалил от берега и направился на поиски мифического существа. Японцы крепили на штативах кинокамеры. Звукооператор бегал в наушниках по палубе, размахивая длинным шестом с висящим на нем большим микрофоном, проверяя слышимость. Режиссер смотрел на все происходящее сквозь призму своих очков задумчивым взглядом. Остальные не жились под лучами встающего солнца – ночь была довольно прохладная и все радовались теплу и открывающемуся впереди синему, казалось, безбрежному простору.

Впереди ждали новые открытия – в этом никто не сомневался.

Первый день поисков

Катер останавливался над руинами древних городов. Аква-лангисты ныряли, японцы снимали, телеведущая эмоционально реагировала на каждую находку, доставленную из воды на борт корабля. Она преувеличенно ахала, делая круглые глаза, прижимала руки к груди и преданно смотрела в глаза академику. Владимир Михайлович, одетый в рубаху с живописным ярким рисунком, сильно загоревший, а ля морской, а также археологический волк, брал в руки каждую находку, смотрел на нее, прищурив один глаз, и потом глубокомысленно изрекал, к какому периоду времени она относится. Миловидная телеведущая опять проникновенно ахала, потому что датировки академика уходили все дальше и все глубже в века. Курганы, которые находились на дне, принадлежали к сако-усуньскому времени, то есть ко второму–четвертому векам до нашей эры. Археологам везло. В обнаруженном размытом кургане было неразграбленное захоронение, и аквалангисты вытаскивали на борт одну находку за другой. Бронзовые кинжалы-акинаки и боевые топоры, большие чаши, обросшие морскими отложениями, и керамическая посуда, украшенная печатями мастеров и орнаментом. На одном из многочисленных обломков кувшинов красовалась большая шестиконечная звезда, внутри нее были две вихревые розетки – знаки солнца. Японцы увлеченно снимали. Сценарист что-то отрывисто говорил, телеведущая восторженно тараторила, Владимир Михайлович вещал веско и внушительно. Аква-лангисты продолжали нырять и притаскивать артефакты, остальные члены экспедиции загорали на верхней палубе, стараясь не попадаться в объектив японской камеры и хранить молчание, потому что при малейшем постороннем шорохе звукооператор-японец делал страшные глаза и вертел в разные стороны своим шестом с насаженным микрофоном.

Виктор, не выдержав ожидания, надел маску и ласты и потихоньку спустился в воду с другого борта корабля, незамеченный операторской группой.

Вода бодрящим бальзамом охватила разгоряченное тело. Виктор нырнул и огляделся. В голубом полумраке виднелся вал оплывшей стены. Виктор знал, что стена большим прямоугольни-

ком, длиной каждой стороны в триста метров, охватывала древний некрополь. Он же мог видеть лишь часть ближайшей стены, продолжение скрывалось в призрачно-голубом мареве. В этом месте было довольно много ила и видимость была около десяти метров. Виктор поплыл к центру прямоугольника. Внезапно из мрака появились контуры какого-то треугольного сооружения. Подплыв ближе, он увидел, что это небольшая пирамида, около двух метров высотой, сложенная из довольно крупных «зернотерок». С какой целью была воздвигнута эта пирамида и когда, вряд ли кто-то мог сейчас сказать. Виктор поплыл дальше по направлению к берегу. Возможно, там удастся отыскать что-нибудь интересное...

Он плыл на расстоянии двухсот метров от берега. Лицо с маской было погружено в воду, руки работали ритмично, с каждым взмахом придавая телу легкое скольжение, ноги, естественным продолжением которых были широкие ласты, помогали этому движению. Дышал Виктор спокойно и глубоко. Воздух с шумом вырывался из зажатой во рту трубки. Внизу медленно проплывало песчаное дно. Кое-где росли темные водоросли, тянувшие свои длинные нити-ветви вверх, к свету. Темно-бурые пятна подводных зарослей имели почти идеальную круглую форму. Возникало чувство, что кто-то специально высадил растения по кругу диаметром в три-четыре метра. Возможно, водоросли росли на месте разрушенных сооружений. По дну озера, на глубине трех-четырёх метров, были рассеяны обломки каменных орудий. Вот изогнутые крылья «зернотерок». От крошечных, семи-десяти сантиметров в длину, до гигантских – размером в метр. Большой частью «зернотерки» были разбиты, и лишь их вогнутые, выработанные поверхности говорили о том, что некогда они служили людям. Виктор подумал, что их название не совсем точно определяет их назначение.

Зачастую в песке вокруг «зернотерок» лежали оплывшие куски шлака. Иногда они были такой причудливой формы, что походили на застывших драконов или диковинных рыб. В одном месте Виктор обнаружил несколько кругов, образованных небольшими остатками тонких стен из песчаника, такого же диаметра, как и круги из водорослей. Видимо, здесь когда-то стояли металлургические печи. Виктор предположил, что в «зернотерках» могли

дробить руду. Кое-где Виктор поднимал со дна каменные шары. Они были небольшого размера, от семи до десяти сантиметров в диаметре, и удобно ложились в ладони. У некоторых были сточенные стороны. По всей вероятности, эти шары тоже служили людям для дробления породы.

Среди камней, лежащих на дне, часто встречались пестики различных форм, орудия, которые служили и пестиками, и терками одновременно. Одни из них были совсем «новые», другие, с большой выработкой, «трудились» не один год.

Иногда Виктору казалось, что на дне Иссык-Куля нет камней без следов человеческой деятельности. Но Виктор знал, что это впечатление обманчиво. Просто обычно он плавает там, где раньше жили люди.

Вот песчаное дно сменилось пластами из глины. В ней, словно жемчужины, рассыпаны белые раковины моллюсков. Видимо, в древние времена на этом месте было болото, в котором кипела жизнь. Потом озеро поглотило и это болото, и соседнее древнее поселение людей. Теперь отдыхающие, гуляющие по побережью после шторма, собирают выброшенные волнами ракушки, искренне считая, что они живут в горном озере.

Виктор заметил в глине несколько человеческих скелетов. Все они лежали на спине, устремив вверх пустые глазницы пожелтевших от времени черепов. Один из скелетов был младенческий. Верхний слой глины, веками хранивший покой усопших, теперь размылся, и скелеты лежали, словно утопая в мягкой перине из глины. Другим повезло меньше. Их останки, разнесенные безжалостными волнами и течениями, были рассеяны вокруг. Отдельные кости, одинокие черепа. Это были захоронения, Виктор в этом не сомневался. Он проплыл мимо трех небольших каменных курганов. Они были идеально круглые, сложенные из небольших булыжников. Виктор нырнул и проплыл вокруг одного из курганов. Оказалось, что небольшие стенки из песчаника, выступавшие из песка, помогали куче камней сохранять правильную форму. Виктор вынырнул и резким выдохом выбросил воду из трубки. Подняв голову, он посмотрел на берег. Там спешно возводился новый пансионат. Интересно, знает ли его хозяин о том, что рядом с пляжем располагается древний погост? Как к этому известию отнесутся будущие кли-

енты пансионата? Отбросив мимолетные мысли, Виктор вновь нырнул на дно.

Тут и там лежали черепки керамической посуды. На одних были незамысловатые узоры, на других остатки «поливной» глазури зеленого, белого или синего цвета. Подняв один из крупных обломков, видимо, керамической чаши, Виктор с восторгом увидел, что на его внутренней поверхности сохранился орнамент, выполненный из разноцветной глазури. Другой предмет, привлечший внимание Виктора, был похож на закопанный череп. Над песком возвышалась небольшая красновато-желтая сфера. Виктор давно привык к виду древних человеческих останков, которые в изобилии наблюдал на дне Иссык-Куля. Да и в некоторых местах волны частенько выбрасывают на берег человеческие кости. Ведь озеро поглотило большие города и поселения! Но замеченный предмет манил Виктора к себе. Он решил осмотреть череп. Нырнув, Виктор рукой разгреб песок. К удивлению, предмет с полусферическим дном имел цилиндрические стенки. Виктор извлек его на поверхность — это была совершенно целая миска, из которой несколько веков назад ел человек!

Опустившись на песчаное дно в центре одного круга из темных водорослей, Виктор любовался «живой» стеной из растений, поднимавшейся со всех сторон. В зарослях он заметил довольно большой камень необычной формы. Это был цилиндр диаметром около сорока—пятидесяти сантиметров и в длину больше метра. Предположив, что форма камня искусственная, Виктор подплыл к нему поближе и осмотрел его торец: там было выдолблено отверстие. Этот цилиндр был когда-то насажен на ось, и его приводило в движение какое-нибудь животное: вол, верблюд или лошадь. С помощью такого нехитрого устройства люди дробили руду или зерно. В подтверждение этого предположения Виктор обнаружил рядом с валом каменное колесо ручной «зернотерки». В центре его было сквозное отверстие для насаживания на ось, сбоку виднелось небольшое углубление для деревянной ручки, с помощью которой приспособление приводилось в движение.

Захватив с собой наиболее интересные находки, Виктор поплыл в сторону катера, стоявшего на якоре метрах в четырехстах от берега. Там продолжались съемки японского фильма «В

поисках дракона». Московские аквалангисты, принимавшие участие в съемках, были участниками ежегодных изысканий академика Плоских. Руководитель группы подводников Николай был опытным пловцом и тренировал спасателей ФСБ России. В течение нескольких лет Николай и его жена Света, тоже аквалангист со стажем, ныряли на Иссык-Куле в поисках затонувших городов. Многие тайны местных атлантид стали известны благодаря им.

Около корабля было немного глубже, чем в том месте, где плавал Виктор, и солнечные лучи терялись в голубой мгле озера. Виктор плыл размерено, любуясь этими переливающимися, сверкающими столбами света, которые, казалось, уходили в одну точку в таинственной глубине вод. Сколько неизвестного и загадочного хранят воды Иссык-Куля?

Поднявшись на борт корабля, Виктор стал свидетелем встречи японцев с местными жителями.

Неподалеку был пляж, на котором купались жители близлежащих сел. Их сразу привлек вид остановившегося катера, и они с интересом наблюдали долгое время за аквалангистами и операторами со стороны. В конце концов любопытство победило, и от берега отчалило несколько лодок, до отказа набитых людьми. В основном это были молодые парни. Четыре лодки наперегонки пустились по направлению к катеру. Гребцы старались изо всех сил, подбадривая себя громкими криками. Им вторил яростный вопль оставшихся на берегу. Налетевший встречный порыв ветра несколько замедлил движение приближающихся суденышек, но гребцы еще быстрее заработали веслами и их крики слились в сплошной дикий вой. Впечатление было такое, словно местные жители решили взять судно на абордаж.

Японцы, несколько опешив от такой экспрессии, всё же продолжали снимать приближение эскадры разгоряченных зевак. Виктор, подозревая, что любопытство парней подогрето изрядной порцией спиртного, с тревогой наблюдал за происходящим.

Наконец лодки достигли катера. Не доходя двух-трех метров до борта корабля, парни остановили свои посудины и замерли в нерешительности. Цель была достигнута, и они не знали, что же делать дальше. Некоторые из них смущенно разглядывали участников экспедиции и съемочную группу японцев, другие гром-

ко переговаривались между собой. Говорили они по-кыргызски, и понять их могли только переводчики японцев, парень с девушкой – кыргызы. Но они не спешили прийти на помощь участникам экспедиции.

Съемки были под угрозой срыва – светлого времени оставалось не так много, все пространство, по которому плавали аквалангисты, было усеяно лодками с зеваками, которые вызывающе громко смеялись и в упор разглядывали людей на катере.

Ситуация разрешилась совершенно неожиданно. На палубе появился Василий Полоских, который до этого находился в рубке капитана. Он тут же разглядел в одной из лодок зевак знакомого лесника.

– Джениш! – закричал Василий, подходя к корме, где стояли японские операторы. – Ты чего тут делаешь?

Лодка с лесником немедленно причалила к кораблю, и Джениш оказался на борту катера.

Узнав от Плоских, что его «банда» мешает важным съемкам, лесник смутился. Оправдываясь, он бормотал каждому, с кем его знакомил Василий:

– Женя, по-русски меня так зовут, Джениш – это по-кыргызски. Я ведь тут лесник, должен знать, кто здесь ходит и чего делает.

Узнав, что дом Джениша стоит недалеко от береговой линии, режиссер оживился и напал на лесника с расспросами о морском чудовище. Василий объяснил удивленному леснику цель поисков японских телевизионщиков. Джениш, искренно желавший помочь иностранцам, произвел опрос своих сотоварищей на всех четырех лодках, но результат был неутешительный: никто из членов его «банды» никогда не видел в озере дракона.

Вскоре лодки с зеваками убрались восвояси, и аквалангисты продолжили работу. День близился к концу. Заходящее солнце залило окрестности теплым желтым светом. Многочисленные блики на волнах вспыхивали искристым золотым блеском, золотом окрасился песок на пляже, а лучи солнца, заливавшие далекие горы, казались золотыми столбами, исходящими из скрывающегося за грядой светила.

Пора было плыть к базовому лагерю. Весь день работали лишь аквалангисты и японцы, остальные томились на палубе. При

крейсерской скорости катера 12 километров в час путь до лагеря займет пять часов! И все это время пройдет в абсолютном бездействии и тоске! И это в наш век скоростей и ритма! Есть от чего загрустить.

И тут произошло событие, которое вмиг разогнало томную дрему скушающих участников экспедиции. Подплыв к кораблю, Николай протянул Владимиру Михайловичу последнюю находку. Ею оказался небольшой кусок металлического стержня. Круглого сечения, диаметром около сантиметра, в длину около двух с половиной сантиметров. Стержень был слегка изогнут.

– Латушь? – спросил Николай, вынув загубник акваланга изо рта.

Плоских слегка потер брусочек пальцами, удаляя налипшую глину. В лучах заходящего солнца засветился желтый металл. Владимир Михайлович чувствовал приятную тяжесть небольшого куска металла.

– Золото, – восхищенно выдохнул академик и добавил громко, обращаясь ко всем на корабле: – Граммов пятьдесят будет!

В ответ раздался возглас «Ура!», вырвавшийся из многочисленных глоток участников плавания. Японцы, догадавшись о причине всеобщего ликования и без переводчиков, тоже радовались. Оператор продолжал методично снимать все происходящее на камеру. Звукооператор тыкал своим шестом с микрофоном в разные стороны.

Солнце из желтого шара превратилось в красный. Рубиновым светом вспыхнули ледовые шапки могучих гор, окружающих озеро. Да и сами воды горного «моря» окрасились в бирюзово-алый цвет. Казалось, что корабль плывет по кумачу или светящейся лаве. Только вечерняя прохлада говорила о том, что это все-таки вода.

На берег уставшие участники морского похода сошли лишь после полуночи. Их ждал давно остывший ужин и встревоженные долгим отсутствием остальные члены экспедиции. Весть о найденном золоте вихрем пронеслась по лагерю.

И все же, несмотря на успехи первого дня, Сергей и Виктор решили не принимать участия во втором дне плавания. Слишком томительным было ожидание, хотелось быть не только зрителями, но и участниками поисков. Поэтому наутро они отправились в Курментинское ущелье, в котлован Амана.

Котлован

Поднявшись по ущелью на джипе к месту раскопок, Сергей и Виктор вышли из машины. Вокруг котлована ничего не изменилось с прошлого года. На поляне под скалой стояла юрта Амана. Возле нее лежали строительные каски, альпинистские веревки, кирки и другие строительные инструменты. Возле юрты никого не было – Аман с друзьями работал в котловане. Вокруг по склонам гор росли ели, невдалеке шумела в обводном канале река, в цветущих травах гудели шмели и пчелы – ничто, кроме гигантской воронки в земле, не говорило о присутствии здесь человека. Шума работы тоже не было слышно.

Виктор и Сергей начали спускаться в котлован. Туда вела тропа, проходящая по старому руслу реки. Она круто устремлялась вниз.

Вид котлована изменился за последнее время. Виктор отметил, что водный поток на противоположной стороне ямы заметно увеличился – в котлован небольшим водопадом стекала часть реки. Терялась она в центре котлована под вновь насыпанным грунтом, который выбирали «старатели», углубляясь внутрь утеса. Судя по насыпи, группа Амана прошла солидный отрезок по пути к сокровищам – земля закрыла всё скальное ложе реки, которое обнажил Аман в прошлом году.

Виктор предполагал, что Аман продолжит раскопки именно в центре котлована, чтобы добраться до нижнего заваленного зала открытой им пещеры. Туда уходила попадавшая в котлован вода. В галечном дне подземного зала исчезал и поток, струившийся по пещере. Внешняя стена зала представляла собой конусный вынос из камней, гальки и глины. Сергей и Виктор были убеждены, что этот вынос и есть заваленный вход в пещеру. Но Аман продолжил поиски в другом направлении.

На дне котлована не было никого из кладоискателей. В том месте, где поперек скального утеса проходил гигантский разлом, вдоль которого пролегал шурф энкавэдэшников, был установлен блок из бревен и веревок. Подойдя поближе к краю разлома, Сергей и Виктор невольно вскрикнули от неожиданности.

Там, где старый шурф делал горизонтальный поворот и упирался в узкую трещину, зиял огромный колодец. На его дне, в

двенадцати метрах ниже Сергея и Виктора, возились люди. Колодец был в диаметре около пяти метров. Аман шел точно по разлому, вынимая весь нанесенный рекой грунт. Это были тонны и тонны песка, гальки и громадных камней, некоторые из них были размером с большой платяной шкаф. Как могли четыре человека проделать такую поистине титаническую работу?! Ведь они пользовались лишь примитивными инструментами для работы: киркой, лопатами и ломом! Виктор отметил про себя ненадежность крепежа внешней стороны колодца. На границе разлома возвышалась стена из камней и лесса, которая удерживалась щитами, сбитыми из досок. Сами щиты фиксировались при помощи деревянных брусков, вклиненных между щитами и скалами. Видимо, Аман не предполагал, что колодец будет столь глубоким, и поэтому посчитал такой крепеж достаточным. Но колодец уже углубился на высоту четырехэтажного дома! Страшно было наблюдать за работающими внизу людьми, над которыми висит гигантская масса камней, удерживаемая лишь хлипкими досками.

Заметивший гостей Аман поднялся по веревке наверх. Он с гордостью показал на копошащихся на дне колодца людей:

– Видите, сколько удалось нам пройти. Осталось три–четыре метра – и мы войдем в пещеру.

– Аман, у меня нет слов, – проговорил Виктор. – Как вам удалось вытащить такую уйму грунта?

– Мы работаем без выходных и праздников, – смущенно ответил кладоискатель. – Работаем дотемна, пока глаза еще могут что-нибудь различить. Трудно, конечно, было, особенно первое время. Приходилось вручную ломом и кирками разбивать большие камни и по частям вытаскивать их на поверхность, но теперь нашелся спонсор и дал нам компрессор и отбойный молоток-перфоратор. Теперь разбивать глыбы куда легче и быстрее.

– Я тебя не пойму, Аман, – заговорил Сергей. – Ты говоришь, что осталось пройти три–четыре метра. Откуда такая уверенность?

– Во-первых, я это чувствую, – начал горячо объяснять Аман, – камни пошли вместе с глиной. Такое впечатление, что это искусственная кладка.

– Ты считаешь, что эти глыбы кто-то специально сюда притащил и выложил? – изумился такому предположению Виктор.

– Конечно, – убежденно ответил кладоискатель, – а откуда, по-вашему, на такой глубине глина? Выше ее не было.

– Ее принесла река, – спокойно пояснил Сергей. – Так же, как и камни.

– Нет! – не согласился с таким объяснением Аман. – Посмотрите, что я нашел.

Кладоискатель повел друзей в сторону от края колодца по направлению к входу в открытую им пещеру. Виктор заметил, что и там произошли изменения. Горизонтальный лаз, через который они с Сергеем и Василием проникли в пещеру в прошлом году, был полностью похоронен под каменным завалом. Над осыпью в полутора метрах выше старого лаза прямо в скале был пробит новый ход. Аман поймал удивленный взгляд спелеологов и пояснил:

– Стена котлована обрушилась и завалила вход в пещеру. Пришлось сделать новый – хорошо, теперь у нас есть перфоратор – это было нетрудно.

Кладоискатель подвел спелеологов к небольшому камню, лежащему у скальной стены котлована неподалеку от колодца. Камень был почти кубической формы с неровными гранями. На верхней стороне было углубление неправильной формы.

– Вот, полюбуйте, – Аман подождал немного, дав спелеологам изучить его находку. Потом, видя недоумение Сергея и Виктора, подошел к камню и опустил в углубление в нем раскрытую правую ладонь. Она вошла в каменное ложе почти идеально.

– Видите? – благоговейно прошептал кладоискатель. – Этот камень лежал точно посередине колодца. Видимо, он охранял доступ к сокровищам. Я думаю, что вход в пещеру разрешен только тому, чья ладонь войдет в это углубление. Вы же видите, что я из тех, кому дозволено прикоснуться к кладу. В общем, еще три метра – и мы будем у цели.

– А все-таки, – спросил Сергей, – есть у тебя более веские основания считать, что через три метра будет вход в пещеру?

– Конечно. Пойдемте в юрту. Я вам кое-что покажу.

В юрте Аман угостил гостей чаем с горным медом, который в изобилии добывают по всему Прииссыккулью. Потом вытащил из портфеля, лежащего в углу жилища, довольно увесистую папку с подшитыми документами.

– Это отчет о геофизической разведке в 1977 году. Мне его дал сам Альберт Каюмович Сабитов, который руководил работами в Курментинском ущелье. Тут даже два отчета. Один сокращенный, тот, который предоставили первому секретарю Компартии Киргизии Усубалиеву Турдакуну Усубалиевичу. Ведь разведка тогда велась по заданию партии и правительства. Инициатором раскопок был генерал Эргеш Алиевич Алиев. Он в 1953 году не нашел вход в пещеру с кладом. Да он и не мог это сделать, потому что работал вслепую – его шурф уткнулся в узкую трещину. Алиев попал в тупик. Мы же вскрыли всю его проходку. Котлован обнажил скалу и разлом. В 53-м рабочие Алиева уперлись в скалу и вынуждены были бить горизонтальный ход. Мы же, выбрав грунт, обнаружили, что препятствие – огромный валун, и разбили его на части. Вытащив обломки камня, мы пошли глубже. Вы же видели, мне удалось пройти двенадцать метров вниз по разлому. Вот, посмотрите отчет группы Сабитова.

Сергей принялся изучать документы. Текст сопровождали рисунки и графики. Геофизики разместили несколько электродов в разных местах таким образом, чтобы просканировать разлом в скале на глубину более тридцати метров. Сканирование дало несколько мест «затухания» сигнала. Наибольшее затухание было обнаружено на глубине 22–26 метров. На рисунке был изображен разрез грунта на глубину тридцати пяти метров. На нем были обозначены три зоны «затухания». Последняя, самая большая зона, вызвавшая исчезновение сканирующего сигнала практически до нуля, была выделена особо. В отчете говорилось, что такое «затухание» может произойти при наличии металлического тела. Но уверенности стопроцентной у геофизиков не было. Аналогичное «затухание» могла вызвать полость в скале, наполненная глиной, илом или водой. Поэтому в кратком отчете, который был направлен Усубалиеву, ученые написали, что никаких признаков клада они не нашли. Никто не хотел брать на себя ответственность. Но Сабитов, руководитель группы геофизиков, был твердо убежден – они зафиксировали наличие клада. Об этом он и поведал Аману и передал ему отчеты той экспедиции, которые хранил у себя.

– Теперь поняли, почему мне осталось пройти три метра? – спросил Аман спелеологов, которые тщательно изучили все до-

кументы из «заветной» папки. И добавил: – Семь метров я прошел до колодца от первоначальной точки. Двенадцать метров колодец. Итого девятнадцать метров, до двадцати двух как раз осталось три метра. Конечно, это тонны породы. Приходится выбирать весь грунт из разлома, иначе он обрушится нам на голову. Мы должны избежать ошибок предыдущих поисков. Перфоратор помогает нам разбивать большие глыбы на части. Ребята работают с энтузиазмом, ведь мы на пороге долгожданной находки. Скоро, очень скоро мы попадем в пещеру.

– Аман, в отчете написано, что это «возможно, металлическое тело». Но может быть, это просто полость? – осторожно спросил Сергей кладоискателя. – И никаких сокровищ там нет?

– Конечно, это полость, – горячо заговорил Аман. – А как вы думали? Ведь в легенде говорится, что клад спрятали в пещеру! Вот эта пещера и видна на рисунке геофизиков. Посмотрите, там даже размеры подземного зала точно определены – три с половиной метра в высоту и три в ширину. Что-то внизу точно есть, я это чувствую. То грунт местами проваливается, то снизу ощущается движение воздуха. Словно легкий ветерок из мелких трещинок вырывается. Пещера рядом! Еще две–три недели, и мы проникнем в «аномальную» зону, которую зафиксировали геофизики в 77-м году.

Когда спелеологи возвращались в лагерь археологов на берегу Иссык-Куля, Сергей поделился своими мыслями с Виктором:

– Это обычная полость, скорее всего, это тот зал, в который спускался Василий Филиппенко. Никакими сокровищами тут и не пахнет. Подобным образом мы искали пещеры во времена Советского Союза.

– Мне кажется, – заметил Виктор, – что найденная Аманом пещера распространяется в основном вниз и на северо-запад. Жаль, что мы в прошлом году не сделали съемку подземного хода. Но, я думаю, что последний зал не доходит до колодца в разломе. Он расположен где-то на полпути между входом в пещеру и разломом. Скорее всего, там, куда уходит вода, попадающая в котлован. Ведь она потом проходит сквозь скалу и попадает в ручей возле села Курменты на противоположном склоне хребта. По всей вероятности, в недрах скального массива существуют и другие подземные ходы.

– А я надеюсь, – настаивал на своем мнении Дудашвили, – что полость, обнаруженная геофизиками, и пещера Амана – это одна и та же пещера. Если бы Аман вошел в нее с другой стороны, со стороны разлома, было бы здорово. Какой бы туристический объект мог возникнуть! Было бы что показывать туристам! Легенда есть, история поисков то же есть, а тут еще и пещера! Все желающие могли бы проникнуть в «таинственную» пещеру. Пока через существующий ход неподготовленному человеку очень сложно попасть в нижний зал: слишком узко, надо лезть по скалам, да еще холодная вода за шиворот течет!

Вечером спелеологи, не дождавшись прибытия команды археологов на катере, легли спать. Ведь неизвестно, когда «иссык-кульский тихход» достигнет пункта назначения!

В лагере

Эта ночь, по сравнению с предыдущими, была значительно теплее. Вовсю светила полная луна и можно было свободно гулять без фонаря. Таинственно мерцало озеро, по которому бежала зовущая в неизведанное лунная дорожка. В темной воде мерещились любимые сердцу японцев драконы. С легким шипением набегала на берег спокойная волна.

И утро выдалось тихое и ласковое. Проснувшись, как обычно, в шесть часов утра, Виктор выскользнул из спальника и выбрался из палатки. Собрав несколько аппетитных ягод с куста малины, росшей неподалеку, он пошел на берег озера. Утреннее купание было обязательной ежедневной программой. Виктор любил плыть по гладкой, зеркальной поверхности Иссык-Куля, еще не затуманенной рябью бриза. В озере отражались снежные вершины гор южного берега, умытое сине-голубое небо с плывущими по нему белыми парусами облаков, края которых были подерманы лучами восходящего светила. Виктору казалось, что он может так плыть между облаками, небом и озером бесконечно. Время остановилось, вода бодрящим бальзамом струилась вокруг тела и наполняла душу тихим спокойствием, близким к блаженству. Но вот лучи солнца начали нагревать сушу, теплый воздух подался вверх к небесам и на его место устремился прохладный воздух с Иссык-Куля. Начался бриз. Зеркало мгновенно

но исказилось, отражение разбилось на мелкие кусочки, рябь пробежала по лицу озера, и Виктор повернул назад к берегу.

На берегу, возле палатки Василия Плоских, Виктор заметил Дудашвили и Василия. Те тоже уже приняли водные процедуры и грелись под нежарким еще утренним солнцем. Виктор подошел к ним и узнал, что археологи вернулись в лагерь далеко за полночь. Василий поведал о событиях минувшего дня. Основное время было занято «тихоходным плаванием» на катере. Остальное – погружение, поиски, съемка. Каких-то выдающихся находок не было, но японцы в восторге – все, что их интересовало, они отсняли.

Сергей и Виктор еще раз порадовались, что отказались от плавания на «тихоходе». Вместо бездействия, они целый день были в горах, у Амана. Виктор даже поднялся выше котлована по ущелью и с металлоискателем побродил по плато, которое возвышалось над рекой. Он обнаружил там несколько средневековых китайских монет, стальные наконечники для стрел разнообразной формы: трехгранные; плоские, словно лист; с раздвоенным острием, точно ласточкин хвост; цилиндрические, большие и маленькие. Видимо, на этом плато в средние века было небольшое поселение. В подтверждение своей догадки Виктор нашел небольшое пряльце от веретена. Оно было сделано из свинца и по форме напоминало солнце с лучиками. Если в средние века в ущелье было поселение, то о существовании пещеры в скале людям было известно, размышлял Виктор. Могли ли монахи спрятать клад в столь известном месте?

Разговор Сергея и Василия перешел на Амана и его поиски.

– Не найдет Аман никаких сокровищ, – убежденно говорил Дудашвили. – Не верю я в клады.

– Ты не прав, Сергей, – вмешался в беседу подошедший Виктор. – История знает немало случаев, когда кладоискатели находили спрятанные сокровища. Например, поднимали золото с затонувших кораблей.

– Ну, корабли – это совсем другое дело, – упрямо возразил Дудашвили. – Они на дне моря лежат. До них трудно добраться.

– А в земле тоже походи-найди, – парировал Виктор.

– Не спорьте, – примиряющим тоном сказал Василий. – Ко-

нечно же, Аман не отыщет свой клад. Я ему в самом начале работ говорил: «Не жмоться – зарежь в жертву быка!». А он барана в жертву принес. Ведь когда пещеру засыпали, жертвенного быка поставили охранять сокровища, значит, если хочешь пещеру найти, без быка не обойтись!

– Глупости все это, – твердо сказал Сергей. – Не может там быть клада.

– Помнится, Сергей, ты утверждал, что на Иссык-Куле не может быть никакой пещеры, а Аман нашел! – поддел товарища Виктор.

– Пещера – это иное дело. Курменты – единственное место, где возможно существование подземных полостей. Карстующийся известняк, целый массив, но выхода на поверхность нет, вот что я утверждал. И был прав, поскольку вход в пещеру Аман обнаружил на глубине пяти–шести метров.

– А вы видели, как там закреплена внешняя стена? – спросил спелеологов Василий. – Я близко подошел к колодцу, где копает Аман, боюсь. Вот-вот все рухнет. Да еще сверху скалы нависают. Такие массы, я их давление физически ощущаю. Весь разлом в трещинах. Не дай бог, землетрясение – братская могила им обеспечена!

Василий любил намекнуть на свои экстрасенсорные способности, и Аман часто звал его на помощь, чтобы тот дал какой-нибудь дельный совет. Иногда доверчивый кладоискатель донимал Василия уговорами открыть тайну подземного клада, ведь Василий может общаться с духами. Пусть укажут верный путь! Но Василий напускал тумана и уходил в сторону, говоря, что клад можно добыть лишь с чистым сердцем, светлыми помыслами и со светлым разумом, иначе он в руки не дастся. И, естественно, только через тяжелый труд. Аман вздыхал и вновь принимался за раскопки.

– Клад-то Аман не найдет, лишь бы никто не пострадал. Вы бы, Сергей Давыдович, – продолжал Плоских, – сказали бы эмчээсникам – пусть запретят работы. Ведь техники безопасности никакой, а у вас там знакомые!

Дудашвили задумался и кивнул в знак согласия.

– Амана трудно остановить, – заметил Виктор, – он эти сокровища во сне видит. Если ему запретить копать, он смысла жизни лишится.

– Вот-вот, – поддакнул Василий, – помешался Аман на кладе. Если его там нет, что будет? Аман ведь тронуться умом может. Надо его спасать!

– Каким образом? – полюбопытствовал Виктор.

– Я думаю, очень простым. Аману надо дальше продолжать искать клад, но только в другом месте, – заговорщицки, тихим голосом произнес Василий. – И у меня уже есть одно местечко. Не скажу, где оно находится, но верное. Мне о нем поведал один хороший друг, из местных. В одном ущелье под водопадом спрятан клад. Вход в камеру, в которой лежат сокровища, открывается один раз в несколько лет. И не каждому, а только избранному человеку. Тайну клада передавали из поколения в поколение люди, которых поставили стеречь сокровища. Так случилось, что мой друг оказался единственным человеком, которому известна тайна клада. И он доверил ее мне, как самому близкому другу. Вот эту тайну я хочу открыть Аману, чтобы, во-первых, спасти его от помешательства, а во-вторых, чтобы через него сокровища пришли к людям. Ведь он – избранный!

Разговор прервало появление на пляже Владимира Михайловича. Академик, одетый в роскошный халат, с седой гривой волос на голове, монументальный как скала, представлял собой живописное зрелище. В усах пряталась добродушная улыбка. Поприветствовав беседующих на берегу членов экспедиции, Плоских-старший проговорил:

– А вы знаете, друзья, что я думаю о найденном золотом брусочке? Ведь это же своего рода деньги, вроде всем известного серебряного рубля. Сколько надо было, столько и отрубали от этого брусочка для расплаты за покупку.

Величественно сняв халат, академик погрузился в прозрачные воды Иссык-Куля, словно совершал акт ритуального омовения. Постепенно лагерь просыпался и готовился к новому дню, к новым поискам и открытиям.

Показательное преступление

В кабинет директора иссык-кульского пансионата «Рахат» неспешно вошел человек средних лет. Был он невысокого роста, довольно крепкого телосложения. На гладко выбритой голове –

мусульманская шапочка. Лицо украшали небольшая бородка и редкие усы.

Бахруль Халимжанович оторвался от бумаг, лежащих на письменном столе, и посмотрел на вошедшего. Директору сразу не понравился колючий взгляд посетителя, от него веяло холодом и возникало непонятное беспокойство. Бахруль Халимжанович в приоткрытую дверь заметил перепуганные глаза девочки-секретарши, двух шкафоподобных мужиков возле нее и понял, почему гость явился без доклада. Тот прикрыл за собой дверь, подошел к столу директора и сел рядом в кресло. Бахруль Халимжанович был на голову выше своего гостя и крупнее по комплекции. Директор постарался подавить возникшее неприязненное чувство к незнакомому человеку и первым поздоровался:

– Аллейкум ассалам! Чем обязан вашему визиту?

Гость медленно поднял на хозяина свои холодные глаза:

– Мои люди дважды приходили к вам, уважаемый Бахруль Халимжанович, – он говорил негромко и спокойно, – и вы дважды их выгнали из кабинета. Я вынужден был лично к вам приехать.

– Во-первых, не имею чести вас знать, – директор старался говорить спокойно, не волнуясь. – Во-вторых, если вы имеете в виду визиты двух бандитов, которые предлагали мне платить астрономические суммы за так называемую «заботу обо мне», то я недвусмысленно объяснил, что являюсь лишь управляющим пансионатом, который находится в ведении Национального банка Республики Узбекистан. Это не моя личная собственность. Все вырученные средства я передаю хозяину, то есть Национальному банку Узбекистана. Я честный управляющий, и кроме зарплаты у меня нет других наличных средств. Если вы хотите, чтобы вам платились какие-то фантастические деньги просто за «воздух», то направьте прошение в дирекцию банка. Я берусь его передать. Но платить я не уполномочен и не буду!

Во время этого монолога управляющего гость сидел тихо, не сводя с него своих пронизывающих глаз.

– Я вас, Бахруль Халимжанович, прекрасно понимаю. Но это ваши проблемы, и вы должны их сами решить. А платить надо. Вы пользуетесь не только воздухом, как вы изволили заметить, но и землей, и водой Иссык-Куля. В этом мире за все надо платить. Вы не заплатите, другой не заплатит – дурной при-

мер заразителен – что тогда будет? Нарушится установленный порядок. Нарушать установленные порядки нельзя – в мире и так много хаоса и беззакония. Мы должны поддерживать законы, какие бы они ни были. Менять их – удел избранных. Например, депутатов. Мы с вами обязаны исполнять правила и законы – тогда мы будем честными и добропорядочными гражданами.

– Уважаемый, не знаю, как вас величать, вы сами нарушаете человеческие законы, грабите честных людей, которые добывают хлеб своим трудом. Когда я пришел сюда, «Рахат» был в полном запустении, как и многие другие пансионаты на Иссык-Куле. Я поднял его из руин, сегодня он лучший на побережье. Когда меня назначили управляющим и спросили, сколько я хочу получать, я ответил: «Не платите мне ни копейки. Когда я что-то сделаю, сами определите, сколько стоит мой труд». Мне платят достойную зарплату. Все налоги, полагающиеся по законодательству Кыргызстана, пансионат исправно перечисляет в казну республики. За что, извините меня, платите вам?

– Да, вы правы, уважаемый Бахруль Халимжанович, вы настоящий мастер своего дела. «Рахат» на самом деле – лучший отель на Иссык-Куле. На вас смотрят и равняются, поэтому очень важно, чтобы вы не нарушали установленного порядка.

– Вы издеваетесь надо мной? – вскричал, не выдержав, Бахруль Халимжанович. – Я вам в отцы гожусь, не смейте говорить со мной в таком тоне! Я честный человек, а вы бандиты! Я не желаю играть с вами в ваши игры!

– Я вам все же советую подумать, – видимо, посетитель привык к таким взрывам эмоций, и держался спокойно. – Вы один не перевернете мир. И потом деньги, которые вы должны заплатить мне, пойдут на пользу людям Прииссыккулья. Я им построю дома, отремонтирую дороги, приглашу туристов из разных стран. При мне жители Иссык-Куля будут процветать, и они об этом знают. Я ничего от них не скрываю. Они все как один отдадут голоса за меня. Скоро я стану депутатом. Вот тогда я смогу изменять законы. Хотя навряд ли вы освободитесь когда-нибудь от уплаты денег. Вы пользуетесь нашим достоянием и обязаны платить за это. Иначе скоро местные жители будут сидеть на горах и издали смотреть на свой Иссык-Куль. Все побережье захватите вы: узбеки, казахи, русские, иностранцы. Даже «новые кыргызы» не

пускают в свои отели нас, несчастных местных жителей. Лицом мы не вышли, денег у нас нет покупать путевки по бешеным ценам в их отели. Люди говорят, дешевле на Канарские острова или в Таиланд съездить отдохнуть, чем на родном Иссык-Куле позагорать. Дерете вы с нас три шкуры, так надо иметь совесть и делиться с настоящими хозяевами Иссык-Куля. В общем, уважаемый Бахруль Халимжанович, сроку вам даю три дня. Вы должны внести требуемую сумму моему человеку.

– Вздор! – взорвался директор. – Вы несете настоящий вздор. Вы – бандит. Таким, как вы, не место в правительстве! И не надо ждать три дня – я не изменю своего решения. Попрошу освободить мой кабинет, мне нужно работать!

Спустя три дня на автотрассе Бишкек – Чолпон-Ата на обочине дороги стоял джип «Мицубиси Паджеро». В кресле водителя сидел, откинувшись назад, Бахруль Халимжанович. Казалось, что он просто прикрыл глаза, собираясь немного отдохнуть, прежде чем въехать в переполненный автомобилями Бишкек. Позади было более двухсот километров пути из «Рахата» по горной, извилистой дороге. Годы уже не те, молодость далеко позади, да и недавний инфаркт тревожил. События последних дней тоже не располагали к спокойной жизни. Хотя Бахруль Халимжанович никогда не мечтал о тихой жизни. Все, что он делал, захватывало его полностью. А интересы директора были разносторонние: его влекла история тюркского народа, любил путешествия, литературу. Восточная поэзия была настоящей страстью Бахруля Халимжановича. Длинную аллею, ведущую от отеля «Рахат» к пляжу он оставил читая с изречениями древних мудрецов. Пусть люди станут мудрее и добрее, прогуливаясь по аллее и читая вечную мудрость. И сегодня всю дорогу Бахруль Халимжанович услаждал слух своей попутчицы-бухгалтера, едущей с отчетом в Бишкек, стихами Низами, Омара Хайяма и Рудаки.

Директор не открыл глаза, когда рядом остановился серый «Мерседес» и из него вышел молодой человек. Парень неспешно подошел к джипу, на ходу вытаскивая пистолет из-под полы пиджака. Он методично разрядил всю обойму магазина в мирно дремавшего Бахруля Халимжановича и, не обращая внимания на визжавшую от испуга женщину, так же неспешно сел в свой автомобиль, кивнул шоферу.

Джип остался стоять на обочине. Бахруль Халимжанович продолжал лежать, откинувшись на сидение и только потоки темной крови, заливавшие костюм и резиновый коврик под ногами водителя, говорили о том, что случилось непоправимое. Через некоторое время дверца джипа тихо открылась и из машины на асфальт осторожно выползла женщина. Она кое-как поднялась на ноги и медленно побрела назад, где недалеко виднелись навесы торговцев овощами.

История Чжан Цяня, китайских невест и города Чигу

Все население лагеря на берегу Иссык-Куля собралось у костра, горевшего на поляне между яблонями старого сада. Коллеблющийся свет озарял разноцветные палатки, разбросанные там и сям по заросшему саду; деревья, увешанные спелыми плодами; выхватывал из темноты ближайшую стену небольшого домика, где обитала семья аквалангистов; играл на лицах участников археологической экспедиции, обращенных в сторону академика Плоских, который со своей внушительной фигурой и колоритной внешностью был центром вечерней композиции. В седых усах пряталась добродушная усмешка, а грива седых волос, опускавшаяся на могучие плечи старого казака, придавала ему вид светского льва. Несмотря на уже немолодые годы, Владимир Михайлович любил эту дикую, полевою жизнь. Вице-президент Академии наук одинаково уютно чувствовал себя и в тиши своего кабинета, и под брезентовым пологом туристской палатки. Он ценил эту свободу от условностей «академической» жизни, закулисных интриг, своих «генеральских» обязанностей (какое собрание или заседание обходится без академика?). Владимир Михайлович с удовольствием вел свои «лекции под открытым небом». Вот и сейчас лекция началась с вопроса студентки третьего курса Маши:

– Владимир Михайлович, вот мы с вами ищем город усуней Чигу. А ведь они же кочевники. Как мог у них возникнуть большой город? Ведь кочевники живут в юртах.

– Это очень интересный вопрос, – с готовностью отозвался Плоских. – Но эту историю надо начинать с событий, которые

случились задолго до возникновения столицы усуней Чигу, – свой рассказ академик вел спокойно, не спеша, лишь изредка заглядывая в записную книжку для уточнения какого-либо из множества имен.

– Во втором веке до рождения Христа Китай династии Хань подвергался частым нападениям гуннских племен. Гунны в то время занимали территорию Монголии, Алтая и Восточного Туркестана. Китай не имел никаких сношений с западными странами: Бактрией, Парфией, Византией. Но какие-то сведения о внешнем мире поступали от пленных гуннов. Китайский император, как его называли – Сын Неба, знал, что на западе живут народы, которые тоже подвергаются гуннским нашествиям. Знал, что есть страна юечжей – народа, который гунны принудили покинуть свои земли и уйти на запад. Пленные гунны хвастались, что убили вождя юечжей и из его головы сделали сосуд для питья. Сын Неба решил обратиться юечжей в своих союзников против гуннов. С этой целью в 139 году до рождения Христа на запад был послан офицер стражи Чжан Цянь, в сопровождении более ста человек прислуги, свиты и охраны. Этот отряд вел проводник – раб-гунн из рода Таньти по имени Ганьфу.

Едва Чжан Цянь со своими людьми пересек границу, как был пленен гуннами. Китайский посланник был доставлен к вождю гуннов – шаньюю Гюньченю. Тот предложил Чжан Цяню перейти на сторону гуннов и служить им. У Чжан Цяня выбора не было. Долгих десять лет прожил он в плену. Шаньюй дал ему жену, у Чжан Цяня родился сын. Сам он, будучи офицером, принимал участие в битвах гуннов и показал себя искусным воином и командиром. Чжан Цянь заслужил доверие шаньюя и получил высокий пост в армии гуннов. Но сам он никогда не забывал, что он китайский посланник, хранил императорские бунчуки – грамоты посла, и, как только гунны ослабили контроль за ним, бежал вместе с горсткой своих людей и со своим верным рабом – гунном Ганьфу. Бежали они на север – в Давань. Жена и сын последовали за Чжан Цянем.

В Давани, которая располагалась в Ферганской долине, беглецы были встречены тепло. Там знали о Китае и хотели дружбы с могучим государством. Чжан Цяня провели в Кангюй – древний Хорезм, и оттуда наконец-то китайский посланник добрался

до цели своего посольства – государства юечжей. В те времена юечжи, или массагеты, захватили Бактрию, или, как они ее называли, Даха. Новый правитель юечжей жил в роскоши и наслаждениях и не помышлял о мести гуннам за своего отца. Чжан Цянь не смог уговорить его выступить против гуннов на стороне Китая. Пришлось китайскому посланнику ни с чем пуститься в обратный путь. И опять он попадает в плен к гуннам. Прошло более года, как он бежал от них. И год Чжан Цянь снова провел в плену. В это время умер старый шаньюй, и в стране началась смута – борьба за власть. Чжан Цяню удалось вновь бежать. И вот, через тринадцать лет после начала своего похода на запад, в 126 году он вместе с женой, сыном и преданным рабом Ганьфу возвращается в Китай. Лишь они двое, Чжан Цянь и Ганьфу, уцелели в этом долгом походе. Ганьфу – искусный стрелок и воин не раз спасал жизнь своему хозяину. Благодаря ему удалось спастись от голодной смерти в тяжелых переходах – Ганьфу охотился на диких зверей.

Доклад Чжан Цяня привел в восторг императора Поднебесной империи. Посланник поведал Сыну Неба, что в далеких странах знают о Китае, ценят китайские вещи: шелк, изделия из бамбука и бронзы. Но эти товары приходят окольным путем из таких стран, как Шеньду, так тогда называли Индию. Китайцы имели смутное представление об окружающих их странах. Их удивляло, что в Давани, Бактрии и Парфии знали об Индии, Индокитае, торговали с этими странами. Император слушал Чжан Цяня так, словно тот рассказывал ему волшебные сказки – о странах, в которых люди ездят и воюют на слонах, о Давани, где лошади так прекрасны, словно спустились с небес. Чжан Цяню был пожалован титул сановника, а Ганьфу стал его слугой.

Чжан Цянь за десять лет плена хорошо изучил страну гуннов, знал их военные хитрости и тактику, слабые и сильные стороны гуннского войска. Его знания помогли китайцам покорить гуннов, но это произошло не сразу.

В 123 году армия китайцев под предводительством полководца Ли Гуана нанесла сильный удар по гуннам. Вел армию Чжан Цянь с Ганьфу. Бывшему офицеру стражи был пожалован титул князя уезда Бован. Но через два года, в новом походе, гунны окружили армию Ли Гуана и почти уничтожили ее. Чжан

Цянь, участвовавший в этом походе, ожидал смертной казни за такое поражение. Но Сын Неба подарил ему жизнь, лишь лишив всех чинов и званий. Но в этом же году другая армия китайцев нанесла сокрушительный удар по гуннам. Гунны покорились Китаю.

Чжан Цянь рассказал императору, что, находясь у гуннов, он слышал о народе усуней, которые проживали на Тянь-Шане рядом с юечжи. Однажды юечжи напали на усуней и убили их вождя Наньдоуми и захватили его земли. Брат вождя Лин спас годовалого сына Наньдоуми. Он спрятался с ним в лесу. Как-то, оставив младенца в укромном месте, Лин отправился на поиски пищи. Отсутствовал он почти целый день и очень волновался за ребенка. Когда же Лин вернулся к своему убежищу, то был сильно поражен: в его логове лежала волчица и младенец сосал ее сосцы! Кроме того, вскоре прилетел ворон и оставил у входа в убежище кусок мяса! Лин уверовал, что ребенок не простой – в нем живет могущественный дух. В это поверил и шаньюй гуннов Модэ, к которому добрался брат погибшего вождя. Модэ воспитал сироту. Мальчика назвали Легяоми. Когда ребенок вырос, шаньюй дал ему войско и юноша отомстил за своего отца. Он напал на юечжей и прогнал их с земель усуней. Тогда-то и потерял голову вождь юечжей, из которой гунны сделали сосуд для питья.

Модэ поставил молодого Легяоми управлять усунями, то есть вернул ему земли Наньдоуми. Усуни, под руководством нового вождя, которого они на свой лад звали Гуньмо, верой и правдой служили гуннам.

Гуньмо вскоре вновь напал на юечжей и вынудил их уйти на запад и на север. Юечжи в свою очередь захватили Бактрию и заставили переселиться со своих земель народ Сэ, или саков. Через несколько лет умер старый шаньюй, и в государстве гуннов началась смута. Гуньмо перестал подчиняться новому шаньюю. Посланное против усуней войско потерпело поражение. Гунны вновь вспомнили старую легенду о волчице и вороне, вскормивших Гуньмо. Поражение еще больше утвердило их в мысли о сверхъестественных способностях вождя усуней.

Все это поведал Чжан Цянь своему императору и добавил, что теперь, когда китайская армия нанесла сильный урон гуннам, появилась возможность привлечь усуней на сторону Китая. Он слышал, что варвары очень падки на красивые вещи, и думает,

что добиться расположения Гуньмо будет не так уж трудно. Имея усуней в друзьях, можно открыть путь к западным странам – в Давань, Кангюй, Согдиану, Бактрию и Парфию, а через них и дальше – в Византию.

Сыну Неба очень понравился план Чжан Цяня. Император произвел его в чин придворного командира, снабдил его отрядом в триста ратников, распорядился выдать ему богатые дары для подношения вождю усуней – это были изделия из золота, бронзы, железа, тысячи кусков тканей и послал в земли усуней – на озеро Жехай, так китайцы называли Иссык-Куль. Отряд сопровождала прислуга, различного рода чиновники с правительственными грамотами – бунчуками и помощник Чжан Цяня, которого тот должен был послать дальше на запад – в Давань. Императору не терпелось заполучить «небесных» коней, которыми славились Фергана.

Преодолев пустыни и Тянь-Шаньские хребты, Чжан Цянь добрался до усуней. Гуньмо к тому времени был уже стар, и у него было более десяти сыновей, которые мечтали встать во главе усуней. Но вождь хотел отдать власть внуку Сэньцзу, от старшего сына, который погиб молодым.

Как ни уговаривал Чжан Цянь Гуньмо переселиться на точные земли и выступить на стороне Китая, вождь усуней медлил с ответом, не зная реальных сил Поднебесной империи и опасаясь мести гуннов. Но от богатых даров не отказался и послал в обратный путь вместе с Чжан Цянем своих старейшин, с тем, чтобы они своими глазами увидели мощь Китая. В подарок императору они везли несколько десятков «небесных» коней.

– Простите меня за столь подробный рассказ о Чжан Цяне, но без него невозможно понять, как на земле усуней появился город Чигу, – прервал свое повествование Владимир Михайлович и обвел взглядом своих слушателей.

Отблески костра играли в широко открытых глазах студентов, которым в игре языков пламени мерещились картины давно минувшего прошлого, сейчас всецело владевшего их умами. Да и немолодые уже участники экспедиции с интересом слушали академика.

– Владимир Михайлович, – умоляюще проговорила Маша, – пожалуйста, расскажите, что же было дальше. Такая трудная и интересная судьба у Чжан Цяня. Он вернулся в Китай?

– Да, но он тоже был уже стар, и через год с небольшим после возвращения Чжан Цянь покинул этот мир. Но его посланник достиг Давани, Бактрии и вернулся в Китай со многими людьми из дальних стран запада. С тех пор караваны стали возить китайские товары в разные страны. Так возник Великий Шелковый путь. И его отцом является Чжан Цянь. Это китайский Колумб, открывший западные страны. Еще при жизни Сын Неба пожаловал ему титул «Великий деятель».

Усуни стали союзниками китайцев, и Гуньмо была послана китайская невеста, принцесса по имени Си-гюнь. Естественно, что ее сопровождал целый двор придворных, фрейлин, чиновников, прислуги и евнухов. Караван вез огромное количество драгоценностей, китайских вещей и подарков.

У Гуньмо уже было несколько жен, в том числе и гуннская царевна, которая была старшей женой усуньского вождя. Китайка стала самой младшей. Она построила себе дворец – Си-гюнь не желала жить в войлочных юртах, как ее дражайший супруг. Ее приводили в ужас варварские обычаи усуней. Она не могла постоянно питаться мясом, запивая его кумысом.

Лишь раз в три месяца виделась Си-гюнь со своим мужем, устраивая по этому случаю пир и одаряя Гуньмо и его людей китайскими вещами и подарками.

Тоскующая по родине царевна писала жалостливые стихи, в которых изливала свое горе и мечтала обратиться в дикого гуся, чтобы улететь назад в родной Китай. Сын Неба, до которого долетали жалобные стоны одинокой царевны, не скупясь посылал ей все новых людей и шелковые ткани. Постепенно вокруг дворца Си-гюнь возник целый город, Чи-гу-чен, Город Красной долины, или Чигу, как назывался он сокращенно.

Затем Гуньмо передал Си-гюнь в жены своему внуку Сэньцзу, который вскоре стал вождем усуней, так как его дед умер. Имя Гуньмо стало титулом вождей усуней, и его получил Сэньцзу. Он также принял новое имя – Гюньсюйми.

После смерти Си-гюнь в жены Гюньсюйми была прислана новая принцесса Гай-ю. Но через некоторое время сам Гюньсюйми отошел в мир иной, а на его вдове женился его временный ставленник Унгуymi, который впоследствии имел от нее трех сыновей и двух дочерей. По завещанию Гюньсюйми, власть долж-

на была перейти к его сыну Ними от гуннской царевны, когда он достигнет совершеннолетия.

Не буду больше утомлять вас подробностями и именами, скажу только, что и Унгуymi скончался, оставив свою вдову сыну Гюньсюйми Ними.

Гай-ю, будучи в то время уже пожилой женщиной, терпеть не могла своего третьего мужа, которого в народе звали Куанваном, то есть «бешеным царем», за его крутой нрав. Она даже пыталась убить его во время пира: китайский солдат по наущению Гай-ю ударил Ними палашом, но тот увернулся. Был легко ранен и смог ускакать от преследователей. Взбешенный вождь осадил Чигу – город китайской царевны, но не мог взять его в течение нескольких месяцев.

Однако Куанван оказался не вечным, вскоре его убил сын Уйгуymi от гуннской царевны Уцзюту, который себя объявил новым Гуньмо.

Лишь вмешательство китайских войск помогло восстановить порядок. На усуньский престол взошел сын Гай-ю Юань.

В 51 году до рождения Христова китайской царевне было уже более 70 лет. Она испросила разрешения Сына Неба вернуться на родину, чтобы, как она говорила, «похоронить свои кости в китайской земле».

Гай-ю получила от императора дворец, земли, прислугу и хорошее содержание. Она скончалась через два года, и три ее внука, которые прибыли с ней из земли усуней, остались охранять ее покой.

Вот вкратце история возникновения города Чигу. Он просуществовал в качестве столицы, видимо, до 36-го года, когда тогдашний вождь усуней, опасаясь нападения гуннов, сам приказал разрушить город и уйти на восток. Первая принцесса поселилась на берегах Иссык-Куля в 107 году до рождения Христова. Получается, что Чигу было шестьдесят лет, когда его разрушили.

Искали его многие путешественники, в том числе и Семенов-Тян-Шанский, но безуспешно. Думаю, что нам повезет больше!

Рассказчик смолк, и только треск горящих веток в костре нарушал тишину. Слушатели пытались охватить разумом услышанное, теряясь в датах, именах и событиях.

Наконец Дима, студент четвертого курса исторического факультета, выдохнул с восхищением:

– Владимир Михайлович, и как это только в вашей голове умещается столько информации? Тут компьютер требуется.

– Молодой человек, – засмеялся академик, – слава богу, в наш век никто и не помышлял о компьютерах, и все приходилось держать в памяти. Это не раз мне оказывало неоценимую помощь.

– Владимир Михайлович, – опять просительно проговорила Маша, – а вы обещали рассказать о драконах, которые водятся в Иссык-Куле?

– Машенька, – отозвался на просьбу Плоских, – я и так утомял вас всех своим бесконечным рассказом. Уже поздно, пора отдыхать. Завтра вновь предстоят поиски. А что касается драконов, то китайский путешественник Сюань Цзан в седьмом веке уже нашей эры, посетивший озеро Иссык-Куль через 750 лет после уже известного вам Чжан Цяня, писал: «В озере этом обитают совместно драконы и рыбы, а иногда из недр его появляются необыкновенные чудовища. Вот почему путешественники возносят небу молитвы о благополучии. Хотя обитатели озера многочисленны, но никто не осмеливается их ловить». Между прочим, еще совсем недавно кыргызы не ловили рыбу и не плавали в Иссык-Куле. Не странно ли? А теперь спать, завтра тяжелый день – нам выделили два катера, надо использовать их по максимуму!

Буддийские мантры

Большой камень, высотой более трех метров, возвышался скалой над крутым склоном. Прямо под ним был сплошной ковер из стелющихся кустов можжевельника, кое-где росли шиповник и карагана. Все эти заросли были усеяны острыми колючками и шипами, так что подобраться к камню стоило больших трудов. Ноги скользили на крутизне, цепляющиеся ветви в кровь раздирали оголенную кожу. Но Виктору и Игорю, корреспонденту русской газеты из Литвы, все же удалось достичь цели.

На ровной поверхности одной из граней камня, почти кубической формы, были выбиты какие-то письмена. Строчек было

девять и в каждой было около двадцати–тридцати полустертых знаков.

Виктор подобрался к камню первым и принялся изучать надпись. Игорь, нагруженный тяжелой фотоаппаратурой, немного отстал.

Камень весь зарос мхом и лишайником, некоторые буквы едва различались на рябой поверхности гранита. Но было видно, что это знаки тибетского письма. Виктор нашел в выбитом тексте знакомое словосочетание – буддийскую мантру – «Ом Мани Падме Хум». Ученые переводили эту фразу по-разному. Например, «Истина в цветке лотоса», намекая, что Будда вышел из цветка лотоса. На самом деле даже буддисты не знают настоящего перевода. Это – мантра, то есть молитва, повторяя которую человек переходит в особое состояние. Ему открываются каналы космической энергии, он постигает суть мира и переходит в просветленное состояние. «Ом Мани Падме Хум!» – неумолчным рефреном несет со всех уголков нашей земли, где люди поклоняются Будде. Мантра состоит из священных звуков, каждый из которых является тайным знанием. «Ом» – это первое слово, которое возникло над пустынным первозданным океаном, в котором еще не было жизни. Оно – ключ к тайнам Вселенной, в нем звучит ритм Космоса. Но поймать этот таинственный тембр, попасть в этот вечный ритм и ощутить пронизывающую мощь Космоса могут только постигшие тайны звуков и просветления. «О-ом!» – звучит в храмах Тибета и отзывается эхом в мечетях мусульман: «Омин!». Им вторят католики: «Амен!» и православные заканчивают: «Аминь!».

«Хум» – еще один тайный звук, через который лежит путь к нирване. Знак, обозначающий этот звук, причудливо извилист и изощрен. Он делает петли, постоянно возвращается, словно дорожка заблудшего путника. В мантре шесть таких священных звуков, и порядок их следования – еще один таинственный ключ к разгадке Вселенной. Буддисты говорят, что фраза никак не переводится, это просто мантра. Важно не ее понимание, а умение правильно ее произносить.

Вскоре к камню поднялся и Игорь. Литовский журналист, в котором было около двух метров роста при довольно худом телосложении, являл из себя тип восторженного зрителя. Его вос-

торгало здесь все. Громадные горы с белоснежными шапками вечных льдов и аквамаминовое озеро, простирающееся от горизонта до горизонта, настоящее горное «море»! Горные ущелья с водопадами, еловыми лесами и крутыми скалами. Постоянное синее небо над головой и палящее солнце. Кыргызы, живущие в юртах и скачущие на конях, пасущиеся по склонам гор овцы и козы. Для него это был новый мир. Поэтому Игорь с удовольствием принял участие в поездке Виктора и Сергея вокруг Иссык-Куля, а ведь это почти 450 километров.

Игорь, словно ребенок, радовался каждой находимой древней монете и наконечнику для стрел. История оживала на его глазах, он с наслаждением фотографировал находки, предвкушая, какой интересный репортаж он сделает по возвращении в редакцию.

Игорь установил штатив и принялся щелкать затвором фотокамеры, а Виктор рассказывал ему, что вокруг Иссык-Куля много мест, где на камнях или скалах выбиты подобные тибетские надписи.

– Знаешь, Игорь, – говорил Виктор, – недалеко от Бишкека стоят руины большого средневекового города. В нем проживали и христиане, и мусульмане, и буддисты. Скорее всего, там были представители и других религий: зороастризма, манихейства, шаманизма. Своего рода город всех религий. Есть и развалины буддийского храма. Городище находится в запустении, местные жители берут там глину для хозяйственных нужд. Черпают ее бульдозером вместе с артефактами и саманы делают. Им, понятно, не до науки, жить надо. Приезжали корейцы, посмотрели и говорят: «Давайте мы вам реконструкцию сделаем, восстановим, что можно. Откроем памятник для посещения. И для вас хорошо, а для нас, корейцев, это тоже очень важно. К нам буддизм от вас пришел. Для нас это святое место». Ну и что ты думаешь? Не позволили – мы сами сделаем. Так и поныне все в запустении стоит!

Игорь, закончив съемку, присел перед камнем и вытащил из рюкзака несколько варганов. Литовец был приверженец оккультных знаний и верил, что и у камней есть душа.

– Ему, наверное, уже много сотен лет не играли, – зажав между зубов древний инструмент, Игорь принялся наигрывать печальную мелодию.

Звуки были вибрирующие, негромкие и, казалось, шли изнутри сидящего перед камнем человека. Полуоткрытый рот Игоря, что удлиняло его и без того вытянутое лицо, забранные назад хвостом длинные волосы, ходящий вверх-вниз кадык на тонкой шее и устремленный внутрь взгляд – все это придавало журналисту вид камлающего шамана.

Звуки варгана стихли, и двое людей осторожно начали спускаться вниз. Там их ждал Сергей Дудашвили с машиной.

Белый остров – Швепадипа, Шамбала, Агарты и прародина человечества

На ночевку трое путешественников остановились в срединной части реки Джуюки. В месте впадения в реку большого бокового притока Кашка-Суу паводок снес мост, и дальнейшее движение возможно было только вброд. Но воды в Джуюке было так много, что Виктор не рискнул въехать в бурное течение на «Делике». Вокруг реки лежали просторные зеленые луга. По склонам гор росли купы елей. Было решено разбить бивуак на ближайшей лужайке.

Стремительно опускались сумерки, искатели едва успели поставить палатки и собрать хворост для костра, как наступила ночь.

Несмотря на то, что сегодняшней их ночлег был выше лагеря археологов на берегу Иссык-Куля более чем на километр над уровнем моря, вечер оказался значительно теплее предыдущих. Устанавливалась жаркая и сухая погода. В центре Азии резко континентальный климат, и погода может меняться от жаркой до холодной буквально за сутки. Особенно высоко в горах, где даже летом может пойти снег.

Весело трещали ветки в костре на поляне возле реки. Бивуак был разбит под громадной елью, одиноко возвышающейся посреди поляны. Зыбкий свет костра выхватывал из мрака разноцветные палатки путешественников, озарял нижние ветви ели и три фигурки людей, устроившихся вокруг живительного огня. Прохладный ветер с вершин, закованных в ледяную броню, раздувал пламя и уносил с собой в небо сотни сверкающих звездочек-искр, тут же бесследно исчезающих в ночной мгле. Сплош-

ной ковер звезд сверкал в бархатно-черном ночном небе. Игорь, никогда не видевший не замутненное смогом и такое близкое небо, пребывал в блаженстве. Он наполнял горный воздух дрожащими звуками варгана, которому вторил бесконечный шум близкой реки.

Яркая вспышка озарила небосвод, и по нему пробежала, затухая, белая черточка метеорита.

– Успели загадать желание? – спросил Виктор товарищей.

Они отрицательно покачали головами. Им и так было хорошо.

Разговор вертелся вокруг затонувших городов, руин древних поселений, тибетских камней Иссык-Куля.

– Возле села Тамга, что по-тюркски означает «знак», – рассказывал Виктор, – в горах есть три камня, на которых выбиты надписи. Один большой, расколотый на две части, и два поменьше. Они лежат в разных местах, как бы в вершинах почти правильного треугольника, со стороной около восьмисот–девяти сот метров. Большой камень очень красив. Надпись на нем выпуклая и идет по кругу вокруг камня. Буквы большие, хорошо выбитые. Точно по центру камня идет разлом сверху вниз, из-за чего глыба распалась на две части и издали напоминает двугорбого верблюда. Местные кыргызы утверждают, что камень этот разрубил своим волшебным мечом сам Манас – герой эпоса. Что значит надпись, они понятия не имеют. Как-то раз, еще при Советском Союзе, в Тамге проходил слет экстрасенсов. Так они поведали печальную историю о том, что здесь в незапамятные времена пришельцы оставили детей: мальчика и девочку. Конечно, они предполагали вернуться и забрать ребят с собой, но случилось что-то непредвиденное и корабль не прилетел. Возможно, он потерпел аварию, и дети остались одни на необитаемой и дикой планете. Они-то и были прародителями человечества. Камень был разрезан лазером, и им же была сделана надпись.

– Это все фантастика, – отреагировал на рассказ Сергей. – На камне обычная надпись «Ом Мани Падме Хум», и ничего больше. В Тибете и Непале таких камней сотни тысяч, а может, и больше.

– И при этом никто не знает, что такое «Ом Мани Падме Хум», – заметил Виктор. – Ты лучше объясни, почему таких камней много вокруг озера? Чем это место так манило к себе верующих? Ведь здесь жили и буддисты, и христиане. Одно поселе-

ние христиан было тут, в Джууке. Несториане построили свой монастырь где-то на берегу Иссык-Куля и там хранили священные для них мощи святого Матфея. Вообще, Иссык-Куль всегда был землей обетованной, здесь с древнейших времен жили люди.

– А кто такие несториане? – полюбопытствовал Игорь.

– Последователи епископа Нестория, – ответил Виктор и пояснил: – Первые христиане подвергались гонениям в Римской империи, но им удалось обратить в свою религию знатную часть общества, а впоследствии и самого императора. При Константине христианство стало государственной религией империи. Тогда существовала масса священных писаний и книг. Как таковой Библии еще не существовало. Кроме известных нам четырех Евангелий, были и другие. Например, от Фомы, Петра, даже Иуды. В разных писаниях по-разному трактовались одни и те же события, сообщались сведения, отсутствовавшие в других писаниях. И между христианами начались разногласия. Возникли различные ветви христианства. Епископ Несторий и его последователи доказывали, что Иисус Христос родился человеком и только потом в него вселился Божественный Дух. Они не признавали Марию за Божью Матерь, ведь она родила простого, обычного ребенка, впоследствии ставшего Богом. Во время Вселенского собора произошла канонизация священных текстов. Что-то стало каноном и призналось за истину, что-то было осуждено и запрещалось, как апокриф. Учение Нестория было признано ересью. Его последователям пришлось бежать из Римской империи. Из Сирии, где проповедовал Несторий, они ушли на восток, организовав там Восточную церковь. Со временем она стала очень могущественной. Христианство несторианского толка широко распространилось в Центральной Азии. Правда, потом оно проиграло битву за умы, уступив место возникшему мусульманству, которое насаждали новые завоеватели – арабы.

– Я недавно прочитал одну научную книгу, – задумчиво произнес Дудашвили, – автор – ученый Чайковский, живший еще в дореволюционной России. Так он утверждает, что Иссык-Куль – родина ариев, прародителей человечества.

– Кстати, об ариях, – вдруг вспомнил Игорь. – Два дня назад мы медитировали с Карло в лагере. Так ему открылось, что в том месте, где копают пещеру, – вход в Агарты.

Речь шла о том самом госте, которого Дудашвили прозвал «италоиндусом».

– А что такое Агарты? – переглянулись Сергей с Виктором.

Они не верили в эзотеризм, будучи воспитанниками социалистической системы.

– Существует легенда о Белом острове, который в буддийской традиции назывался Швепадипа, – начал рассказывать Игорь. – Суть ее в том, что в центре Азии некогда существовало море, на котором было несколько островов. На одном из них, на Белом острове, обосновалась колония атлантов. Это было еще до затопления Посейдониса – знаменитой Атлантиды. Когда катастрофа случилась, на земле осталась только колония атлантов на Белом острове, они-то и стали прародителями арийской расы и всего нынешнего человечества. Мистики утверждают, что Белый остров существовал там, где сегодня лежит пустыня Гоби. Ученые, кстати, подтверждают, что в давние времена на месте пустыни плескался океан.

Атланты с Белого острова разделились на две части: одни создали государство Шамбалу, а другие ушли под землю и там до сих пор существует царство Агарты.

– Шамбалу ищут в Тибете, – прервал рассказ Игоря Сергей, – и вряд ли найдут, потому что ее не существует. Так же, как и Агарты. Я знаю, что такое пещеры, только невежественные люди могут придумать подземный мир.

– Я же вам рассказываю о древних легендах, – обиделся Игорь, – не я же их выдумал. Они такие же древние, как и наш мир. О Белом острове написано и в «Махабхарате», и в «Книге Велеса», рассказывается о нем в сотнях разных легенд и сказаний совершенно разных народов.

– Припоминаю, я тоже читал об Агарты, – поддержал Игоря Виктор. – Не так давно я нашел книгу Оссендовского. Он был министром у Колчака, потом бежал в Монголию и встречался с бароном Унгерном. Меня интересовал именно этот момент. Я собираю информацию об этом уникальном человеке. Монголы называли Унгерна живым богом войны. Барон выигрывал сражения с горсткой людей, воюя с целыми армиями. Кстати, сам Унгерн был буддистом. Он изгнал китайцев из Монголии и восстановил власть верховного ламы – Богдохана. Монголы должны молить-

ся на барона Унгерна – они единственные, кому удалось вырваться на свободу из Китайской империи. Ни Синьдзян, ни Тибет сделать этого не смогли. В книге Оссендовского «Люди, звери и боги» был рассказ о подземном царстве Агарты, о Князе или Царе Мира, который на самом деле правит судьбами людей, но мне показалось все это каким-то бредом, и читал я невнимательно.

– Вы правы, – отозвался Игорь – в легенде говорится о том, что Агарты распоряжается событиями, влияет на судьбы государств. Никто не знает о существовании такой связи. Лишь один раз в сто лет семеро человек допускаются в царство Агарты. Это – избранные. Ни один человек не может попасть в Агарты без приглашения. Из этих семерых только один человек возвращается назад, остальные остаются в Агарты. Там собран весь генофонд человечества. Лучшие люди, которые когда-либо жили на земле.

– Где-то я читал, что, согласно одной легенде, на Иссык-Куле существовал большой остров, – вспомнил Виктор. – Вот Сергей говорит, есть версия, что арии – с Иссык-Куля. Может быть, Белый остров был здесь, на озере?

– Вы только подумайте, до чего мы договорились, – возмутился Сергей. – Шамбала, атланты, подземное царство, которое нами управляет. Посмотрите вокруг! Какая красота, какие звезды над нами. Горы, ели. Мы сами приехали сюда, ездим туда, куда хотим, и никто нам не указ! И баста, пора спать. Развели тут костер до небес – искры сыплются на мою палатку. Спалите мне ее, свою отдадите, фантазеры! Кстати, об Унгерне. Ты, Виктор, поспроси нашего академика. Его отец принимал участие в захвате «черного барона». На своем горбу через реку переносил особо ценного пленника!

Лагерь затих. По небу чиркали вспышки метеоров и летели спутники. Путешественники лежали каждый в своей палатке и, отдаваясь во власть сна, думали о чем-то своем.

Сталин, Гитлер и великий комбинатор

Иосиф Виссарионович был в белом кителе. На погонах сияли огромные звезды генералиссимуса. Он сидел за огромным письменным столом с резными массивными тумбами. На столе

стояла лампа с синим абажуром. Сталин в одной руке держал трубку, другая рука лежала на коленях. Вождь мирового пролетариата в упор смотрел на Виктора, стоящего перед столом на вытяжку.

– Да, о кладе мнэ докладывали, – с сильным акцентом вещал Сталин. – Я лично подписал разрешение на поиски. А почему нэ нашли? – Иосиф Виссарионович ткнул трубкой в направлении Виктора. И, прищуриив правый глаз, левым буравил оторопевшего слушателя. Выдержав театральную паузу, Сталин сам ответил на свой вопрос: – Правильно думаешь, товарищ. Умер я – вот и нэ нашли! Хотя надо бы разобраться, как я умер. Желающих моей смерти было много. Впрочем, дело это давнее, все они тоже давно померли. Кто старое помянет – тому глаз вон! Ты чего все молчишь, камень за пазухой держишь?

– Никак нет, товарищ Сталин, – еле выдавил из себя Виктор, – опешил я. Первый раз с вами встречаюсь. Разрешите вопрос задать?

Сталин поднес трубку ко рту, затянулся, выпустил клуб дыма и добродушно кивнул.

– Может, там нет клада?

– Я бы первым узнал об этом. Наши люди работают хорошо. Разве стали бы мне подсовывать нэпроверенную информацию. Органы действуют наверняка. Сам знаешь, что было бы, если бы клад нэ был найден.

– Говорят, что под землей вход в какое-то подземное царство, что там живет Князь Мира, который управляет людьми и государствами...

– Чушь собачья! – отрезал Сталин. – Мы – марксисты, и во всякое мракобесие нэ верим. С этими вопросами ты нэ ко мне обращайся, а вон к моему другу Адольфу Гитлеру. Он в этом деле большой мастер.

– Извините меня, Иосиф Виссарионович, что-то я вас не понимаю.

– А что тут понимать, – Сталин передернул плечами и покосился в сторону стоящего в углу большого зеркала: – Зачастил он, гад, ко мне. Жить спокойно нэ дает. Встанет около зеркала и глядит на меня.

Виктор повернулся к зеркалу. Только сейчас он заметил, что оно не отражает обстановку кабинета Сталина. За ним была совсем другая комната. Большой кожаный диван, кресло со львами. Комната была абсолютно пуста.

– Адольф! Хватит прятаться, я все равно знаю, что ты тут и подслушиваешь. Поздоровайся хотя бы с товарищем. Ты же ки-чишься своей культурой. Да и вопросы он по твоей части, как известного мистика, задает. Адольф!

Виктор потерял дар речи, увидев знакомый чуб и усики. Гитлер зло посмотрел на Сталина и холодно кивнул Виктору.

– Вот, полюбуйся, товарищ, нэ нравится херру Гитлеру, что я назвал его мистиком. А кто копьё Веры спер из Венского музея?! Думал, нэ сможет никто его одолеть. А советский народ, под моим чутким руководством, одолел фашистскую гидру!

Видя недоумение Виктора, Сталин пояснил:

– Копьё в Австрии хранилось. Им, якобы, римский солдат поддел Иисуса Христа, когда тот на кресте висел. Проверял, живой он или уже отдал Богу душу. Легенда говорит, что обладатель сего копья станет нэпобедимым. Адольф его еще до войны в музее видел. Естественно, когда немцы оккупировали Австрию, копьё исчезло. До сих пор найти нэ могут. Ирод, куда копьё спря-тал?!

Гитлер презрительно смотрел в сторону. Он делал вид, что ему совершенно безразлично, что происходит в кабинете Сталина.

– А сколько экспедиций в Тибет посылал? – тоном прокурора спросил Сталин и опять сам ответил: – В одна тысяча тридцать первом, тридцать втором, тридцать четвертом, тридцать пятом, тридцать шестом и тридцать девятом годах. Вплоть до сорок третьего Шамбалу искал. Хотел получить власть над миром. С помощью магии и волшебства. У него был даже специальный отряд тибетцев, которые служили в СС. Говорили ему, что и когда делать. Что, Адольф, помогло? Как мертвому горчичники! Что, фашистское отродье, морду отвернул? Посмотри на меня! Вот что тебе дала твоя Шамбала! – и Сталин показал Гитлеру кукиш.

Гитлер презрительно передернул худыми плечиками и недружелюбно уставился на Сталина.

Иосиф Виссарионович, довольный, что поддел противника, рассмеялся:

– Неправильный ты, Адольф, символ выбрал – свастику. Из Тибета взял. Таинственный знак, который дает власть и силу. Нашто, советский, верней оказался. Молотом по голове, а серпом, сам знаешь по чему, и горит наша звезда над твоею могилкой.

Виктор стоял молча, совершенно парализованный происходящим. Лишь изредка проносилась в голове мысль: «Наверное, я сплю». Хотелось ущипнуть себя, но он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Дверь в кабинет Сталина внезапно распахнулась, и в него стремительно ворвался Сергей Мельникофф. Его наготу кое-как прикрывал красный флаг. На ногах были обуты огромные альпинистские ботинки, подкованные стальными шипами. Каждый шаг его гремел так, словно рядом маршировала рота солдат.

– Пустите меня под землю! – заорал великий путешественник. – Вы все придурки и всё испортите. Я прошел всю землю, опускался на дно океана и только что возвратился из космоса. Только я должен войти в мрачное царство Агарты! Когда я вернусь, все человечество зарыдает от благодарности. Я постигну тайну Мира и подарю ее вам. Все люди станут счастливыми.

Виктор испугался, что Мельникофф бросится на Сталина, да и Гитлер зловеще выглянул наполовину из зеркала. Но тут вся картина помутнела и исчезла. Виктор проснулся. Сначала он не мог понять, где находится. Вокруг была тьма. Лишь легкий шум реки напомнил ему о настоящем. Он выглянул из палатки. На небе ярко светили звезды, но восток уже посветлел. «Наверное, сейчас около четырех утра. Приснится же такое», – подумал Виктор и опять лег спать.

И снова котлован

Виктор стоял на краю колодца в котловане и в который раз удивлялся упорству Амана и его людей. Колодец углубился метра на три. Было страшно смотреть в его сумеречную глубину. Туда не заглядывало солнце. Внешние грани разлома, постепенно сужаясь, наконец полностью сомкнулись. Колодец теперь шел в толще скального массива. Когда-то, очень давно, в колодец

водопадом низвергался речной поток и скрывался под землей. Стены его были промыты водой. Ширина колодца сузилась до трех метров. Внизу копошились люди.

Стоящий рядом с Виктором Аман рассказывал:

– Глина с камнями закончилась и пошел булыжник. Чистый, промытый. Как будто наваленный специально. Попадают, конечно, огромные глыбы, но мы к ним уже привыкли. Разобьем перфоратором на части и веревкой вытаскиваем наверх.

– Ты же говорил, что пройдешь три метра – и все? – напомнил ему Виктор.

– На геофизическом рисунке металлическое тело обозначено на глубине 28–30 метров. Осталось еще метра четыре, максимум пять, и я его достигну. Я говорил, что до зоны затухания сигнала 26 метров. И действительно, на этой глубине колодец забит лессом и камнями. Сейчас мы работаем в этой зоне. Такой материал может вызвать затухание сигнала, но на самом дне колодца должен быть клад. Его завалили...

– А вдруг его там не окажется? – мягко спросил Виктор.

– Этого не может быть, – устало возразил кладоискатель. – Это единственное место, которое полностью совпадает с легендой и картой.

– Но на карте написано: «Ущелье Кутурга». До него отсюда километров двадцать на запад.

– А бык? Ведь Успенский нашел жертвенного быка, – не сдавался Аман. – Осталось пройти метра четыре, и мы ответим на все вопросы. Сейчас идет ил с камнями, и в этом иле мы обнаружили осколки керамического сосуда. Откуда мог взяться на такой глубине средневековый сосуд?

– Может быть, у геофизиков на разрезе зафиксирована пещера, в которую спускался Василий Филиппенко? – вместо ответа спросил Виктор. – Мы с Сергеем думаем, что зона затухания – это последний завальный зал пещеры. Он как раз расположен на такой глубине.

– Я все же думаю, что он в стороне. Хотя недавно мы вскрыли северо-западную боковую щель, которая, видимо, сообщается с пещерой. Из нее доносится шум подземной реки. К сожалению, трещина слишком узкая, чтобы в нее протиснуться. Нет, я буду идти до конца. Еще две недели – и баста! Мы – на дне колодца.

– Один знакомый Василия Плоских, экстрасенс, утверждает, что в этой пещере вход в какое-то мистическое царство, – говоря это, Виктор чувствовал, что несет абсолютную чушь. При свете дня все эзотерические фантазии превращались в простую сказку, «страшилку» для детей. – Вы ощущаете что-нибудь необычное во время работы?

– Бывает, что ребятам чудится, что кто-то наблюдает за ними. Будто стоит за спиной. Но это просто страх. Колодец ведь глубокий. Клаустрофобия – болезнь замкнутого пространства. Вокруг только скалы, они давят, и над головой нависает масса в тысячу тонн. Все это действует на нервы.

– И в самом деле, Аман, у тебя такой ненадежный крепеж! Вдруг одна из подпорок не выдержит? Или случится небольшое землетрясение? Ребята могут погибнуть. Северная стена рухнет в колодец...

– Все будет хорошо, – поспешно сказал Аман. – У меня все рассчитано. Подпорки я сам ставил.

– Мне страшно смотреть на эти подпорки. Они словно спички. Ведь твои щиты держат многотонные массы камней.

Аман пожал плечами. Видно было, что он не хотел продолжать разговор на эту тему.

– Не бойся, Виктор, – помолчав немного, произнес кладоискатель. – Две недели – и конец всем страхам. Расскажи лучше, как дела в Бишкеке?

– Дела как сажа бела, – пошутил Виктор. – Каждый день отключают свет – невозможно работать. По шесть часов нет электричества, куда это годится? В последнее время отключения увеличились до восьми часов, собираются продлить до десяти. Недавно губернаторы областей выступали. Такое впечатление, что они стремятся друг друга перещеголять. Один говорит, что отключит свет на восемь часов, другой – на десять, третий – на двенадцать, словно у них цель вообще отключить энергию. А ведь они поставлены, чтобы поднимать экономику в своих областях. А какая экономика без электричества? Ни один из них не сказал: «Я не буду отключать! Я не допущу развала экономики. Я буду платить двойной тариф, дайте мне энергию!». А так, гори все синим пламенем, главное – отчитаться, что ты выполнил указание сверху. Недавно я был в Иссык-Ате. У них своя маленькая

ГЭС. Так ее тоже заставляют выключать! Мало ли, что вода есть, у нас веерное отключение, будьте добры, и вы вырубайте ГЭС. А им, чтобы по новой запуститься, два часа надо! И это не единственный случай! Такое впечатление, что кому-то надо развалить все хозяйство республики. Так что, Аман, чем дальше, тем хуже. Ходят слухи, что криминал подался в депутаты. А у них как разборки, так друг друга стреляют. То одного убьют, то другого. Народ шутит, что чем больше «замочат», тем меньше криминала останется. Кстати, и твоего знакомого, Юсуфа, убили. Расстреляли из автомата. И что ты думаешь, что-то изменилось? Нет, сейчас какой-то новый «авторитет» «держит» Иссык-Куль.

– Знаю, – мрачно отозвался Аман. – Говорят, что только ставки повысились.

– Вот ты, Аман, думаешь, что найдешь свои сокровища и поможешь Кыргызстану. Ну сколько золота ты откопаешь? Сто килограммов, двести или тонну? Пусть даже десять тонн. Это где-то 20 миллионов долларов, пусть даже 40 – всё же исторические ценности.

– Я рассчитываю продавать сокровища на аукционах. Может, даже на миллиард долларов клад потянет, – отозвался Аман.

– Представь себе, Аман, сейчас больше миллиона кыргызов работает в России. Многие трудятся в Казахстане, по границам масса людей работает. Перспектив-то у нас на родине мало осталось. Так вот, гастарбайтеры в год присылают около двух миллиардов долларов в нашу страну. И что – что-то меняется у нас? Да, только в худшую сторону. А какие деньги испаряются, словно ветер, в разных проектах и грантах? И твои сокровища канут, не оставив следа. Разворуют либо ограбят тебя.

– Я так не думаю, – решительно заявил Аман. – Если ни во что не верить, как тогда жить? Мое дело – найти клад и честно его поделить. По закону, 50 процентов государство обязано выплатить нашедшему клад. Покрою все свои долги, раздам проценты, которые обещал: компаньонам, губернатору, сельчанам, друзьям. Думаю, и мне что-то останется. Жена моя тоже в Москву подалась. Работает где-то, дети у матери моей живут. Понимаешь, Виктор, я обязан найти этот клад! Иначе нельзя. Все поставлено на карту! Аллах не допустит, чтобы золота здесь не было! Увидишь: через две-три недели все будет так, как говорю я!

Непредвиденные события

В этот день работа не заладилась с утра. Ребята поздно проснулись и хмурые, после скудного завтрака, поплелись в котлован. У Амана кончились деньги. Он не мог заплатить своим людям за работу. У каждого дома была семья и семейные заботы. Заканчивался ноябрь. Надо было готовиться к зиме. Кому-то надо было купить сено, кому-то заготовить дрова и уголь. Мало ли проблем у крестьянина?! Все отчаялись добраться до мифического клада. Колодец все сужался, и каждого мучила мысль, что он пустой.

Аман немного задержался в юрте. Когда он подошел к котловану, то понял: что-то произошло. Ребята о чем-то громко разговаривали, стоя у края колодца. Аман быстро спустился на дно котлована и подошел к ним.

– Что случилось? – взволнованно спросил Аман, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ребята показали на дно колодца. Из полумрака расщелины по веревке поднимался Руслан – верный помощник Амана. По его радостно-возбужденному лицу Аман понял, что новость приятная, и у него отлегло от сердца. Наоборот, сердце защемило в каком-то счастливом предчувствии. Неужели началось?!

Руслан наконец выбрался из колодца. Встав перед Аманом, он протянул ему что-то, покрытое глиной и илом. Ребята с жадным интересом заглядывали через плечо своего вожака, пытаясь разглядеть предмет у него в руках.

Аман рукавом попытался счистить гряз с довольно тяжелого предмета. Это была какая-то статуэтка девяти–десяти сантиметров высотой. В залепленных очертаниях читались контуры головы, рук, ног и тела. Основание было массивным, шестиугольным.

– Я наступил, она и вывернулась из-под сапога, – возбужденно рассказывал Руслан. – В иле лежала. Вчера темно было, не заметили фигурку-то. Посмотри, Аман, на основание фигурки. Я там потер, что-то блестит!

Аман и сам видел, что в тех местах, которые удалось ему отчистить, проступает желтый цвет металла. Сердце билось, подступая к горлу.

– Это может быть бронза или латунь, – как можно спокойнее и увереннее произнес Аман. – В любом случае надо произвести экспертизу.

– Эй, вы, внизу!

Громкий голос, донесшийся сверху, с края котлована, заставил всех вздрогнуть и задрать головы. Наверху стоял всадник и с интересом их рассматривал.

– Чего нашли, золото, что ли?

Голова другого человека мелькнула рядом с всадником в камнях. Кто-то побежал к спуску в котлован. Аман поморщился в нарастающей тревоге. Ему совершенно не хотелось огласки событий, происходящих в котловане. Ребята, почувствовав его настроение, тоже помрачнели. Хотя блестящие глаза выдавали их возбужденное состояние.

Парень-пастух спустился к ним на дно котлована.

– Покажите, чего вы тут нашли, – едва переведя дух, потребовал он.

Аман нехотя издала показал ему статуэтку.

– Вот, бронзовую фигуру нашли, – небрежно обронил он.

– Золото? – не слыша Амана, спросил чабан.

Второй поворотил коня и тоже направился к спуску в котлован. – Я же говорю – бронза, – раздраженно сказал Аман, пряча находку в широкий карман куртки.

– А еще чего нашли? – опять любопытствовал парень и заглянул в сумрак колодца.

– Ты поосторожней, – предостерег его Руслан, – до дна двадцать метров. Упадешь – костей не соберешь. Пока ничего стоящего не нашли. Найдем, тебе первому скажем.

Парень недоверчиво переводил взгляд с Руслана на Амана.

– Где находка-то? – второй, более старший, чабан подошел к группе людей, стоящих перед колодцем.

– Послушайте, байке, – не выдержал Аман, – вы мешаете нам работать. И так уже светлого времени мало осталось, декабрь на носу. Ну, нашли бронзовую вещицу. Ее чистить надо, прежде чем можно будет что-нибудь рассмотреть.

Для подтверждения своих слов Аман вытащил из кармана статуэтку и повертел перед носом чабана. Он пожалел, что поторопился и снял немного грязь с нее. Местами фигурка блестела на солнце подозрительным желтым блеском.

– А-а, бронза, – разочарованно протянул чабан. – А чего это вы такие нервные? Спросить что ли, нельзя?

– Устали мы, байке, – сказал Руслан. – Сам знаешь, второй год здесь копаем.

– Знаю, знаю, – согласился чабан. – Ладно, Самат, пошли отсюда, не будем мешать людям искать сокровища. А то овцы все разбегутся.

Незваные гости ушли, но тревога внутри Амана осталась. Предчувствие каких-то нежелательных событий нарастало.

Сказав Руслану, чтобы он продолжал работы, Аман вернулся в юрту. Не терпелось рассмотреть находку повнимательнее.

После часа работы статуэтка предстала перед Аманом во всем своем великолепии. Это была фигурка женщины. Аман удивился, с каким изяществом и мастерством была она исполнена. В лупу кладоискатель любовался тонкими чертами ее прекрасного лица. На голове был виден каждый завиток пышных волос. Четко были переданы складки тонкого платья, плотно облегавшие стройную фигуру женщины. Ее руки, казалось, готовы были взлететь вверх в религиозном порыве, полуоткрытые уста шептали слова неслышной молитвы. Постамент шестиугольной формы на обороте имел глубокий знак свастики, хвосты которой были направлены влево. Вращение свастики было по часовой стрелке, у буддистов свастика имеет противоположное вращение. Аман еще раз окинул статуэтку взглядом. До чего же она прекрасна! Как можно было выполнить такую тонкую работу? Детали тоньше человеческого волоса. Неужели в древности существовали мастера, способные на такое?

За юртой послышались голоса. Аман спрятал статуэтку и вышел наружу. Навстречу ему шли Руслан с Чынгызом, одним из рабочих. По их возбужденному виду Аман догадался, что неординарные события продолжают. Пружина, взведенная восемь веков назад, начала раскручиваться.

– Аман, мы расчищаем плиту. На ней какие-то знаки. Это клад! Что будем делать? Ломать?

– Ни в коем случае! – вскричал Аман. – Мы должны принять меры предосторожности. Вызвать вооруженную охрану, специалистов. Неизвестно еще, как поведут себя местные жители. Они могут захватить клад и все растащить. И потом, я хотел пригла-

сить на вскрытие клада ведущие телекомпании мира: Си-эн-эн, Дискавери, Би-би-си. На этом можно хорошо заработать. Главное – не торопиться. И ни слова никому. Тебе ясно, Руслан? Объясни ребятам. Погоди, я сам им скажу.

Пока они разговаривали, из-за поворота дороги, ведущей вниз к селу Курменты, показался всадник. Он явно торопился. Пыль летела из-под копыт несущегося галопом коня. Аман пригляделся. Вскоре он узнал своего курментинского друга Бакыта. Одно время он помогал Аману в раскопках. Но семейные обязанности заставили его отказаться от работы в котловане. Судя по его виду, Бакыт вез важное сообщение.

– Аман, Аман! – еще издали закричал Бакыт, завидев группу людей у юрты.

Сердце Амана, в который раз за сегодня, сжалось в недобром предчувствии.

– Что случилось, Бакыт? На тебе лица нет, – кинулся Аман навстречу другу.

– Что вы тут нашли? Все село бурлит, словно кипящий котел.

– Сущую безделушку. Не переживай, с народом я справлюсь. Не в первой!

Бакыт от волнения чуть не плакал. Он перевел дух и заговорил вновь:

– Аман, на беду в селе случился Махмуд со своим людьми. Он теперь у нас вместо Юсуфа. Скоро он будет здесь.

«Вот оно, – подумал Аман. – Вот из-за чего ныло сердце».

Аман с Русланом поднялись на склон горы. Пока они взбирались по крутому склону, в голове Амана билась лишь одна мысль: «Что же делать? Как мне поступить?». Хотя ответ на этот вопрос у него был давно. Но как трудно было решиться на то, что Аман запланировал в случае непредвиденных обстоятельств.

На дороге, насколько хватало глаз, никого не было. Значит, у Амана еще есть время для выполнения своего плана.

– Руслан, поставь здесь человека, – распорядился Аман. – Как только завидит пыль от машин, пусть опрометью несется в котлован. Ни секунды задержки. Ты понимаешь, насколько это важно?

Руслан кивнул головой. На Иссык-Куле каждый знает, что такое «авторитет». Тут шутки в сторону!

Аман побежал в котлован. Вскоре к нему присоединился Руслан. Внутри Амана все стало на свои места, и он успокоился, сказав бывший производственный опыт руководителя на заводе. Главное – успеть сделать все, что он задумал.

– Руслан, выводи людей из колодца. Только быстро, без базара. Потом все обсудим.

Сам Аман кинулся к крепежным палкам, которые удерживали многотонную массу, нависшую над колодцем. Теперь-то ребята поймут, почему вожак так рисковал жизнью своих людей. Чтобы в решающий миг спасти главное – их сокровище!

Ребята выбрались из колодца на удивление быстро – оказалась многодневная практика.

– Все, вяжите арканы к крепи. Надо вырвать одну из балок и крепь рухнет. Только осторожно! Никто не должен погибнуть! Действуем по команде!

Ребята бросились вниз по вертикальной хлипкой стене из деревянных щитов, которые держали стену из глыб на северной стороне колодца. Несколько веревок привязали к верхним балкам, которые одним концом распирала щиты, а другим упирались в скальную стену массива. Толщиной балки были чуть больше черенка от лопаты. «Хватит ли ребятам силы сломать балки?» – мелькнула мысль у Амана. Хорошо бы одну из них просто выбить или сломать топором. Но тот, кто отважится это сделать, неминуемо погибнет под обрушившейся стеной колодца. Ведь это стена высотой более пятнадцати метров, целый пятиэтажный дом!

Сверху уже бежал запыхавшийся Бакыт:

– Едут! Едут! Четыре больших джипа! Минут через десять будут здесь!

– Все вон из котлована! – заорал Аман. – Тяни веревки! Дергайте по команде. И-раз! И-раз!

Веревки натягивались, словно резиновые, и скидывали назад в котлован суесящихся людей.

«Неужели все напрасно? Неужели не получится?» – отчаянно стучало в голове Амана.

Внезапно раздался слабый треск и одна группа людей, тянувшая веревку, повалилась на спину, словно веревка не выдержала яростного порыва людей. Через какое-то мгновение раздался сильный грохот падающих камней, и земля содрогнулась,

словно от мощного взрыва. Другие веревки, сдирая кожу с ладоней людей, с силой рванули их в сторону котлована. Теперь падали все. Над котлованом поднялось облако пыли.

Машины подъехали к юрте. Не найдя никого вокруг, группа людей, одетых в темные костюмы, направилась в сторону котлована. Там их взору представилась странная картина: несколько запыленных, обессиленных человек сидели на камнях кругом по склону котлована. На их лицах было написано неподдельное отчаяние. Все, чего они добились упорным, непосильным многомесячным трудом, было разрушено в одно мгновение.

В центре котлована у края полузаваленного колодца сидел Аман, обхватив руками голову.

– Кто-нибудь скажет мне, что тут произошло? – по тону говорившего стало ясно, кто истинный хозяин этой древней земли.

Аман поднял голову.

– Крепи не выдержали, байке. Все рухнуло.

– Жаль. А что вы тут обнаружили? Похвастайтесь. Говорят, золото?

Аман поднялся и подошел к говорившему. За его движением неотрывно следили окружавшие босса телохранители.

– Вот, байке, – и Аман протянул главарю небольшую статуэтку. – Я им объяснял, что это бронза, да они не верят. Везде им золото мерещится.

Главарь повертел фигурку и передал подбежавшему подручному. Тот внимательно осмотрел находку и кивнул главарю:

– Дешевая безделушка. Бронза. Кто-то подшутил над вами, кладоискатели! На китайском базаре такой дряни прорва! Купили и подбросили, чтобы над вами посмеяться!

Аман сокрушенно пожал плечами. Главарь подошел к нему вплотную и заглянул в колодец.

– Сколько до дна было?

– Двадцать два метра. Теперь метров одиннадцать осталось. Значит, около десяти метров завалило.

– Никто не погиб? – заботливо спросил главарь.

– Слава Аллаху, не успели спуститься вниз. Теперь не знаю, сможем ли мы устранить завал, деньги кончились. Вы не можете, байке?

Главарь криво улыбнулся:

– Знаешь, Аман, мне твоё сокровище без надобности. У меня другие источники дохода, более верные и надёжные, чем поиски мифических кладов. Хотя, если найдёшь, меня обязательно позови, а то обижусь!

Гости давно уже уехали, а ребята все сидели на краю котлована. Теперь им торопиться было некуда. Они смотрели на Амана, сидевшего на краю колодца. Что он будет делать дальше? Дело его жизни в одночасье рухнуло.

А Аман всем телом ощущал холодную тяжесть золотой статуэтки, приятно оттягивающей ему карман. Хорошо, что когда-то ему подарили друзья бронзового божка, было, что показать этим бандитам.

Теперь над заветной плитой – девять метров камней. Стоит ли торопиться убирать этого многотонного сторожа его сокровищ? Надо будет обдумать все тщательно этой зимой дома, в Бишкеке. Пора подумать и о жене, и о детях. О работе. Надо научиться жить, как все простые люди. До нового сезона.

Туланды КУРМАНАЛИЕВ

ЕДРИНАЛИН

Рассказ

Туланды Курманалиев – давний автор «Литературного Кыргызстана». Кандидат технических наук, много лет возглавлял знаменитое ОКБИКИ (Особое конструкторское бюро Института космических исследований), в последнее время – заведующий сектором Института автоматизации Национальной академии наук Кыргызской Республики. Его документальные рассказы проникнуты то печалью, то юмором. Особенно помнятся читателям публикации в «ЛК» о Бюбюсаре Бейшеналиевой и Игоре Курчатове. Перу Туланды Курманалиева принадлежат две книги рассказов и эссе.

Прошло уже немало лет, а я нет-нет да и вспоминаю с грустью и со смехом дела давно минувших дней...

Я начальник смены обогатительной фабрики, расположенной уступами на крутом склоне горы. В моём подчинении: откаточная штольня, уступ щёковой дробилки, уступ мельниц с классификаторами, флотационный уступ и уступ концентрационных столов. Все грохочет, стучит, переливается. Руда поступает в дробилку, а оттуда самотеком на обогатительный передел.

В то утро в мою откаточную штольню спустилась целая комиссия: главный маркшейдер рудника, главный геолог, главный

механик и инженер по технике безопасности рудника. Спустились они на обогатительную фабрику с какого-то верхнего горизонта, где шла добыча руды. А зачем в мою штольню – важно молчат, а я и не спрашиваю.

И только мы прошли половину пути и остановились, чтобы пропустить две вагонетки с рудой, которые толкали перед собой мои двое парней, как вдруг прекратился глухой стук щёковой дробилки, замигали тусклые лампочки под сводом штольни, наступила тишина. Только было слышно отчетливо журчание многочисленных струй воды, вытекающей, каплюющей, льющейся из всех щелей сверху, с боков, снизу.

Все стало ясно: нас завалило в штольне. То есть преградился единственный выход и мы отрезаны наглухо от внешнего мира. После короткой немой сцены некоторые из начальников кинулись к завалу, двое бросились к шахтному телефону, который находился в тупиковой части штольни у рудоспуска. Я все-таки опередил тех двоих и, пробегая мимо моих парней-откатчиков, бросил коротко: «За мной!». Эти парни быстро сообразили и оттеснили рвущихся к телефону, потерявших контроль над собой. Ору во все горло: «Что, наложили в штаны? Напишу рапорт на вас – паникеров! Вы на моей территории и будьте добры здесь и сейчас подчиняться мне!».

Конечно, этот крик был сопровождён более вескими и конкретными, сами понимаете, словами, после чего, подошедшие ещё двое начальников вытащили свои сигареты и пытались трясуцимися руками прикурить. У каждого из нас, уверен, промелькнула одна и та же мысль: «Откопают нас, откопают. А завтра! Комиссия из комбината, комиссия из Горгостехнадзора, деятели из Киргизсофпрофа по технике безопасности... Поиски виновных (на то и комиссии), наказание непричастных... Накрылась «медным тазом» квартальная... Да что квартальная – годовая, как пить дать, премия приказала долго жить!».

Я же прошу женщину на коммутаторе соединить с уступом дробилки.

– Даудов! – кричу в трубку. – В штольне завал, все живы, свет есть, воздух слабо, но поступает! Без паники, никому не говори, останови дробилку, поднимись на бункер дробилки и посчитай сколько шагов от бункера до завала! Понял? Повтори!

Через несколько минут голос запыхавшегося старика-чеченца Даудова:

– Восемьдесят и еще шесть шагов!

– Отбой, отец, будь у телефона.

– Смолина! Соедини меня с начальником рудоуправления, срочно! – и чувствую, кровь приливает к лицу и руки почти не дрожат.

– Леонтий! У нас ЧП: недалеко от устья откаточной штольни от небольшого землетрясения, вероятно, обвалился свод и наглухо перекрыл штольню. Здесь находится твой главный, и они подсчитали, что это двенадцать–пятнадцать метров, то есть триста пятьдесят – пятьсот пятьдесят тонн. Все целы и бодры. Не перебивай. Если не хочешь иметь приключения на свой голый... срочно сообщи начальству в комбинат, что ты отдал приказ о начале плановых учений по гражданской обороне. Дай своему начальнику штаба ГО Марчуку карт-бланш по ликвидации ЧП. Он старый горняк и знает, с чего начать и как организовать проходку через завал. Не перебивай! Скажи Марчуку, чтобы он фиксировал все секундомером и вел запись в журнале. Подскажи ему, с каких участков он может снять бурильщиков, проходчиков и сварщиков. Сам сиди в рудоуправлении, пей чай и слушай. Глюкауф, Леонтий!

– Всё понял! Глюкауф, Толян!

Поясняю: мы с Леонтием – однокашники, мы оба окончили Московский институт цветных металлов и золота имени М.И.Калинина (МИЦМИЗ). Тем самым я объясняю такое вольное обращение к начальству, даже старшему по возрасту. А «глюкауф» – это древнее пожелание немецких горняков (а теперь и мицмизовцев), означающее в переводе «счастливо подняться наверх», то есть на дневную поверхность.

Старый Марчук, как я потом узнал, перво-наперво объявил всему рудничному посёлку по радиосети, что он, выполняя волю начальника ГО рудника, объявляет во столько часов и минут начало учений. Что гипотетически произошёл обвал свода штольни, что в штольне находятся люди, осуществляются мероприятия по их спасению...

– Смолина! – звоню на коммутатор. – Ты все слышала и, если хоть одно слово твоё... вот тут рудничное начальство слышат меня: хоть одно твоё слово, ты пойми, без суда уку тебя в

торьюму и надолго, как шпионку, как врага народа, как... Учения приравнены к военному положению! – стращал я первую сплетницу посёлка.

Потом я узнал, что Марчук уже через несколько минут восседал у устья штольни, организовав командный пункт учений. Наладил связь. Начальник связи соединил полевой телефон Марчука через телефон дробилки с коммутатором. Сам он обложился журналами, секундомером и фиксировал каждый этап спасательных работ. Два фотографа непрерывно щёлкали затворами. Сандружина разбила палатку на уступе у Даудова, тут же расположилась группа горноспасателей в полном снаряжении.

У входа обогатительной фабрики дежурили начальник милиции капитан Кабёнов и двое его милиционеров (полный состав поселковой милиции) во избежание паники.

Марчук каждые полчаса по громкоговорящей связи (трансляция по всему посёлку) докладывал начальнику рудника, что во столько-то прибыли бурильщики и приступили к обушиванию, во столько-то прибыли горноспасатели, проходчики, что поступили сведения о состоянии потерпевших, которое является удовлетворительным.

А потерпевшие, мои гости, уже по-деловому спорят, подсчитывают время проходки через завал. Ведь надо пробурить наискосок несколько сотен шпуров (глубоких дыр в твёрдой породе), забить в них штанги (толстые железные прутья) сварить их друг с другом, положить поверх них доски и удалить породу. И снова в новых местах бурить, забивать, настилать, выгрести.

У нас появились новые сложности: вода. Она прибывала. А так как водосток (небольшой канал сбоку штольни) был также запружен завалом, то её уровень угрожающе стал повышаться, сначала по щиколотку наших сапог, потом уже чуть выше колес вагонетки. Хуже всего было моим откатчикам: они катали руду налегке, в брезентовых робах с капюшоном, и три-четыре раза в смену они меняли мокрую одежду на сухую, которая висела в их каптёрке над электрическим «козлом». А тут холод (февраль), вода, «чуни» (остроносые калоши) заставили их первыми залезть на вагонетки с рудой. Затем и мы были вынуждены сделать это. И в этом холоде, при водожурчащей тишине, каждый из нас исходил мелкой дрожью и мысленно бесился, что мы ничем не

можем содействовать нашему спасению из-за угрозы новых подвижек породы и нового обвала.

Я отдал Грише Критинину – долговязому откатчику – свои часы с тем, чтобы он, как приказал Марчук, каждые полчаса докладывал о нашем состоянии.

– Докладываю! – Гриша перегнулся с вагонетки к телефону: – Докладываю: водоплавающие потерпевшие греются на суше, чистят перышки и молча разговаривают. Всё в норме.

Или:

– «Великолепная семерка» (был тогда американский боевик) мечтает о куске горячего мяса! Отбой!

Его юмор надоумил меня рассказывать анекдоты, которые я помнил ещё со студенческой скамьи. И простые, и сальные, и аполитичные. Потом я прикинул, что почти один рассказывал их три часа без перерыва. И если знаменитый академик И.Павлов говорил, что самое лучшее свойство мозга – забывать, то я утверждаю, что опытным путем пришёл к противоположному выводу: в критической ситуации я вытаскивал легко из сусеков памяти слышанное мною когда-то. Как у Онегина: «...Но дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей».

Я изгалялся, охрип, и, только когда мы услышали явный стук перфораторов и поняли, что вот-вот нас освободят, были слышны редкий хохот и похохатывание. Начальство тоже выдало пару-тройку анекдотов. Некоторые пытались даже испытать нашу сообразительность всякими байками.

Но разве можно было что-то соображать, когда мозг, казалось, от холода болтается внутри черепа, а язык с трудом ворочается.

Наконец вода начала просачиваться всё быстрее и быстрее. Мы поняли, что проходчики расширяют завал где-то сбоку. Вот появилось небольшое отверстие, в которое начали протискиваться горноспасатели. Нас с величайшей осторожностью по очереди просунули через эту дыру, окутали шерстяными одеялами и спешно доставили в больницу.

В большой комнате-палате уже находилось несколько больших так называемых топчанов (прочное деревянное ложе) и походных кроватей-раскладушек. Мы даже не могли сопротивляться, когда врачи и санитары стали раздевать нас догола, когда

повалили на топчаны и, влив по сто граммов чистого спирта нам в рот, стали растирать нас снаружи тоже спиртом.

Наконец кое-где послышались стоны, тихие выкрики удовольствия. Труды врачей и санитарок! Главврач бегал от одного к другому, давая указания пыхтящим коллегам Авиценны и Гипократа.

Вдруг один из акклимавшихся зимовщиков вопрошает, обращаясь к соседу, лежащему голова к голове:

– Помнишь? – и дальше следует какая-то смешная неприличная фраза из какого-то сального анекдота ...

Все мы слышали вопрос. Все мы вспомнили этот анекдот. И все мы, как при короткозамедленном взрывании, с диапазоном в какие-то миллисекунды родили цепную реакцию дикого хохота. Главврач ликовал, приговаривая:

– Смейтесь! Это – адреналин, он поможет вам скорее вылечиться!

Мы не могли остановиться, и волнообразный всеобщий хохот наводил некоторых на мысль, что у нас «крыша поехала».

Вдруг раздался громкий визг. Мы все на секунду замолкли, привстав с лежаков, глянули в сторону источника.

Картина: багровая то ли от трудов, то ли от страха и удивления стоит санитарка с поднятыми руками в позе «сдаюсь», а перед ней на полу копошится долговязый Гриша Критинин. Мы все поняли: от хохота Гриша, видимо, хорошо подпрыгивал так, что раскладушка под ним сложилась, скинула его на пол и накрыла сверху. Одной рукой прикрывая «стыд», другой Гриша пытался установить непокорное ложе, которое никак не хотело слушать и отползало от него все дальше и дальше. Теперь уже, загребая двумя руками, он пытался влезть на раскладушку, громко ругаясь словами «едриналин ихнюю... едриналин его... едриналин твою..!».

И вот новый взрыв не гомерического хохота, а уже истерики, к которой дружно присоединился уже весь присутствующий медперсонал.

Родственники и просто зеваки у больницы, услышав такое, махнув рукой и качая головой, стали расходиться по домам.

Все мы переболели воспалением легких. Адреналин, видимо, помог быстрее выздороветь.

Двухтомный отчет, который мы с Марчуком сварили, с фотографиями, с графиками, хронологической оценкой действий формирований ГО стал показательным образцом в республике. Леонтий и Марчук были по итогам года награждены медалями «Отличник гражданской обороны СССР», «великолепная семерка» была премирована (за испуг, как некоторые шутили) деньгами, а больше всех премия оказалась у меня, которую я тотчас разделил со своими откатчиками. А Грише дали кличку «Едриналин», на которую он не обижался и охотно отзывался.

Александр КАМЫШЕВ

МАЯТНИК (Будни антиквара)

Рассказ

Камышев Александр Михайлович родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. До 1993 года работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по двум специальностям «Отечественная история» и «Археология». В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. Является автором пяти книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике и археологии. В 2005 году дебютировал в «Литературном Кыргызстане» с рассказом «Ваха».

Запуск

Михаилу снилось, что он бредет один по безлюдным улицам незнакомого ему города, чувствуя скрытую затаившуюся за каждым углом опасность. Неожиданно он увидел спасительный автобус, отходящий от остановки. Шансов заскочить в него на полном ходу почти нет, но, с другой стороны, оставаться одному в чужом городе тоже невозможно. Он бросается вдогонку, из последних усилий делая решительный рывок. Цель почти достигнута, но неожиданно ступенька автобуса выскальзывает из-под ног. Михаил летит в пропасть и... просыпается. Сердце бешено и аритмично колотилось, словно он наяву совершал сприн-

терскую пробежку за уходящим «Икарусом». Спать совершенно не хотелось. Осторожно, чтобы не разбудить жену, Михаил вышел на лоджию, укутался в старое одеяло и, удобно устроившись в продавленном кресле, стал ждать рассвета.

В этом году ему исполнилось сорок лет, восемнадцать из них он проработал в институте инженерных изысканий сначала простым инженером, потом начальником буровой партии и, наконец, дослужился до начальника отдела. Восемнадцать лет постоянных командировок по большим и мелким объектам будущих строек в Киргизии и за её пределами. Тупая однообразная работа в обеспечении двух десятков самоходных буровых установок инструментом и запчастями, организация выездов бригад на объекты, разборки пьянок на работе, аварий на дорогах, нарушений техники безопасности и несчастных случаев на производстве. Разве об этом он мечтал, выбирая в юности романтическую профессию геолога?

Самое приятное, что вспоминалось из этих загубленных лет, – это отпуска, которые Михаил проводил вначале один, а затем вместе с дочерью на археологических раскопках средневековых городищ, в надежде сделать какое-нибудь сенсационное открытие. Там, в кругу друзей, он отдыхал душой, перелопачивая за день по несколько кубометров земли, а вечерами, сидя у небольшого костерка, слушал удивительные истории начальника археологической экспедиции Валентины Дмитриевны Горячевой о древних народах и их культуре.

Еще одним средством снятия стресса от повседневных производственных конфликтов, служила коллекция монет, которую Михаил начал собирать еще в далекой юности. Представляя, сколько рук, возможно, даже великих мира сего держали именно эту монетку, Михаил пытался угадать историю каждой из них. Все эти фантазии подвигли его к штудированию исторической литературы, а потом и к стремлению поделиться своими открытиями. Между делом Михаил окончил Университет народной журналистики и время от времени публиковал научно-популярные статьи о монетах в местной прессе. Среди любителей-нумизматов он слыл знатоком и даже был выбран председателем городского общества коллекционеров. Однако хобби не давало средств к существованию.

Опостылевшая работа тяготила Михаила, но вот теперь он и её потерял. На днях директор, собрав трудовой коллектив, объявил, что в связи с резким падением количества заказов на инженерные изыскания, институт проводит сокращение штатов. Михаилу предложили возглавить поредевший из-за увольнений сектор буровых работ, что было явным понижением в должности. Это стало последней каплей, которая, как говорят шутники, переполнила бочку с порохом, и Михаил в сердцах подал заявление на увольнение. Самым неприятным было то, что неделю назад под сокращение попала и жена, восемнадцать лет отработавшая химиком-технологом на машиностроительном заводе. Таков был печальный итог настоящего дня: двое безработных родителей, дочь-отличница, которая на следующий год собирается поступать в университет, сын-второклассник, выполнивший уже норму первого юношеского разряда по шахматам, и полный раздраз в стране, когда по телевизору вместо фильмов почему-то весь день показывают балет «Лебединое озеро».

Минувшим вечером приходил сосед по лестничной площадке, сидели с ним на кухне вдвоем за бутылкой коньяка и рассуждали о будущем.

— Миша, — говорил сосед, — мы с тобой уже немолодые и должны думать не о себе, а о детях — что мы за мужики, если не заработаем им на безбедное проживание. Помнишь, как Скарлетт из фильма «Унесенные ветром» говорила, что состояние можно сколотить только на переломных этапах истории. Сейчас именно такой момент, надо успеть заскочить в последний вагон отходящего поезда. Мы с шефом оформили фирму в России на своё имя, хотя по документам она проходит как филиал треста. Целый год перекачивали прибыль основного производства в этот филиал. Подобрали отличное место для технической базы под Белгородом. Сейчас начинаем строительство цеха и жилых домов. Нужен надежный толковый прораб, я за тебя поручился перед своим шефом. Тебе предстоит отстроить десять двухэтажных коттеджей, один из них для себя. Материалы и деньги уже на месте. Когда все будет готово, мы перетянем туда несколько толковых специалистов, но это будет уже наше частное предприятие. Пять—шесть лет — и нам не стыдно будет смотреть в глаза своим детям. Соглашайся.

Михаил категорически отверг заманчивое предложение переселиться в Россию, хотя сосед, не жалея черных красок, рисовал бесперспективные картины будущего Киргизии, предрекая, что поначалу выедут все специалисты, потом оставшиеся разворуют все оборудование на заводах, а через три—четыре года выйдут из строя отопление и канализация....

Солнце окрасило вершины гор. Больше всего в своей квартире Михаил любил вид с лоджии. С высоты шестого этажа хребет Ала-Тоо раскрывался во всей своей красе. Самой впечатляющей панорама представлялась на рассвете, когда на снежных вершинах загорались нежно-сиреневые пятна, которые, разрастаясь, сползали вниз, подсвечивая горные склоны, от чего те казались еще более рельефными и величественными.

Надо что-то решать, в одном сосед прав: мы обязаны дать своим детям, если не состояние, то хотя бы возможность получить приличное образование. Но чем заняться? Отправиться, как многие знакомые, «челноком» за товаром? Но для этого нужно иметь деньги, чтобы закупить его. Продать свои монеты? Вот только кто их сейчас возьмет, все вокруг сидят без наличных и сами мечтают избавиться от ставших вдруг ненужными собираемых годами коллекций. Тяжелая наступила пора, все, как сговорились, бросились поковать чемаданы и уезжают в Россию, Германию, Израиль. Все всё продают.

Михаил вспомнил, как еще до перестройки, выполняя задание Университета народной журналистики, брал интервью у своих коллег по увлечению в парке «Дружба» Тогда кто-то из друзей размышлял вслух, почему бы не открыть магазины, где продавались бы монеты и другой коллекционный материал. В те времена эта была смелая мысль, поскольку любительская нумизматика если и не запрещалась, то, мягко говоря, не приветствовалась. Купля-продажа монет из драгоценных металлов попадала под действие закона о валютных спекуляциях. Так тихое увлечение привело на скамью подсудимых несколько десятков нумизматов по всей стране с громкими судебными процессами и конфискацией коллекций. Потом произошли небольшие изменения в законе, покупать серебряные и золотые монеты вроде бы разрешили, но с целым рядом оговорок. Тогда о нумизматическом магазинчике можно было лишь мечтать. Но сейчас все изменилось. Горбачев,

объявляя перестройку, разрешил делать всё, что не запрещено законом. Недаром вчера сосед несколько раз повторял: «Куй железо, пока Горбачев!». А что если арендовать уголок в каком-нибудь книжном магазине? Для начала распродать то, что удалось самому собрать за эти годы, а потом можно попросить друзей-коллекционеров принести свои неликвиды. В городе таких магазинов еще нет, и, может быть, удастся продержаться какое-то время. Ухватившись за пришедшую мысль об антикварной торговле, Михаил начал осознать, что нащупал выход. Это шанс. Денег на раскрутку такого бизнеса у него нет, но для начала ему нужны только стол, куда можно положить свои монетки, стул и место в магазине. Солнце уже осветило весь хребет, когда решение было принято. Сегодня он начинает новую жизнь. Он станет антикваром.

Все бумажные формальности были преодолены за день. Директор книжного магазина «Илим» не только разрешила поставить витрину с монетами, но и предложила довольно выгодные условия. Михаил вливался в сугубо женский коллектив, совмещая обязанности продавца, эксперта и заведующего созданного им отдела и получая половину от комиссионной накрутки реализуемого им товара. Кроме директора, засидевшейся в девках щуплой Тамары, в магазине работала его ровесница Ольга, погруженная в свои домашние проблемы мать-одиночка, и Елена – симпатичная двадцатипятилетняя девица баскетбольного роста, на которую Михаил сразу же положил глаз.

На открытие нумизматического уголка собрались несколько друзей-коллекционеров. Назвать это мероприятие презентацией можно было с большой натяжкой. В кабинете директора накрыли стол и поставили две бутылки водки. Ольга с Еленой нарезали салаты из помидоров и бутерброды с колбасой и сыром. Первым пришел Лисовский Борис Моисеевич, доктор медицинских наук, кардиолог, мэтр фрунзенских коллекционеров. Борис Моисеевич достал из своего портфеля увесистую, довольно потрепанную пачку царских банкнот и сразу дал несколько дельных советов:

– Поставь недорого, если кто их и купит, невелика потеря, но, когда клиенты будут приносить тебе свои бумажные деньги, ориентируя их на эту цену, ты тоже сможешь приобретать для

меня боны подешевле. Опредил ты меня, Миша. Я тоже мечтал: пойду на пенсию, открою небольшую лавочку и буду торговать монетками. Надеюсь годика через три, когда ты крепко встанешь на ноги, возьмешь меня к себе помощником. У меня этого добра за сорок лет коллекционирования собралось немало.

Следом подошел Величко Георгий Иванович, в недавнем прошлом конструктор в космической отрасли, а ныне пенсионер, он слыл непререкаемым авторитетом в восточной нумизматике. Предметом его особой гордости были научные публикации со ссылками на собранные им монеты «родненькой Азии». Михаил был знаком с Величко пятнадцать лет и однажды, побывав у него в гостях, был поражен коллекцией средневековых монет, найденных на территории Киргизии. Это небольшая подборка так запала в душу, что он тоже решил собирать восточные монеты. Собственная коллекция по теме «Фауна на монетах мира» представлялась Михаилу с того дня детским увлечением.

С коллекцией Георгия Ивановича все выглядело иначе, каждую из своих монет он представлял как важного очевидца определенного исторического события. Обладая феноменальной памятью, ветеран пересказывал родословную правителей дома Африсиба, восстановленную благодаря прочтению легенд на карахидских монетах. Слушать его рассказы о тюргешском кагане Сулуке, организовавшем местное денежное обращение, о туранцах, так называл Георгий Иванович династию караханидов, и о маньчжурских племенах каракиданей, создавших государство Западное Ляо с центром в Баласагуне, можно было часами.

Георгий Иванович стал снабжать Михаила историческими статьями, вырезками из газет о находках монет и кладов и материалами археологических отчетов, научил читать согдийские надписи на тюргешских монетах.

– Удивительно, такое обилие нумизматического материала, а нет определителя монет и нет учебника по среднеазиатской нумизматике, – сокрушался Михаил.

– Вот ты сам и сделай, а я тебе предоставлю всю свою коллекцию с фотографиями и определениями, – предложил Георгий Иванович.

Всю зиму Михаил сидел за печатной машинкой, но подготовить исследование, как оказалось, всего лишь половина дела,

гораздо сложнее было его опубликовать. Требовалось заключение специалиста-нумизмата, а еще нужны были деньги...

Засвидетельствовать свое почтение забежал Асыл Бакеевич Ашерев, подполковник КГБ. В обществе коллекционеров он исполнял обязанности казначея, скрупулезно отмечая в своем журнале адреса и анкетные данные всех четырехсот пятидесяти членов клуба. Асыл Бакеевич собирал награды и на презентацию принес пару старинных знаков, которые выставил на продажу.

Хороших слов было сказано немало, все поздравляли Михаила, предлагали помощь и сокрушались, что такая простая мысль не пришла им в голову.

– Смотрите, какая крутая тачка подкатила.

Елена высунулась в окно, рассматривая подъехавший к магазину «Мерседес». Из автомобиля вышел плотный мужчина лет за сорок с солидным авторитетом, нависшим над брючным ремнем. Осмотрев прилавок, клиент сморщил нос:

– Это и весь ваш антиквариат, негусто. Я тут себе по случаю особнячок двухэтажный прикупил, надо его чем-то заполнить. Мне картины большие нужны – Шишкин там, Айвазовский, вазы, статуи бронзовые, все красивое и дорогое. А у вас здесь приличного антиквариата-то нету. Старье какое-то.

Спорить было бесполезно.

– Мы только недавно открылись, заходите, мы будем иметь вас в виду, – извиняющимся тоном произнес Михаил.

– Иметь меня не надо, я сам, кого захочу, поимею, – довольный своей шуткой клиент весело расхохотался.

Совсем некстати влезла в разговор Елена:

– Михаил Алексеевич, покажите покупателю вазу, которую принесли утром.

– Вот тебе ладушки, значит, хороший товар от солидных клиентов прячем, а всякое фуффло толкаем. Ну, давай, колись, что ты там заныкал.

– Вазу принесли на оценку, это авторская работа двадцатых годов, клиент продавать пока не собирается, попросил поискать её аналоги по каталогам, чтобы определиться с уровнем цены, – начал оправдываться Михаил.

– Не хотел бы продавать, не таскал бы её по комиссионкам.

Ваза клиенту понравилась. Она была изготовлена в виде ствола дерева и обнявшей его полуобнаженной девушки-дриады, которая оголялась вместе с опадавшими листьями.

– А сколько твой клиент хочет?

– Да он и сам не знает.

– Ну, если не знает, тогда дай ему пару тысяч рублей, и пусть радуется.

– Я думаю, что ваза стоит тысяч десять.

– Может, и двадцать, а ты, сколько за неё дашь?

– Мне она не нужна.

– Ну вот, тебе не нужна и ей не нужна, я хочу её взять, но даю пять тысяч. По рукам.

– Нет, мне надо согласовать эту цену с хозяином.

– А кто у тебя хозяин?

– Я имел в виду комитента, хозяина вазы.

– Ну, ты прямо половой гигант, всех имеешь, – клиент опять расхохотался. – Давай договаривайся за пять штук, а я вечером заеду, заберу.

Когда клиент уехал, всезнающая Елена сообщила, что это был Александр Анохин, крутой бизнесмен, директор совместного с китайцами предприятия. Михаил позвонил комитенту и попросил подойти к концу работы, к тому времени подъехал и Анохин.

– За сколько отдашь свою вазу? – спросил он хозяина.

– Это фамильная реликвия, её отец привез из Германии, она стояла в загородном доме Гимmlера, – издали начал тот.

– А что, и фотка сохранилась, где Гимmlер в обнимку с вазой снялся.

– Нет, фотографии нет.

– Тогда нечего мне лапшу на уши вешать, ты вон ему байки рассказывай, – Александр махнул головой в сторону молчавшего Михаила. – Сколько хочешь за вазу из дворца?

– Мне жена говорила, что меньше чем за пятнадцать тысяч не отдавать.

– Хорошо, если ваза жены, передай ей, что я даю десять штук, если надумаешь, деньги заберешь у Миши, если нет, бегай с этой вазой дальше, мне тут торговаться с тобой по мелочам некогда.

– Десять так десять, – как-то обреченно выдавал комитент, и договаривающиеся стороны ударили по рукам.

Александр вытащил из кармана пачку пятитысячных купюр и выдернул две бумажки. Клиент бережно сложил их в бумажник и, не прощаясь, вышел.

Михаил завернул вазу в плотную бумагу, положил в пакет и отдал Александру.

– Ну и что же ты его отпустил, а комиссионный процент за твое посредничество кто тебе платить будет? Он должен тебе хотя бы штучку отстегнуть. Ты что, благотворительностью занимаешься? Я тебе тоже ни копейки не дам, это послужит тебе уроком, никогда не своди своего клиента с покупателем. Усек, студент?

Взлет

Торговля постепенно набирала обороты. После рекламы в «Вечерке» об открытии в городе антикварного отдела каждый день в магазин заходило до десятка комитентов. Прогрессирующая инфляция вынуждала население сдавать свои ценности в обмен на резко терявшие свою покупательную способность рубли. Горожане, подхваченные эмиграционной волной, несли на продажу ставшие вдруг ненужными фамильные реликвии. Полки заполнялись самыми разнообразными вещами: медный шлем соседствовал с кокандскими ведрами и кумганами, клавесин – с патефоном, бархатные знамена – с бронзовыми и фарфоровыми статуэтками вождей, позолоченные Будды стояли рядом с русскими иконами. Михаил с удовольствием принимал все подряд, однако, когда отъезжающая в Израиль семья принесла посмертную маску Сергея Есенина, тихо запротестовал:

– Вряд ли я найду покупателя на столь грустный антиквариат.

– Да, мы её не продавать хотим, а только пристроить в хорошие руки. Нам её передала одна бабушка, почитательница поэта, мы жили у неё на квартире, когда учились в аспирантуре в Ленинграде. Она убеждала нас в мистических способностях этого слепка предохранять от бед и напастей. К сожалению, маску нам через таможню не провести, а вы, нам сказали, человек интеллигентный, сохраните.

Так Михаил неожиданно стал владельцем гипсового слеп-

ка, и, не придумав, как с ним поступить, спрятал его на верхнюю полку в подсобке.

Заходили отметить и знакомые коллекционеры, покупая что-нибудь для себя, но чаще предлагая на продажу дубли из своих собраний. Постоянным покупателем стал Анохин, заезжающий два-три раза в неделю посмотреть на новые поступления и поболтать с Еленой.

Геннадий с Алексеем подошли перед обеденным перерывом. Михаил познакомился с ними в археологической экспедиции под руководством Валентины Дмитриевны на городище Бурана. Жили они недалеко от городища, оба интересовались историей, Алексей вроде бы в далекой молодости отучился три курса по специальности «Археология», но этим их схожесть ограничивалась. Худощавый, спортивного вида и постоянно молчавший Геннадий был полной противоположностью сутулого, все время жалующегося на здоровье и ужасно болтливого Алексея.

– Надо поговорить тет-а-тет, – заговорщицки шепнул Алексей Михаилу. – Мы тут скифское захоронение раскопали. Бульдозер на глиняном карьере курган подрыл, а там кости торчат, мы с Геннадием расчистили, и, посмотри, что нарыли. Гена, покажи.

Его напарник расстегнул спортивную сумку и извлек из неё древнее керамическое блюдо и акинак – бронзовый меч сакского времени с фигуркой барса на рукояти и со сломанным пополам клинком.

– Как ты думаешь, можно найти на них покупателя?

– Ну, тут вы не по адресу обратились, эти находки надо сдать в музей или показать их Горячевой, в Институт истории, может, она подскажет. Давайте проскочим к ней, пока у меня обеденный перерыв.

Валентине Дмитриевне чаша понравилась, акинак же показали ей немного тяжеловатым.

– А почему он сломан, бульдозером зацепило? – поинтересовалась она.

– Нет, мы его нашли в таком виде, наверное, в захоронения меча клали уже сломанными. Если владелец акинака мертв, то и меч должен быть соответствующим. А может, подменили из

практических соображений: зачем покойнику хорошее оружие, ему и сломанный подойдет, – высказал свои предположения Алексей.

– Я не встречала в литературе такого обычая у скифов, – выразила сомнения Валентина Дмитриевна.

– Чашу мы вашему институту подарим, а вот за меч хотели бы получить наличные, сами понимаете, какие сейчас времена, – начал гнуть своё Алексей.

– У нас в институте денег на закупку артефактов сейчас нет, да и в Историческом музее тоже вряд ли, но попробуйте.

Когда вышли из Академии наук, Алексей признался, что в музее они уже побывали, там им предложили оставить находку на экспертизу закупочной комиссии.

– Может, ты купишь? – предложил Алексей. – Дай, сколько не жалко.

– Да у меня нет пока оборотных средств, но долларов пятьдесят, пожалуй, наберу, я понимаю, что эта вещь стоит гораздо дороже.

– Пятьдесят так пятьдесят, торговаться мы не станем, – согласился Алексей.

Через месяц Геннадий пришел один с той же спортивной сумкой, из которой он, как из рога изобилия, извлек сначала ножку от скифского ритуального котла в виде головки архара. Деталь была покрыта плотным слоем зеленых окислов. Затем он достал акинак с головой кабана на вершине рукоятки, но самой завораживающей была бронзовая статуэтка сантиметров около двадцати высотой. Всё выдавало в ней древнюю богиню: солярный знак в виде лабиринта ниже пояса, обвитые змеями ноги девушки, тонкие крылья с наплывами, имитирующими перья, высокая обнаженная грудь и огромные глаза на круглом азиатском лице. Михаил не мог оторвать взгляд от статуэтки, так сурова и обворожительна она была. Он уже знал, что отдаст за находку столько, сколько запросят. Богиня того стоила, если говорить по большому счету, то она бесценна. К удивлению Михаила, сумму Геннадий запросил божескую, именно такая лежала в его сейфе, хотя большую её часть предстояло еще выплатить комитентам. «Не придут же сдатчики товара за деньгами все сразу. А за неделю я продам что-нибудь из своих запасов», – оправдывал себя Михаил, осознавая, что попал в зависимость от притягательной силы древнего искусства.

Проводив гостя, Михаил позвонил в Исторический музей искусствоведу Людмиле Комаровской. Профессиональная оценка Людмилы состояла из сплошных эмоций, она вертела статуэтку со всех сторон и нахваливала.

– Это же Гестия – хранительница домашнего очага у древних греков. Скифы почитали её как свою прародительницу и называли Табити. Ты помнишь, в истории Геродота описано, как Геракл в необитаемой стране потерял своих коней. Поиски привели его в пещеру, где он встретил полудеву-полузмею, которая пообещала ему помочь, попросив Геракла за свою услугу остаться у неё. Когда у Табити родились три сына, она вернула коней. Геракл, уходя, оставил свой лук, чашу и наказ, что основателем царского рода может стать тот из его сыновей, кто сумеет натянуть его лук. Это удалось младшему сыну – Скифу. Фигурку крылатой змееной богини я встречала лишь однажды в материалах раскопок в Афганистане. Теперь у нас обнаружена подобная статуэтка. Это научная сенсация века! А как она выразительна! Какое совершенство форм! Ты обратил внимание, на её ягодице проставлены какие-то тамгообразные знаки, это шедевр. Где она найдена?

– Знакомые ребята вырыли в глиняном карьере недалеко от Токмака.

Акинак и ножка от скифского котла тоже вызвали свою порцию восторга, но Людмила вновь и вновь возвращалась к Табити.

– Тебе в руки попал уникальный памятник, его необходимо досконально исследовать и обязательно опубликовать, а лучше сдать в музей. Такие находки встречаются раз в сто лет. Я тебя поздравляю!

Набрав в библиотеке стопку книг по скифскому искусству, Михаил дома и на работе отдавался своему любимому увлечению. Чем больше он узнавал о скифах, тем веселее и значимей казалось ему его приобретение.

Месяца через три после покупки бронзовой богини Табити к Михаилу зашел мужчина средних лет, представившийся Сергеем Павловичем. Развернув хозяйственную сумку, он начал извлекать из неё статуэтки бородатого скифа с чашей, греческой богини Афины, головку Будды и акинак, рукоятка которого оканчивалась головой кобры, раскрывшей свой капюшон и готовой к

роковому прыжку. Клинок акинака имел необычную волнообразную форму, а голова змеи была тщательно проработана древним мастером так, что просматривались даже чешуйки на её коже. Среди находок были обломок бронзового браслета в виде черепахи с халцедоновой вставкой на голове.

– Тесть мой был коллекционером, а сейчас он умер и оставил дочери наследство, а нам они без надобности. Дома еще десяток вещей, те, что получше, остались, я хотел бы узнать, сколько можно получить за все сразу.

То, что эти находки из того же карьера, было ясно и без экспертизы. Одно из двух: или Гена с Алексеем что-то мудрят и хотят поднять цену, подсылая посредника, или группа «черных археологов» разрастается и самостоятельно ищет рынки сбыта. Денег у Михаила не осталось, он еще не рассчитался полностью за предыдущую партию древностей. Но отпускать такого клиента было бы непростительной глупостью. На вопрос, сколько он может выложить за всю партию, Михаил еще раз пересмотрев находки, назвал свою цену, чем вызвал саркастическую улыбку незнакомца:

– За эту сумму могу отдать только акинак и еще что-нибудь по мелочи.

Слух Михаила резанул этот сугубо научный термин в устах так называемого профана, но он тогда не придал этому значения. Находки уплывали из рук, оставалась слабая надежда, что в городе он монополист по скупке древностей и вряд ли кто сможет выложить запрашиваемую сумму, но нельзя было сбрасывать со счетов коллекционеров Алма-Аты и Москвы.

Спустя неделю Михаил увидел акинак с головой кобры в сувенирном отделе центрального универмага, стоимость его была триста долларов. Нужно было срочно искать деньги. Под вечер подъехал Александр Анохин рассказать Елене, какой он деловой и предприимчивый. На днях он заключил огромный контракт с китайскими бизнесменами на продажу цветного металлолома, под эту сделку от компаньонов из Китая ожидается немалый кредит. Михаил поделился с Анохиным своими проблемами, зондируя возможность попросить деньги в долг.

– Мне постоянно приносят уникальные находки скифского времени, по моим предположениям, где-то в наших краях суще-

ствовал древний металлургический центр. Такие вещи в музеях мира наперечет. Обидно, если находки разлетятся по свету. Похорошему их необходимо опубликовать и сделать соответствующую рекламу, тогда им цены не будет, а они начинают расплодяться, как тараканы, кто-то из копателей уже выставил одну из находок в ЦУМе.

– Да кому они нужны, твои древности? Деловой человек должен покупать только то, что можно быстро и выгодно продать в будущем. Вот я взял в прошлом году «Мерс», гонял по полной программе, ни разу под капот не заглядывал, а сейчас загнал его, еще и наварился. Взял себе новый джип, через год и его загоню. А твои бронзяшки сразу никому и не впарить, таких, как ты, ценителей-эстетов, раз, два и обчелся, да и те сидят на мели. Вот если бы ты предложил мне коллекцию царских монет или десяток хороших икон, я бы не отказался. Их приятно посмотреть, а при случае можно и толкнуть с выгодой, а с этими железяками ты, может, и наварись, только семь потов сойдет, пока этот товар пристроишь, ценности должны быть ликвидные. В любой момент ты их сбросил – и пустил деньги в оборот. Сколько тебя надо учить, студент! – воодушевленно закончил Александр свою речь, которая, скорее всего, предназначалась не Михаилу, а с интересом слушающей их Елене.

Среди недели в отдел зашла иностранка, осмотрев все вещи, она на плохом русском спросила, нет ли чего-нибудь из древнего оружия, а чтобы Михаил лучше понял, открыла какой-то зарубежный каталог с древностями Средней Азии и ткнула пальчиком в иллюстрацию акинаков. Хотя она сразу же захлопнула свой справочник, Михаил успел рассмотреть цены с несколькими нулями. Отведя её в подсобку, он выложил на стол всё своё богатство. Иностранка сразу выдала в себе страстную коллекционерку. Она перекладывала древности, вертела, возвращала на место и снова брала их в руки, внимательно рассматривая через лупу.

– Я только хотел показать эти вещи, но они не продаются, я сам коллекционер и хочу написать книгу о древних шедеврах Тянь-Шаня, – медленно выговаривал слова Михаил в надежде, что так покупательница поймет его лучше.

Иностранка от волнения или с тайным умыслом перескакивала с английского и русского языка на немецкий, и из этой смеси Михаил понял, что её муж – посол Германии в Алма-Ате и что он коллекционирует древнее оружие. Через неделю у него день рождения, и она готова заплатить за пару акинаков очень хорошую цену. Взяв бронзовые мечи в руки и сделав угрожающее лицо, она показала всем своим видом, что забрать их у неё невозможно.

На категорическое «нет» иностранка с большим сожалением положила акинак с пантерой на стол, а другой с головой кабана прижала к груди, словно Алексей собирался отнимать у неё силой.

– Хау мач?

Михаил уже пожалел, что допустил в свою сокровищницу столь импульсивную даму, но возможность на вырученные от продажи деньги приобрести другие более ценные находки смирила его с мыслью об утрате.

На следующий день после встречи с женой немецкого посла Михаил пошел в ЦУМ посмотреть еще раз на кинжал с рукояткой в виде кобры, но продавщица сообщила, что древний меч уже приобрели и, самое прискорбное, выяснилось, что покупатель очень заинтересовался сдатчиком акинака и выпросил номер его домашнего телефона. Случилось то, чего Михаил опасался, в городе нашелся еще один ценитель древнего искусства. Теперь оставалось надеяться только на Геннадия и Алексея.

Находок Геннадий принес немного. Обломок наконечника копья, вислобушный топор с литейным браком на лезвии, что свидетельствовало о его местном производстве. Пользоваться топором с таким дефектом лезвия не представлялось возможным, следовательно, он оставался в литейной мастерской, которая собирала брак и обломки бронзового оружия для дальнейшей её переплавки. «Значит, эти вещи не завозные и центр по их изготовлению находился здесь», – отметил про себя Михаил. Самой интересной представлялась статуэтка священнослужителя с крестом и нимбом, на обратной стороне которого просматривалась полустертая надпись в четыре строки. Статуэтка никак не вписывалась в скифский период и датировалась, в лучшем случае, ранним средневековьем, к тому же она имела ровную почти черную патину в

отличие от других древностей, покрытых темно-красными или зелеными окислами вместе со спекшимся грунтом.

– А эта находка откуда? – поинтересовался Михаил.

– Фигурку священника нам принес местный житель, говорит, что нашел её в поле на юго-восточной границе Бишкека.

«Это же таинственный Тарсакент – город христиан, уничтоженный в одном из походов Тамерлана», – про себя отметил Михаил. Недавно он прочел книгу Льва Гумилева «Поиски вымышленного царства» о пресвитере Иоанне. По версии русского историка, центр христианства в средневековье находился в Чуйской долине. Именно отсюда ждали крестоносцы помощи единомышленников в кровопролитных битвах за освобождение гроба Господня. В XIX веке в окрестностях тогда еще Пишпека краеведы собрали около шестисот могильных камней – кайраков – с изображениями христианской символики. И вот сейчас здесь же найдена статуэтка, может быть, самого Иоанна. За свои находки Геннадий запросил все те же триста долларов. «Это проведение судьбы, иностранка мне была послана Богом, проданный ей акинак в сравнении с этой статуэткой священнослужителя не стоил сожаления», – ликовал в душе Михаил. Новая находка, конечно, уступала по возрасту, но по значению в открытии христианского города это реликвия была в тысячу раз весомее.

Кроме поступлений из Токмака, древности стекались в антикварный отдел и из других областей республики. С южного побережья Иссык-Куля знакомые геологи привезли бронзовые статуэтки буйвола и верблюда, найденные ими при строительстве технической базы экспедиции. Охотники из Иссык-Аты подарили великолепное посеребренное зеркало китайской династии Тан, а из Таласа водитель самосвала принес бронзовую средневековую ступку. Михаилу стало жалко своих друзей-археологов: бедная Валентина Дмитриевна столько земли перелопачивает, а результаты почти нулевые, а он всего за год собрал целую коллекцию шедевров, не вставая со стула. Он уже решил подготовить альбом с фотографиями и описаниями находок, придумав для него звучное название «Шедевры древнего Тянь-Шаня».

В потоке поступающих старинных артефактов Михаил нисколько не удивился информации еще об одной находке –

бронзовой статуэтке. Молодой мужчина и его беременная подруга долго мялись у прилавка, пытаясь выяснить цену на бронзовую женщину с поднятыми вверх руками.

– Если бы вы её принесли и показали, я бы сказал точно. А где вы её нашли? На Иссык-Куле? – спросил Михаил.

Мужчина кивнул и что-то невнятно пробормотал в ответ.

Михаил достал каталог выставки «Древности Кыргызстана в Эрмитаже».

– Посмотрите, может, найдете что-то подобное.

– Да вот же она, – женщина ткнула пальцем в изображенную на обложке чельпекскую кариатиду. – Точно такая же.

Знаменитый клад бронзовых вещей, датированный III веком до нашей эры, был найден случайно в районе Пржевальска, у села Чельпек. Самыми интересными были две ножки бронзового ритуального стола, выполненные в форме женских фигурок, с ярко выраженными монгольскими чертами лица.

– Это же ножка жертвенного стола, в свое время в кладе их обнаружили всего две, а должно быть четыре, значит, отыскалась еще одна. Это здорово. А сколько вы планировали за неё получить в самых радужных своих мечтах? – обрадовался Михаил такой удаче.

– Не меньше двухсот долларов, – мгновенно отреагировал мужчина.

– Конечно, дороговато, но цена приемлемая. Приносите завтра свою находку, а я постараюсь набрать для вас эту сумму.

Проводив гостей, Михаил попросил Ольгу присмотреть за его отделом, а сам помчался в Исторический музей, чтобы поделиться с Людмилой Комаровской радостным известием, что отыскалась еще одна ножка к двум уже хранящимся в их музее.

– Сейчас ко мне приходила семейная пара с Иссык-Куля, которая предложила ножку от жертвенного стола, уверяют, что она точно такая же, как и ваши из Чельпека. Хотят они за неё в принципе не очень дорого, если музей не станет её приобретать, я куплю сам, – прямо с порога обрушил Михаил свои новости на хранителей исторического музея.

– Какие ножки? Кто предложил? Давай все по порядку, – взмолилась Комаровская.

– У вас в музее хранятся две чельпекские кариатиды, а

сейчас нашлась и третья, правда, я её живьем еще не видел, но мне завтра пообещали её принести. Сговорились за двести долларов. Упускать такую находку никак нельзя. Кстати, вы не делали со своих фигурок копии? А то сейчас умельцев, хоть отбавляй. Где они у вас хранятся, можно на них еще раз взглянуть, чтобы завтра не попасть впросак.

– Пойдем, посмотрим, они на втором этаже, – все еще не вникая, что от неё требуется, согласилась Людмила.

На втором этаже они увидели уже совсем неожиданное. Стекло с небольшой витрины, висевшей на стене, было снято и лежало сверху, и только этикетка на трех языках указывала, что здесь находилась скифская бронза.

– А где фигурка? – спросила Комаровская у смотрительницы, сидевшей под витриной.

– С утра её уже не было, я думала, что вы забрали, – запричитала пожилая женщина.

– Все ясно, – сказал Михаил, – звоните в милицию.

С утра в антикварный отдел зашел крепкого сложения парень, представившийся капитаном милиции Азаматом.

– У вас будет засада, мыждемся клиента, вы с ним поторгуетесь для приличия, и, если статуэтка с ним, дайте мне знать, громко скажите: «Да за такие деньги я корову смогу купить», – остальное наше дело, – инструктировал Михаила Азамат.

Сам он, стоя у прилавка с книгами, два часа «увлеченно» читал «Геологические процессы эпохи Мезозоя». Азамат поведал Михаилу, что в своей объяснительной записке смотрительница музея сообщила, как вчера около неё остановилась семейная пара. Беременной женщине вдруг стало плохо, и смотрительница принесла ей стакан воды. Оказывается, охранная сигнализация в музее уже месяц не работает, так что остальное, как говорится, было делом техники.

Ожидаемый клиент пришел около четырех часов.

– Ну что, собрал деньги? – небрежно бросил он, не доходя до прилавка.

– Вы сначала вещь покажите, может, она поддельная, её еще проверить надо. А деньги у меня и вчера в сейфе лежали, – как можно спокойнее произнес Михаил.

– Ладно, жди, сейчас принесу.

Михаил не подал условный сигнал, но кивнул капитану вслед уходящему клиенту, который, выйдя на тротуар, махнул рукой. С бульвара к нему прямо через дорогу и кусты направилась уже знакомая Михаилу подруга с вместительной дамской сумочкой, но без явных признаков беременности. Когда супружеская пара сошлась на крыльце, к ним вышел капитан и еще неизвестно откуда взявшиеся два милиционера.

Несостоявшихся комитентов сразу увезли, а Азамат зашел в отдел к Михаилу.

– Ну, спасибо, братан. Молодец, все правильно сделал, если бы мы его сразу повязали, подруга слиняла бы со статуэткой, а без неё дело не закроешь. Хитрый гад оказался, у него уже три ходки за плечами. Как нас увидел, говорит, несу на определение статуэтку, найденную на мусорке. Но, я думаю, что смотрительница его опознает. Хочешь на статуэтку посмотреть, вчера музейщики написали, что она оценена в тридцать тысяч баксов, а этот урод хотел загнать её за два листа, – капитан развернул газетный сверток, в котором лежала фигурка женщины с пустыми глазами, широконогая, с маленьким ртом, с чрезмерно большой головой и хилой нижней частью.

«Если эта примитивная непропорционально уродливая статуэтка стоит тридцать тысяч, то моя богиня Табити потянет на все сто, вся же коллекция древностей на полмиллиона», – подсчитал про себя Михаил.

– Вам нужен серебряный лом? Заберите у меня вот эти запчасти, – попросила пожилая женщина, развязывая узелок.

В платочке лежали сломанные браслеты, десяток серебряных кругляшей и цепочка от наконечного украшения «чолпу», на концах которой красовались два талера, один из них 1623-го, другой 1657 года. Состояние их было великолепное, если бы не просверленные около гурта отверстия.

– Лом я беру, – Михаил взвесил содержимое платочка и рассчитался, а когда клиентка ушла, лихорадочно стал искать изображения своих приобретений в нумизматическом каталоге. Увиденные там цены его просто ошеломили. – Ах, если бы не пробитые в талерах отверстия.

Когда пришел Георгий Иванович, Михаил похвалился талерами.

– Их цена по каталогу баснословная, но кто их возьмет с дырками.

– Давай, я попробую их заделать. Мне, пенсионеру, всё равно заняться нечем, если понравится – заплатишь, а нет так нет. Гарантирую, хуже не будут.

Через неделю Георгий Иванович принес монеты обратно.

– Принимай работу. Я тут еще один эксперимент произвел, почистил их и искусственную патины навел.

Монеты были покрыты ровной темно-синеватой патиной. Следы отверстия можно было увидеть только через лупу, да и то, если знаешь, где это отверстие находилось.

– Георгий Иванович, вы просто волшебник. Как вам это удалось?

– Секрет фирмы. Потом открою.

Талеры выставили на продажу, и через месяц их приобрел залетный иностранец, который не заметил следы «лечения» на монетах. Михаил поделился с Георгием Ивановичем половиной от полученной прибыли. Ветеран был очень доволен.

– Это моя пенсия за два года. На таких условиях я могу проводить предпродажную подготовку всего твоего антиквариата, чистить и выправлять серебряные ложки и вазочки, оклады для икон и прочее.

Услуги Георгия Ивановича понадобились очень скоро. Шаромыжного вида комитент предложил серебряную рамку для фотографии, изготовленную знаменитой фирмой Фаберже. Он прямо так и спросил по телефону: «Фаберже почему принимаете?». На первый взгляд ничего особенного рамка не представляла, да, по большому счету, от неё мало что осталось, подставка была утеряна, а ажурная окантовка местами помята и разорвана, но при этом сохранилось четкое клеймо с фамилией знаменитого придворного ювелира.

– Где вы отыскали эту вещицу?

– Наследство, матушка оставила. Продаю сейчас её дом, там этого хлама полный чердак, а эта рамочка служила ей подставкой под сковородку.

Две недели Георгий Иванович трудился над восстановлением работы ювелира известной фирмы и доказал, что современные мастера не хуже прежних. Изящной рамке в стиле модерн он вернул почти первоначальное состояние, и она вполне годилась для продажи на европейских аукционах. Рамку, не торгуясь, забрал бизнесмен из Казахстана. По договоренности Михаил должен был вручить Георгию Ивановичу половину прибыли, но отдал только четверть, чтобы выйти из постоянного безденежья.

Апогей

День был пасмурный, покупатели отсутствовали. Михаил обсуждал с Леной и Ольгой зависимость продаж от погоды и пришел к заключению, что в солнечные дни клиенты спокойнее расстаются со своими сбережениями. Работать в женском коллективе оказалось куда приятнее, чем с буровиками. Атмосфера в магазине сложилась более чем дружественная. Михаил уже несколько раз побывал в гостях у Ольги, да и отношения с Еленой в любой момент могли перейти в интимные. Лена под большим секретом поведала Михаилу, что Анохин обещает купить ей однокомнатную квартиру, и тогда можно будет там встречаться. Несколько раз Тамара приглашала Михаила зайти к ней домой на чашечку кофе, но Михаил под различными предлогами отказывал своей непосредственной начальнице. Приятную беседу прервала телефонная трель. Звонила Ира Лисовская:

- Папа умер.
- Да что вы?
- Сердце, завтра похороны.

– Как же так, сам кардиолог, а получилось так неожиданно. Вот тебе и совместная работа на старости лет. А я продал все сданные им на продажу монеты и боны.

- Сейчас не до этого.

Через полтора месяца Ира зашла в магазин. Поговорили на посторонние темы, а потом перешли к главному.

– У папы осталась большая коллекция монет, бон и почтовых марок. Не могли бы вы все разобрать, оценить и помочь продать, желательно оптом.

Несколько вечеров, как на работу, Михаил приходил на квартиру Лисовских. Такого количества монет в коллекции доктора он не ожидал. В углу его квартиры стоял шкафчик с выдвигаемыми планшетами, на которых лежали иностранные монеты разных стран и эпох. Количество их было столь велико, что найти оптового покупателя на такое собрание представлялось делом весьма проблематичным. Отдельно от иностранных монет хранилась коллекция российского серебра и меди, начиная с Петра I и кончая Николаем II. Михаил получал огромное удовольствие, разбирая их по датам, типам и монетным дворам и составляя каталог с указанием состояния и стоимости. Общая сумма его поразила, но еще больше вдову и дочку с зятем. Описывая коллекцию, Михаил отобрал самые ценные из монет и не включил их в реестр.

– Если сделка состоится, вы отдадите мне за труды эти четыре монеты, – договорился антиквар с Ирой.

Михаил предложил купить коллекцию Александру Анохину.

– Двадцать тысяч баксов, крутые бабки, а стоит она этих денег? – Александр перешел на серьезный тон.

– Стоит несколько дороже, я считал по средней цене в каталоге, а они все в хорошем и даже отличном состоянии. Так что реальная цена коллекции раза в полтора больше.

Встреча состоялась в шикарном офисе Александра Анохина. Чтобы поднять свой престиж в глазах продавцов, Анохин разыграл сценку и, набрав по телефону какой-то номер, стал отчитывать своего возможно мнимого подчиненного:

– За что я тебе деньги плачу, если ты не в состоянии провернуть сделку в двести тысяч баксов. Сиди на месте и жди меня, сейчас приеду, займусь клиентами сам, – разговаривая по телефону, он вытащил из кармана две пачки с купюрами стодолларового достоинства и небрежно бросил на стол. – Считайте пока.

– Может, вы сначала посмотрите коллекцию? – вежливо попросила Ира.

– А что её смотреть, я в эти монеты все равно не врубаюсь, каталог с ценами у меня есть. Вы люди интеллигентные, обманывать не станете, а Мишка, если бы и захотел, да еще не научился.

Михаилу стало не по себе, в его кармане лежали редчайшие монеты из коллекции. Деньги пересчитали и разошлись по машинам.

– Хорошую сделку провернули, – Александр был доволен. – Я перекинул факсом твой каталог в Москву, если ты с состоянием не напутал, мне пообещали вдвое больше. Сколько ты с них взял за продажу?

– Мы же договаривались, что ты дашь мне десять процентов.

– Я не отказываюсь, но и с них надо было урвать процентов десять. Всё тебя учить. Они без тебя не выручили бы за коллекцию и половины. Поедем в кабак, обмоем сделку.

– Не могу, мне надо домой, сегодня у дочери ответственный день, она участвует в конкурсе по программе «Кадры XXI века».

Дома, как только Михаил вошел, на шею ему бросилась дочка.

– Папочка, поздравь меня, я победила и осенью лечу в США на учебу в Джорджтаунский университет.

Новость о том, что Михаил принес две тысячи долларов, уже не казалась чем-то сверхъестественным, если Фортуна захочет одарить, то делает это щедро. Теперь появились деньги дочери на билет, на наряды, да и с собой на первое время.

– А картины вы берете на комиссию?

Михаил поднял глаза, перед ним стоял высокий красивый мужчина лет сорока пяти.

– Нас интересуют только старинные картины.

– А мы можем и старые.

– Нет, это не то.

– Ладно, не хотел сдавать, но придется расстаться с фамильной реликвией.

Клиент развернул пакет и извлек на свет божий портрет девушки с лютней. Девушка была прекрасна. Полуобнаженное плечико сияло внутренним светом. На темно-коричневом фоне девушка как бы светилась. От центра к краям картины разбегалась мелкая сеть кракелюра.

Михаил перевернул картину, холст был старый, пробитый в двух местах, но аккуратно отреставрированный. По всей видимости, какое-то время картина хранилась не на подрамнике, а сложенная вчетверо, так как один квадрат был темнее остальных,

этим и объяснялась потертость в центре картины, заделанная умелой рукой реставратора. Холст оказался Михаилу довольно старым, а вот возраст подрамника и багета не превышал двадцати–тридцати лет. В таких стандартных рамках обычно выставлялись портреты советских вождей.

– Нравится? – поинтересовался мужчина.

– Великолепная картина, а автографа художника я не вижу.

– Я думаю, что это старая копия, потому и подписи нет. Как считаешь, двести долларов за неё не будет дорого?

– Если бы восстановить авторство, то это было бы мало, а так давайте попробуем. Паспорт у вас с собой?

Комитент протянул документ на имя Ермолаева Владислава.

Через неделю картину купил турист из Турции. Михаил объяснил ему, что картина старая и на её вывоз нужно разрешение Министерства культуры. А еще через пару дней к Михаилу подошел офицер в форме таможенника и, показав удостоверение, поинтересовался, кто и когда сдал картину «Девушка с лютней».

– У нас в аэропорту пресечена контрабанда, пытались вывезти в Турцию старинную картину.

– Я объяснил турку, что надо брать разрешение на вывоз, так что я ни при чем, вон видите: объявление на двух языках. «Приобретение антиквариата в магазине не является основанием для его свободного вывоза за пределы республики», – начал оправдываться Михаил.

– Нет, к вам претензий у нас нет, да и разрешение в Министерстве турок взял.

– Тогда в чем проблема?

– Дело в том, что «Девушка с лютней», это верхняя, более поздняя запись, она нанесена на старинную картину, возможно, середины девятнадцатого века. Я расчистил маленький уголок, я сам художник, и обнаружил под этой картиной еще одну. Как вы определили, когда нарисована эта картина?

– Сдатчик сказал, что это старая копия, я в экспертизе картин далеко не профессионал, но думаю, что, как минимум, начало двадцатого века.

– Да, не раньше, но тогда зарисованная картина должна быть более старой. Я хотел сделать снимок в рентгеновских пу-

чах, но это довольно сложно, надо вести картину в Москву. Вы не интересовались у сдатчика её историей?

– Нет, он ничего определенного не сказал.

– У вас в квитанции должен быть его адрес, я хотел бы с ним встретиться.

– Он живет в пригороде.

– Жалко, мне машину выдали только на час, не успею. Дайте ему мой телефон.

Когда пришел Ермолаев, Михаил рассказал ему о визите таможенника и таинственной истории с зарисованной картиной, но реакция комитента была довольно странной, он весело расхохотался:

– Ну, умора, вот хохма, бедный турок, знаешь, что скрывается под девушкой? Дедушка Ленин. Мне нужны были холсты для работы, вот я по организациям и собрал портреты классиков марксизма-ленинизма, иногда их отдавали даром вместе с багетами. На этих холстах я и рисую.

– Вы говорили, что это старая копия.

– Ты сам просил стародавнюю. Спрос рождает предложение, вот я её слегка подстарил. Не волнуйся, письмо профессиональное и картина стоит этих денег, а копия действительно давнишняя, она у меня целый год на чердаке стояла. Так что с таможенником сам разбирайся.

Таможенника такое известие изрядно смутило:

– Это работа художника очень высокого класса, в республике не много живописцев, равных ему по мастерству. Зачем он занимается ерундой, пусть пишет под своим именем, работа у него достойная.

С этого времени началась дружба и плодотворное сотрудничество Михаила с Ермолаевым. «Старые копии», нарисованные им, расходились довольно быстро, покупатели приезжали из Алма-Аты, приобретая картины, как русских, так и зарубежных художников. Несколько картин взял и Анохин. Все оставались довольны. Ермолаев трудился как вол, выдавая по шедевру, а то два в месяц. Кроме того, он освоил реставрацию икон, превращая старые вытертые доски в произведения русского искусства.

Как-то Ермолаев признался, что, работая до недавнего времени дизайнером на крупном заводе, он в Союз художников

никогда не стремился, хотя участвовал во многих выставках и знаком со всеми местными живописцами.

– В советское время картины население приобретало довольно редко, и прожить художнику помогала закупка его работ в музейные коллекции. Те художники, которые входили в такие комиссии, в первую очередь пытались протолкнуть на продажу свои картины. Такая система стимулировала вступление в Союз художников. Кто получал звания, тот и принимал участие в закупочных комиссиях. В наших музеях за советский период собраны коллекции именитых, но не всегда самых талантливых художников. Когда деньги тебе дают за всякую мазню, зачем стараться, зачем учиться и совершенствоваться. Если надумаешь собирать живопись надо искать хорошие работы самодельных художников, обладающих талантом живописца, но не сумевших пробиться в Союз художников. Среди таких мастеров немало импрессионистов, которых в советское время не жаловали, и их картины можно приобрести очень дешево, а если раскрутить имя такого художника и сделать ему хорошую рекламу, то можно заработать неплохие бабки.

Михаил принял наставления Ермолаева как руководство к действию. До этого времени он не особо обращал внимание на живопись, дешево продавая эскизы классиков живописи Кыргызстана. Сейчас на продаже весели два этюда Андрея Мишурёва, художника уже довольно известного. Его пейзажи из серии «Русский север» с покосившимися деревянными церквушками и погостами на переднем плане не вызывали положительных эмоций у покупателей. Мишурёв собрался на постоянное место жительства в ближнее зарубежье. За разрешение на вывоз его картин Министерство культуры запросило приличную пошлину, поскольку полотно в министерстве оценили довольно высоко. Свое возмущение художник высказал Михаилу, который предложил сделать распродажу картин в своем антикварном отделе. В пятничном номере «Вечерки» вышла трогательная статья Михаила о художнике, покидающем родные края и информация о распродаже его картин. За неделю выставки было продано только три пейзажа, хотя, по мнению Андрея, цены были просто смешные. Катрины Мишурёва посмотрел и Ермолаев.

– Если есть свободные деньги, заведи эти полотна, – посоветовал он.

Михаил пригласил Мишурёва для разговора, предварительно взял две бутылки коньяка, хлебцы и шоколадку. Андрей пришел перед закрытием магазина.

– Если ты берешь для себя, то цены я, конечно, скину за опт процентов на двадцать.

– Куда ты торопишься, давай на прощанье посидим, я бутылочку коньячка взял, а потом уже будем торговаться.

Когда первая бутылка было закончена и когда вспомнили всех друзей, знакомых и добрые старые времена, торг возобновился:

– Хорошо, сбрасываю на всё тридцать процентов, а вот эту картину, она мне больше всего нравится, я тебе дарю, – расчувствовался Андрей.

Михаил снял сибирский пейзаж со стены, и Андрей размашистым почерком начертил на обратной стороне: «Лучшему другу и антиквару Михаилу» – и поставил свою подпись.

Когда Михаил достал вторую бутылку, Андрей слабо запротестовал. Поговорили об искусстве, о печальной участи художников, к которым слава приходит, как правило, после смерти. После этого Андрей подарил Михаилу еще одну картину и сбросил цену на оставшиеся наполовину. Стоимость всех картин приближалась к двум тысячам долларов. Остановились на тысяче.

Пока ждали такси, Михаил несвязно вел свою пьяную речь:

– Хороший ты художник, Андрей, вот только долго живешь. Надо устроить тебе скандальную трагическую гибель, вот тогда твои картины резко взлетят в цене. Ты не возражаешь?

– Возражаю.

– Жалко, можно было бы неплохо заработать на этом. Ну, на нет и суда нет. Подождем немного.

Через пару месяцев, когда срочно понадобились деньги для поездки сына в Турцию на юношеский чемпионат Азии по шахматам, Михаил продал одну из десяти картин Мишурёва за две тысячи долларов.

Торговля антиквариатом набирала обороты, в отличие от научных книг, которые вдруг стали никому не нужны. Михаил по-

лучил согласие директора магазина на расширение площади своего отдела, хотя и этот угол скоро стал для него тесен. Зарплата Михаила возрастала каждый месяц, в то же время оборотных средств катастрофически не хватало. Гена с завидной регулярностью приносил все новые и новые древности, каждая из которых была интереснее предыдущей. Михаил складывал древние шедевры в свою коллекцию, отыскивая их аналоги в разных музеях мира и подготавливая описание и фотографии к сенсационной публикации, которая должна всколыхнуть весь научный мир. Кроме поступлений от Геннадия, у Михаила был и другой, не менее продуктивный источник пополнения археологических находок, который тоже требовал немалых денег.

Еще в первый месяц работы, когда в книжном магазине сиротливо стоял одинокий столик с сотней денежных знаков стран социалистического лагеря, к нему подошел молодой парень и, посмотрев разложенные на витрине монеты, поинтересовался:

– Сколько будет стоить тюркешская деньга?

Отлитые из бронзы монеты с квадратным отверстием в центре и согдийской легендой «Деньга тюркешского кагана» считались первыми денежными знаками, изготовленными на территории Семиречья в раннем средневековье. Михаил встречал эти монеты в собрании Георгия Ивановича, подобрал в научной литературе все имеющиеся сведения об этом выпуске и даже тщетно пытался в свое время найти эти монеты на археологических раскопках.

– Откуда у вас тюркешские монеты? – удивился Михаил.

– С Краснореченского городища, в средневековье называвшегося Навекатом. Мы с другом по весне ходим по свежеспаханным полям и за день иногда собираем по два – три десятка. Меня Сергеем зовут, а вас я знаю, читал ваши статьи в «Вечерке». Я учитель истории, у меня этого добра уже много накопилось.

Весной Михаил напросился вместе с Сергеем собирать монеты. Оказалось, не все так-то просто. Михаил до боли в глазах вглядывался себе под ноги, снуя как челнок по окружавшим городище полям, и за день поднял всего две монеты. Более удачливый Сергей собрал около десятка. «Вот если бы купить металлоискатель», – расфантажировался тогда Сергей. Когда у Михаила по-

явились свободные деньги, он вспомнил о мечтаниях учителя истории и заказал жене, сопровождавшей сына на шахматный чемпионат, привести из Турции профессиональный металлоискатель.

Сергей стал арендатором этого чуда техники, позволяющего обнаружить монету на глубине до тридцати сантиметров. Согласно устной договоренности, все находки поступали Михаилу. Всё лето учитель проводил в поисках, и средневековые монеты потекли к Михаилу рекой, вскоре число их перевалило за две тысячи. Цена за каждую находку Сергея представлялась символической, но в пересчете на количество выходила приличная сумма. Надо было рассчитывать и за них.

Деньги поступили неожиданно, откуда и не ждали. Сухонья старушка долго рассматривала монеты на витрине, а когда из отдела ушли все покупатели, заинтриговала Михаила одной фразой:

– Есть дело на миллион.

– Всего-то, – иронично заметил Михаил, и сразу серьезно добавил: – Слушаю вас.

– Тесть у меня был из богатеньких, еще до революции у его отца лавка была в Алтайском крае, и перед раскулачиванием он успел кое-что припрятать. После войны тесть съездил в Сибирь, будто бы родственников проведать и привез коробочку с золотыми монетами. Спрятал он их где-то в нашем доме. Нам так ни одной и не дал – боялся, говорил, понесете их в скупку, там вас НКВД и накроет. Так и умер. Муж мой все в доме перерыл, все стены обстучал, пол перестилал и в подполье копался, все клад искал, так и не нашел, царство ему небесное. А сейчас наш дом сносить собираются, мне добрые люди сказывали, что есть такой прибор специальный, показывает, где золото спрятано.

– Есть у меня металлоискатель, а как клад делить будем? – перешел к сути Михаил.

– Сразу и делить, ты найди сначала, а после договоримся. Я не обижу, дам тебе за работу сомов триста.

– Нет, бабушка, давайте как в советские времена, четвертую часть мне, а если не найдем, то я с вас денег брать не буду. – Иллюзий найти клад у Михаила не было, он уже несколько раз выезжал вместе с Сергеем на «верные» места, где якобы были зарыты фамильные сокровища, но, кроме впустую потраченного

времени и разочарований, ничего из таких мероприятий не выносил. Старушку ему было жалко, всю жизнь свою надеется внешне разбогатеть, а вот придется, видимо, её разочаровать.

Клад нашли в течение десяти минут, под окном на кухне прибор указал на наличие драгоценного металла. Тайник был сделан хитро, на торце массивного деревянного подоконника была прибита небольшая рейка, закрывавшая паз в доске. Выдолбленный паз заполняла окаменевшая шпаклевка, да так аккуратно, что, если бы не показание прибора, догадаться о наличии металла, да и самой пустоты было практически невозможно. Михаил осторожно разбил молотком шпаклевку и извлек из тайника завернутые колбасками в истлевшие тряпицы николаевские золотые червонцы. Восемь одинаковых по размеру столбиков.

В Михаиле проснулся дух исследователя, и он захотел разобрать все найденные монеты по годам выпуска, может, среди них окажутся редкости, однако бабушка не удовлетворила его научные интересы.

Откинув две колбаски в сторону Михаила, остальные она быстро убрала в свою сумочку.

– Иди милый человек с Богом.

Поняв, что бабулька его опасается, Михаил настаивать не стал и, забрав свою долю, вернулся в магазин. Стопочки содержали по десять монет, изрядно потертых в результате обращения. «Да, дедушка не был нумизматом, – с сожалением подумал Михаил, – а то бы он отбирал для хранения монеты только лучшего качества».

В зале находился покупатель, а точнее сказать, посетитель, поскольку он пересматривал всю научную литературу без разбора. Ольга с Еленой сидели у кассы и громко болтали:

– Я ему говорю, у тебя же жена молодая, чего ты постоянно ко мне таскаешься, а он мне – она у меня перуанка. Я думаю, ослышалась, еще раз спрашиваю: кто она у тебя? Он говорит, ну, стесняется она этим делом заниматься, одним словом – перуанка. Я как заржу. Это он интеллектом передо мной хотел блеснуть, но перепутал пуританку с перуанкой...

– Какие-то важные персоны нас посетили, – громко на весь зал сообщила всевидящая Ольга, прервав подругу.

Михаил увидел в окно, как из остановившихся иномарок с густо-тонированными стеклами вышли водители и, словно по команде, открыли пассажирские дверцы. В магазин вошли два представительных мужчины в сопровождении мощных охранников, один из которых остановился у дверей, другой подошел к одинокому посетителю и, взяв его за локоть, стал выводить его из зала:

– Извини, мужик, у нас спецобслуживание.

Седой высокий мужчина подошел к Михаилу и представился.

– Эдуард Васильевич Кошин, не слышал о таком? – Он протянул изящно выполненную визитку. – Я занимаюсь антиквариатом уже сорок лет, два срока за продажу икон и картин оттянул. Сейчас у меня в Алма-Ате собственная картинная галерея. Про тебя уже много слышан. Покажи, что у тебя есть серьезного?

– Смотрите, я ничего не прячу, – развел руками Михаил.

– Не темни, меня твои древности интересуют.

– Я их не продаю. Я альбом собираюсь выпустить.

– Молодец, одобряю. А потянешь? Федор, – обратился Кошин к своему спутнику, равнодушно рассматривающему витрины, – дай-ка мне мой альбом.

Тот, извлек из портфеля внушительного размера издание и протянул его Эдуарду Васильевичу. Седой в свою очередь передал альбом Михаилу:

– Держи, дарю, это иллюстрированный каталог моей коллекции, ознакомься на досуге, в Корее издал. Знаешь, во сколько мне этот тираж обошелся? Двадцать штук баксов. Ну, если не продаешь, так хоть похвались.

Коллекция археологических древностей произвела на Кошина сильное впечатление.

– Знаешь, Миша, никогда ничего подобного не видел. Можешь мне поверить, антиквариата за свои годы в руках подержал я немало. Достойное собрание. Умели в добрые старые времена вещи делать, приятно в руках подержать. Если продавать не хочешь, давай меняться, могу предложить хорошую икону восемнадцатого века или этюд русских передвижников. У меня этого добра много. Мне твой Иоанн в душу запад. Или давай так, я тебе дам пять тысяч «зеленых» на издание твоего альбома, а ты мне Иоанна. Надо чем-то жертвовать. Соглашайся.

– Это самая ценная вещь в моем собрании, – уперся Михаил.

– Не возражаю, но и бабки я тебе предлагаю немалые. Сколько у вас в Бишкеке сталинка в центре стоит? Давай я тебе квартиру под антикварный салон куплю или «Мерс» навороченный. Для меня деньги – мусор. Если мне вещь понравилась, я за бабками не постою. Называй свою цену.

Михаил отрицательно покачал головой.

– Ты головой не маши, ты ею лучше подумай!

– Даже не уговаривайте. Я хочу сначала альбом выпустить, выставку древностей организовать, надеюсь, что тогда цена на них возрастет многократно.

– Долго тебе придется ждать! Видать, зеленый ты еще антикварщик, не знаешь, что дважды такие бабки не предлагают. Я к тебе как равному, думал, ты поймешь страсть коллекционера, а ты мне в душу плюнул. Обидел ты меня крепко и ещё не раз об этом пожалеешь, – медленно, словно нехотя выдавил из себя Эдуард Васильевич.

В голосе этом не было прямой угрозы, но ощущение реальной опасности накрыло Михаила, словно густой туман. От липкого страха у него пересохло горло, и он уже был готов идти на попятную, махнуть рукой и как бы нехотя согласиться: «Ладно, мол, забирайте Иоанна, если он вам так понравился». Однако несостоявшиеся покупатели повернулись и, не прощаясь, вышли.

Обратный ход

Александр Анохин заглянул в магазин и махнул рукой, приглашая Михаила выйти.

Рядом с магазином стояло такси с открытым багажником.

– Принимай товар, – бросил Александр, указывая на картонную коробку в багажнике.

– Что это?

– Неси к себе, там посмотришь.

Коробка была тяжелая, килограмм на пятнадцать. Открыв её, Михаил увидел знакомый ему акинак с рукояткой в виде головы кобры, кроме того, там лежали обломанный браслет в виде черепахи с инкрустированной халцедоном головой, Будда и де-

сяток других, ранее не виденных, но так легко узнаваемых по стилю древностей.

– Поверил я тебе тогда, скупил у этого археолога все его находки, а вот теперь сунулся в ломбард, а там сидят «чайники» тупоголовые и расценили их по весу металлолома.

– Это здорово, что вы их скупили, у меня уже подготовлен к печати альбом, и с вашего позволения я внесу в него эти древности.

– Делай с ними, что хочешь. У меня неожиданно проблемка нарисовалась, мои косоглазые партнеры перевод очередного кредита затягивают, а тут десяток «КамАЗов» с медью подогнали, не возьму – товар уйдет конкурентам. Не хватает семи штук баков. Одолжи на недельку, а эти древности пускай пока у тебя полежат.

– У меня нет такой суммы.

– Тоже мне, антиквар называется, а что у тебя есть? Монеты, картины, что можно в ломбард снести, через неделю я тебе всё верну, еще и тысчонку «зелененьких» на бедность добавлю. Выручай. Я уже свой джип заложил, но всё равно семи штук не хватает.

– Есть у меня и картины, и монеты, но в ломбарде за них не дадут и половины стоимости, – не соглашался Михаил.

– Какая разница, мы же их все равно через неделю забрем обратно, я на этой сделке выигрываю триста процентов, всем хватит, не обижу. К тому же в залоге у тебя мои древности пока остаются, за них я тоже в свое время десять штук оставил, так что ты ничего не теряешь.

Михаил просмотрел принесенные Анохиным находки:

– Вы здорово переплатили, не тянут они на десять тысяч.

– Ну не десять, так семь, чего мелочишься, если что, ты же на них большие бабки поднять можешь, продашь парочку и вернешь своё, – давил Александр.

Михаил вспомнил Кошина: можно будет предложить ему несколько находок, чтобы сгладить конфликт, и согласился. Анохин забрал десять золотых червонцев, четыре российских раритета из коллекции Лисовского и на всякий случай прихватил три картины Мишурёва.

А через неделю Елена, пришедшая на работу с опухшими от слез глазами, сообщила потрясающую новость:

– Александр Анохин сбежал. Потихоньку продал дом, машину и растворился на обширных российских просторах вместе с огромным китайским кредитом. Сволочь он и аферюга, крутым прикидывался. Всё оттягивал с ордером на квартиру, говорил: «Потом, милая, потом, не видишь, как я занят». А я дура, ремонт там сделала, а вчера настоящая хозяйка приходит и возмущается: «Что же вы за квартиру не платите, обещали платить вперед каждые полгода. Или деньги давайте, или убирайтесь». А я в ремонт все свои и мамины сбережения вбухала, кто мне теперь их возместит, – и Елена снова расплакалась, размазывая по лицу косметику.

Михаил, как мог, успокаивал её, хотя впору реветь самому. Обидно, своими руками отдал самое ценное, что удалось приобрести за время работы, благо еще, что в залоге оставались древние находки, но придется что-то продавать из этой коллекции, чтобы компенсировать свой ущерб и как-то поддержать Елену. В самый тяжелый для неё момент Тамара вдруг объявила, что магазин в её услугах больше не нуждается, и в связи с резким сокращением книжной торговли она сама выходит в зал совмещать обязанности продавца.

Следующая неприятная новость исходила от Ольги.

– Михаил Алексеевич, а где маска Есенина, которая ваялась у нас в подсобке, – голос выдавал её крайнее возбуждение.

– Месяц назад я передал её с водителем автобуса в Ташкент, там, оказывается, есть музей Сергея Есенина. А зачем она тебе понадобилась?

– Да вы сами прочтите, что я нашла в «Комсомолке».

В корреспонденции сообщалось, что журналистское расследование обстоятельств самоубийства Есенина привело к версии о его насильственной гибели. Разгадка тайны возлагалась на посмертную маску, где должны были отпечататься следы побоев на лице поэта. Газета объявила, что выплатит вознаграждение в десять тысяч американских долларов за посмертную маску поэта.

Это был удар ниже пояса, не зря говорят, что беда не приходит одна. «Где была моя голова, – сокрушался Михаил. – Про-

сто так отдал незнакомому человеку десять тысяч, и, еще неизвестно, довез ли он маску до музея или выбросил по дороге».

Михаил, скрепя сердце, произвел чистку своего собрания. Количество древних находок приближалось к полусотне, и не все они представлялись равноценными: статуэтки Табиты, пресвитера Иоанна и бородатого скифа не шли ни в какое сравнение с обломками бронзовых котлов, с рукоятками, выполненными в скифском зверином стиле. Отыскав визитку Кошина, он позвонил в Алматы. Эдуард Васильевич довольно сухо ответил, что древний мусор он не собирает, и насчет Иоанна он здорово тогда погорячился, но уж если Михаила сильно прижало с деньгами, может дать за статуэтку долларов триста-четырееста. Теперь за свой древний шедевр обиделся Михаил, разорвав, он выбросил визитку Кошина, чтобы не было соблазна позвонить ему снова. Несколько отбракованных древних находок, выставленных на продажу, через пару дней за хорошую цену купили заезжие французы. Шестое чувство нашептывало Михаилу о безрассудности этой сделки, но Михаил уже порядком задолжал Сергею за большую партию средневековых монет, пообещал помочь с финансами Елене, да и Гена мог принести свои находки в любой момент, и деньги нужны были до зарезу. Через неделю, просматривая прессу, Ольга поинтересовалась:

– Михаил Алексеевич, поглядите, это, случайно, не ваши находки?

В газете «Караван» в разделе криминальной хроники содержалась небольшая, но убийственная для Михаила заметка, о том, как таможенниками в алма-атинском аэропорту пресечена попытка вывоза из страны уникальных скифских вещей, а рядом – фотография купленных на днях французскими туристами древностей.

Перечитывая эту информацию, Михаил почувствовал, как у него подкосились ноги.

«Вот, Мишенька, ты и доигрался, – прошептал он про себя. – Приобретая археологические находки, ты, по большому счету, финансировал незаконные раскопки. Это одна уголовная статья, а вторая – за сбыт за рубеж предметов, представляющих достоинство республики».

Пару недель Михаил ходил как в воду опущенный, ничего не мог есть, не спал по ночам, не зная, что делать: быстренько

подарить все находки музею или форсировать издание альбома с шедеврами. Но дни проходили за днями, а известий из Алматы не поступало, и Михаил постепенно успокоился. Свои древности он больше не продавал, к тому же Геннадий передал через общего знакомого неприятную новость, что на месте глиняного карьера местные власти устроили городскую свалку, и вести в нем раскопки стало невозможно.

Прекратились поступления и от Сергея, он неожиданно засобирался уезжать в ближнее зарубежье, принес металлоискатель и целый кляссер с монетами, среди них было несколько золотых караханидских динаров:

– Я лучшие экземпляры оставлял себе, но в Крыму вряд ли кого-нибудь заинтересуют, пусть остаются здесь, где они найдены, тем более ты планируешь издавать свои находки.

– К сожалению, у меня сейчас нет денег, я в глубокой финансовой яме.

– А я и не прошу денег, я и так получил огромное наслаждение. Думаю, что сделал очень хорошее дело, собрав эти монеты с пахотных полей, ведь еще десяток лет – и от них ничего не останется. На пашне они разрушаются очень быстро, а у тебя они, очищенные и законсервированные, пролежат долго, а рано или поздно всё равно ты их сдашь в музей.

– Возьми тогда взамен металлоискатель, если тебе так нравится собирать монеты, там в Крыму тоже наверно найдется место, где его можно применить.

– Огромное спасибо, это для меня лучший подарок, – обрадовался Сергей.

Следом за Сергеем решил переехать к дочери в Пятигорск на ПМЖ Георгий Иванович. Он подарил Михаилу лучшие экспонаты из своей коллекции и оставил всю научную литературу, взяв с него слово обязательно издать определитель среднеазиатских монет.

Низкорослый японец в строгом черном костюме с переводчиком, внушающие уважение габариты которого свидетельствовали, что он мог выполнять и функции телохранителя, осмотрев отдел, уже отправлялись к выходу, когда Михаил обронил дежурную фразу:

– Вы что-то ищите?

– Танака-сан интересуется древностями, но у вас ничего нет.

– Почему нет, если хотите, я вам покажу, – обиделся за свой отдел Михаил.

В подсобке Михаил разложил на столе свое богатство, а все, что не уместилось на столе, вытаскивал из картонных коробок и после показа отправлял на прежнее место хранения. Господину Танаки находки понравились, он несколько раз приценивался то к акинаку, то к статуэткам, но Михаил объяснил через переводчика, что вещи не продаются и что он уже подготовил к печати альбом с этим древностями и в настоящее время ищет спонсора на его издание. Танака захотел посмотреть места, где находят такие шедевры. Договорились на ближайšie выходные, что Михаил покажет японцу сохранившиеся городища. Перед уходом переводчик поведал, что Танака-сан – один из директоров фирмы «Ташиба» и недавно приглашен президентом Кыргызстана в качестве экономического советника.

Михаил объездил с Танакой и его переводчиком несколько городищ. Тесное общение с советником президента позволяло обратиться к нему с просьбой о финансовой помощи в издании альбома. Через пару месяцев после первой экскурсии по археологическим памятникам Чуйской долины Танака сообщил, что в Токийском университете заинтересовались этой идеей и просят выслать им текст и сканы фотографий. Альбом запланировали выпустить сразу на трех языках – кыргызском, русском и японском. Рецензию и вступительное слово к альбому предложили написать известному казахстанскому специалисту по скифскому периоду. Танака, благодаря своим связям, договорился о приезде ученого в Бишкек, чтобы тот смог «живьем» осмотреть находки.

Михаил встретил именитого гостя в своем отделе, заранее предчувствуя восторженные «вздохи» и «ахи» известного ученого. Но, к его удивлению, вздохов не последовало, археолог уверено сортировал находки на две непропорциональные кучки: в одну, большую, он откладывал находки, принесенные Геннадием, вторая состояла из десятка артефактов, поступивших из дру-

гих источников. Несколько дольше других он рассматривал статуэтку священнослужителя Иоанна и, посомневавшись некоторое время, положил её в большую кучу.

– Да, великолепное исполнение, просто произведения искусства, вот только отношение к археологии они не имеют, – безапелляционно сообщило научное светило.

– А эта? – с надеждой в голосе спросил Михаил, извлекая из большой кучи богиню Табити.

– И это тоже. Я полагаю, где-то у вас в Киргизии работает шайка мошенников, наладивших производство антикварных подделок. В Алма-Ате около года назад задержали трех французов за контрабанду древностей, открыли на них уголовное дело. Найдки принесли к нам в Музей археологии на экспертизу, а у нас уже имелись два десятка подобных от алма-атинских антикваров. Всё это дремучая липа. Так что французов отпустили, дело естественно прикрыли, а, может, и нет, я точно не знаю, вероятно, еще ищут этих аферистов.

Михаил сидел бледнее мела.

– Местные антиквары сообщали мне, что за каждую находку они платили от ста до трёхсот долларов. Выходит, за эти медные отливки вами заплачена кругленькая сумма?

– Я не считал, – тихо проговорил Михаил.

В его голове вертелась только одна мысль: «Все кончено, не будет никакого альбома и месячной поездки в Токио с выставкой древностей, о которой намекал Танака».

– Это всё у вас или есть ещё что-нибудь посмотреть? – спросил гость.

– Еще есть монеты, – упавшим голосом сообщил Михаил и достал коробку с находками, принесенными Сергеем.

Археолог вначале смотрел молча, потом начали раздаваться так ожидаемые Михаилом «ахи» и «охи».

– Какое разнообразие монетных типов, а какое чудное состояние! Откуда такое богатство? Это просто необходимо опубликовать. Мы за сезон находим два-три десятка монет, а здесь их тысячи и, причем, как я понимаю, с одного места. Да этой коллекции цены нет! Вам на основе этого материала спокойно можно сделать диссертацию. Понадобится помощь – я к вашим услугам. Если хотите, дам рекомендации к изданию нумизматическо-

го альбома, это может вызвать научный интерес гораздо больший, чем ваша фиктивная богиня.

Танаке идея об издании альбома с монетами Краснореченского городища не понравилась, его визиты в магазин стали реже и, по сведениям переводчика, отправляясь в Ошскую область познакомиться с археологическими и архитектурными памятниками, он пригласил гидом историка из Национального университета.

Примерно через месяц бронзовые антикварные подделки все оптом купил Кошин, неизвестно только, откуда он узнал, что они оказались липовыми, и непонятно, зачем они ему понадобились. Сам он за ними не приехал, а прислал своего друга Федора. Богиню Табити Михаил оставил себе на память, хотел сохранить и статуэтку пресвитера Иоанна, но Федор заявил, что ему наказано без этой фигурки не покупать и остальные. Пришлось согласиться. Сумма сделки не покрыла и десятой части затрат на приобретение этих «шедевров».

Мужчина лет сорока привез на продажу самодельную мебель, выточенную из карагача, работа была аккуратная, видно, что сделана профессионалом, а вот дизайн явно подкачал. На антикварную мебель продукция столяра не тянула, и Михаил отказался её принимать.

– Михаил Алексеевич, – обратился мужчина по имени отчеству, хотя Михаил ему не представлялся и визитную карточку не давал, – надо поддерживать отечественного производителя, как говорит российский президент. Может, по старой дружбе сделаете исключение.

– Извините, что-то я вас не припомню.

– Ну, как же, я – Николай, приезжал пару раз за Геннадием и Алексеем на раскопки Бураны.

– Так вы друг этих аферистов? Как там они живы-здоровы, привет передавай, скажи, что казахстанская милиция сильно ими интересуется.

– Вы так говорите, словно не знали, что покупаете антикварные подделки. Гена уверял, что вы в курсе и берете их для сбыта лопухим иностранцам.

– Нет, уважаемый, лопухим оказался я, размышлялся собрать коллекцию древностей, даже альбом с их иллюстрациями подготовил.

– Извините, а я и не знал. Я ведь тоже к этому производству руку приложил, а теперь вот бросил, мебелью занимаюсь. Знаете что, приезжайте ко мне в гости, у меня дома пруд, рыбу половим, покупаетесь, можно с подругой, – кивнул он на Ольгу, слушавшую их беседу.

– Михаил Алексеевич, давайте съездим, – ввязалась в разговор Ольга, – и Елену возьмем, а то она совсем захандрила.

Михаил, вначале хотевший отказаться, кивнул:

– Ладно, в воскресенье ждите.

Дом Николая стоял на въезде в Токмак, добротный с высоким глухим забором и металлическими воротами. Николай дома был один, при виде дам, он засуетился, стал накрывать на стол.

– Вы пока нарвите вишни, она у меня в этом году рясная уродилась, а рвать некому, – предложил он спутницам Михаила. – А мы с вами, Михаил Алексеевич, пойдем рыбку ловить. Он подошел к краю пруда и постучал по железному колу, и почти сразу вокруг кормушки замелькали серые спинки огромных рыб-бин. – Давайте выбирайте и сачком её к берегу.

Пару раз попытки Михаила были неудачными, но на третий он выкинул на берег полуметрового толстолобика.

– Хороший улов. Ну, что, девочки, будем уху готовить или запечем?

– Запечем, – весело отозвались Ольга и Елена.

На столе уже стояла плетеная корзина с вишней и зелень с огорода.

– Пока девчонки с рыбой возятся, пойдемте, я покажу вам свое хозяйство, – предложил Николай.

Рядом с прудиком, огороженная сеткой-рабицей, находилась мастерская.

– Вот здесь и творились все наши «шедевры». Собирали мы медь, добавляли в сплав другие металлы, чтобы соответствовало бронзе того времени, и отливали по готовой модели. Могли делать и пустотелые статуэтки. Алексей снабжал нас литературой, а мой сын по иллюстрациям готовил восковые фигурки. Потом их искусственно старили, как это происходило, вам лучше

не знать. Поначалу делали всё в единственном экземпляре, а со временем освоили поточное производство. Сергей Павлович, зять Геннадия, стал возить их в Алма-Ату и даже в Москву, но там его быстро раскусили. В основном, производством занимался сын, а год назад случилось несчастье, он ещё до армии женился на однокласснице, а когда застукал свою жену с другом, то покончил с собой. Я так подумал, на обмане не построишь себе счастье, выкинул все инструменты и решил оставить этот промысел. Гена приходил несколько раз, деньги предлагал, но ему сказал, что завязал и больше в такие дела не впрягаюсь. Бог меня и так наказал, забрал единственного сына, а теперь еще и жена от меня ушла. Хочу перед вами покаяться. Геннадий говорил, вы знаете, что это подделки, а теперь выяснилось, мы вас обманывали. Сколько вы на нас потеряли?

— Ладно, завяжем, этот разговор. Я приобрел хороший опыт, а это тоже дорогого стоит. Пойдем к нашим дамам, они уже нас заждались.

Возвращались из гостей вдвоем. Елена осталась у Николая.

— Мужик он хороший, сразу видно, мастеровой, опять же дом свой, а у неё ни жилья, ни работы, — оправдывала Ольга поступок подруги.

Михаил с Ольгой обедали в подсобке вдвоем, когда в дверь кто-то настойчиво постучал

— Ну их к черту, этих покупателей, поесть не дадут.

Ольга разливала из термоса ароматный борщ, а Михаил раскладывал второе. В последнее время они делили принесенные из дома обеды на две части. Ольга хотела продемонстрировать свои кулинарные способности, но постоянно предлагать Михаилу свои блюда ей казалось неэтичным. И потому она придумала тактический ход: просила попробовать то, что приготовила Михаилу жена, словно хотела узнать её рецепты, а взамен естественно предлагала свои угощения, отмечая про себя, что готовит она гораздо вкуснее.

Стук в дверь не прекращался, и Михаил вышел посмотреть, кого принесла нелегкая. У входа стоял мэр города Илья Борисо-

вич Исаев в сопровождении двух женщин и молодого парня, вероятно, водителя, который и тарабанил в запертую дверь.

— Почему не открываете, пора уже заканчивать эту совковую привычку закрываться на обед. На Западе все магазины работают без перерыва. — Мэр был явно недоволен непредвиденной задержкой. — Мы хотим осмотреть магазин, где директор?

— Я за неё, — ответил Михаил

— Тогда показывай. Это что за барахолка? — Исаев ткнул пальцем в отдел Михаила.

— Это антикварный отдел.

— На каком основании сдаете в субаренду свои торговые площади?

— Отдел входит в состав магазина.

— Ну, это мы еще проверим. А тут у вас что? — Исаев заглянул в подсобку, из которой доносился густой аромат остывающего борща. — Ну и запашище у вас. Что же вы тут, жрать готовите?

— Культурные люди, когда заходят в помещение, здороваются, — вдруг возникла Ольга, не разобрав, что за гости их посетили.

— Жуй, давай, да не подавись, — грубо обронил мэр.

— А повежливей нельзя, вы вроде бы в гости пришли, — вступился за Ольгу Михаил.

— Это вы здесь гости, а Илья Борисович — хозяин. Помещение это, между прочим, мэрии принадлежит, — назидательным тоном произнесла одна из сопровождавших мэра дам, смазливая пампушка лет тридцати пяти.

Препираться с мэром Михаил больше не стал и говорить тоже.

— А это что? — Исаев заглянул в кабинет директора, заваленный принятой накануне библиотекой. — Кругом бардак, что, нельзя книги расставить?

— У них еще подвал есть, — снова вступила в разговор пампушка.

— Покажи подвал, — приказал мэр тоном, не допускающим возражения.

— Смотрите, — безразличным тоном обронил Михаил.

Подвал, действительно, представлял печальное зрелище:

ремонт в нем никогда не проводился. Кроме того, Тамара надумала ликвидировать все книги, отстоявшие на стеллажах не один десяток лет. Руководствуясь советским положением о списания материальных ценностей, у книг были оторваны обложки, и вся эта нелюбезная куча макулатуры ожидала своей отправки в пункт приема вторсырья.

– Безобразия. Это ни в какие ворота, так захламить арендуемое помещение, – возмущался Илья Борисович.

Когда поднялись из подвала, до того времени молчавшая длинноногая спутница Исаева обратила внимание на паутину, зацепившуюся за полу костюма мэра:

– Позвольте, Илья Борисович, я вас отряхну.

И она легонько хлопнула мэра по пятой точке.

– Лидуня, ты мне все сегодняшние свидания отобьешь, – осклабился мэр.

Через пару дней в магазин пришло предписание мэрии в течение месяца освободить арендуемое помещение.

– У нас договор об аренде подписан на три года, мы – единственный в республике магазин научной книги, – сокрушалась Тамара. – Зачем ты его повел в подвал?

– Ничего он нам не сделает, я до президента дойду, он академик и «Илим» ликвидировать не позволит, а для начала я всех знакомых депутатов извещу. Подготовлю статью в «Вечерку», нельзя же ликвидировать предприятие, стабильно выплачивающее реальные налоги государству. Наше дело правое, победа будет за нами, – успокаивал её Михаил.

На следующий день Михаил написал одну жалобу на беспредел, творимый мэром, планируя передать её президенту через господина Танаку, другую – Асылу Ашерову, ставшему помощником депутата, который возглавлял в Жогорку Кенеше комиссию по борьбе с коррупцией. Асыл Бакеевич пообещал помочь и прояснить ситуацию, но через пару дней принес в магазин плохие новости. Он поговорил с Исаевым, и тот сообщил ему под большим секретом, что здание «Илима» присмотрела для себя жена президента Майрам Акаева, и потому писать кому-либо и возмущаться бесполезно. Письмо, подготовленное на имя президента, Михаил разорвал и к Танаке не пошел. Бороться с

самоуправством мэра сложно, но можно, бодаться с президентом глупо.

После получения предписания мэра события развивались стремительно, и каждый новый день приносил проблемы, которые возникали на ровном месте и размножались, как кроличье семейство. Тамара совершенно опустила руки: если президент-академик намерен уничтожить торговлю научной литературой, то какой смысл продолжать этот бесперспективный бизнес. Её пугали и выводили из себя ежедневные телефонные звонки из мэрии с требованием поскорее освободить занимаемое помещение. Будь что будет, решила она и... ушла в отпуск. Она безучастно смотрела на сизифовы потуги Михаила спасти предприятие, а потом зарегистрировалась как частный предприниматель по продаже букинистической литературы. Места для Михаила с его антикварной торговлей не нашлось. Оставшаяся без работы Ольга стала собираться к своим родителям, выехавшим несколько лет назад в Германию.

Михаил проснулся рано, хотя вечером он допоздна засиделся за компьютером, работая над монетным каталогом своей восточной коллекции. В воскресный день не грех было бы и отоспаться, но творческое возбуждение от создания стройной хронологической системы выпуска раннесредневековых монет вдохновляло на продолжение начатой монографии. До рассвета оставалось полчаса, и он пошел посидеть на лоджию, чтобы полюбоваться видом на горы.

Итак, он снова безработный. Благо, что теперь детки устроены, дочь оканчивает Джоржтаунский университет, а сына после победы на международном шахматном турнире неожиданно приняли в американский колледж с полным освобождением от платы за обучение и проживание. Михаил неторопливо перебирал все возможные варианты своей будущей деятельности. Неплохо было бы открыть свой нумизматический салон и заделаться профессиональным антикваром, благо опыт у него уже есть, а, может, лучше защитить диссертацию, как советовало казахстанское светило и читать лекции молоденьким студенткам. Неожиданно вспомнились приятные ощущения, когда металлоискатель

запищал над подоконником в домике старушки. Тогда в предвосхищении найденных сокровищ адреналин просто закипел в крови. Михаилу захотелось повторения тех волнующих мгновений, а что, если стать кладоискателем?

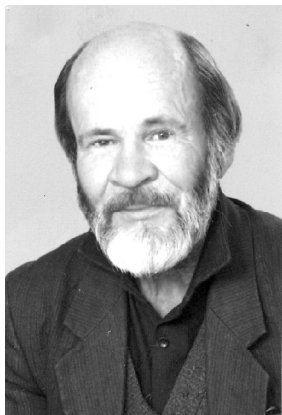
Первые солнечные блики заалели на пиках Ала-Тоо.

Эпилог

Чтобы восстановить историческую справедливость и расставить все точки над «і», надо сказать, что новой хозяйкой помещения «Илима» стала «пампушка», сопровождавшая мэра во время того злосчастного визита в магазин. Она откроет здесь элитный массажный салон. Как выяснится впоследствии, ни жена президента, ни сам он к приватизации этого здания отношения не имели.

Спустя пару лет, пролистывая аукционные каталоги, Михаил увидит знакомый силуэт статуэтки пресвитера Иоанна. Известный зарубежный антикварный салон извещал, что за сто тысяч долларов выставлена на продажу средневековая бронзовая фигурка несторианского митрополита Кашгара и Навеката, это подтверждала дешифровка сирийской надписи на обратной стороне нимба священнослужителя и заключение экспертной комиссии.

ПОЭЗИЯ

Николай ПУСТЫННИКОВ

СТРАННОЕ ВРЕМЯ

Николай Пустынников вырос и заявил о себе как поэт в городе Ош. Его стихи наполнены южным зноем, восточной неспешностью, но явно обнаруживают русские корни автора склонностью к грустному размышлению, интонацией, языковым стилем. По настроению его поэзия порой близка поэзии Николая Рубцова, Николая Заболоцкого, но... Южное солнце внесло свою горячую лепту в творчество этого поэта. Первая книга Н. Пустынникова называлась очень по-русски: «На гаревых цветы», что не помешало ей приобщить читателя к азиатским картинам природы, быта, ввести в круг друзей-ошан. На стыке двух культур – русской и кыргызской – созданы и другие сборники поэта, а их уже немало, и каждый востребован думающим читателем, пытающимся постичь мир и себя в мире через философию поэзии.

Несколько лет Николай Пустынников заведовал отделом прозы в редакции журнала «Литературный Кыргызстан».

ИЗ ДЕТСТВА

...Гнали лошаадь.

Гнали, матерясь
Хриплыми от водки голосами...
Из последних сил она неслась
С белыми, навывкате, глазами.

И качались звездные огни
В тех глазах, как в омутах печали.
И четыре загнанных ноги
В шар земной
Растерянно стучали.

Плен удил железных и подков
Лошади придумали не сами...
Тонет,
тонет хохот мужиков
В мареве морозном над санями!

Лошадь-лошадь...
Помню хорошо
Как, упав,
Когда едва дышала,
Словно по инерции еще
Ты ногами
шар земной
вращала...

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ

Потеплели, прогнулись, одрябли снега,
Закипели, обмякнув, сугробы...
Покатились опять в заливные луга
Беспокойные талые воды.

Обновляется мир...
От щепы и коры –
От всего, что мертво и бесплодно –
От листвы прошлогодней, посохшей травы, –
Очищает его половодье.

Видно, всякой душе есть на свете приют...
Очень странное время пробило:
Словно не было в жизни тяжелых минут,
Словно в ней, как сейчас, вот и было...

ЛИРИКА

Вне утилитарности эмпирика.
Дух возьмет победу на туше.
Лирика не вылечит от чирика,
но затянет раны на душе.

Пусть отдача не сиюминутная
от строки из-под карандаша,
но надежда есть, хотя и смутная,
что больная выстоит душа.

А иначе смысла нет в горении
сердца, словно свечки, по ночам.

Панацея есть в стихотворении,
сила, неизвестная врачам.

Ни к чему мне ваши панегирики –
в вечных сферах лишний реквизит.
Дайте мне глоток сердечной лирики,
он меня бессмертьем просквозит.

12 февраля 2009 г.

* * *

Где ты, прежняя наша культура?
Нынче, глядя бесстыдно в упор,
оголтелая хлещет халтура
изо всех новоявленных нор.

Мы палат золотых не нажили.
Нынче жаждут все этих палат.
Чем сильнее их тяга к наживе,
тем пустее бесчувственный взгляд.

Может случиться, не так всё и плохо?
Но страшна мне, глуха и слепа,
бездуховная эта эпоха,
бескультурная эта толпа.

И покамест, башка моя дурья,
как маньяк, я веду этот бой,
грязевая река бескультурья
погребают меня под собой.

И за то, что пришедшее племя
объявило былому войну,
ненавижу я новое время
и безумно люблю старину.

Ведь надежда ещё остается,
что однажды, как перед концом,
люди нахватаются и нажрется,
повернется к культуре лицом.

15 апреля 2009 г.

* * *

Утром тепло и туманно.
Мёрзлая вьётся тропа.
Словно небесная манна,
белая сыплет крупа.

В мире так зыбко и хрупко!
Боязно даже вздохнуть.
Прыгает белая крупка
и устилает мой путь.

Я ничего не нарушу
и пронесу через сны
белую чистую душу
этой сквозной тишины.

15 апреля 2009 г.

РЕЛИКТЫ

Курю, и догадка терзает,
что не избежим наших мук.
У ног моих переползает
парандра – реликтовый жук.

Куда нас несёт, я не знаю.
Средь ядерного бытия
сiju, за жуком наблюдаю
фатально реликтовый я.

Ничтожен ты или велик ты –
Всевышнему разницы нет
кого он заносит в реликты
на лучшей из тысяч планет.

27 апреля 2009 г.

НОВЬ БУШУЕТ

Дни летят, как бешеная конница,
забывать про старое веля.
Пушкина пытались даже, помнится,
футуристы сбросить с корабля.

Пусть у вас теперь иные ценности.
Но под солнцем грянувшего дня
с корабля в стихии современности
вы хотите сбросить и меня.

Я б не прочь послать вас всех по матери,
да меня осудят, видит Бог,
вслед за мной идущие в кильватере
стихотворцы будущих эпох.

Новь бушует! Не хочу стареть и я.
Выбрав путеводную звезду,

я уплыл вперед на три столетия.
Подгребайте в будущее. Жду.

4 февраля 2009 г.

ДЕТАЛЬ

Весеннему солнцу
без разницы
в чём отразиться,
сверкнув из-за тучек рваных.
Весна-то пришла!
На мощном заборе лучится,
сияет осколок стекла,
утканного для устрашенья незваных.

И отмечаю мгновенно я
поэзии мартовской крохи –
эту деталь современную
из суверенной эпохи.

1 марта 2009 г.

* * *

Расставшись с домашней аптечкой
среди будней бишкекских шальных,
успел на свидание с речкой,
а речка кровей ледяных.

У ней роковая повадка.
И в сумерках зимнего дня
как бешеная азиатка
она обнимает меня.

Ты, черный мой ворон, не каркай,
моя еще светится высь
и мы с моей речкой-дикаркой
в объятиях переплелись.

10 марта 2009 г.

* * *

Креп от невзгод, как от встречного ветра.
Жизнь моя – схватка моя рукопашная.
Но вспоминается самое светлое.
А ожидается самое страшное.

11 февраля 2009 г.

КРЕСТ

За то, что молятся распятому Иисусу –
кровав тотем, но толпам всё равно –
я б дал пощечину общественному вкусу,
да вкуса нет у общества давно.

И царь, и псарь,
убогий и калека
правы в своей последней правоте.
Молитесь. Но снимите человека
с креста.
Ему так больно на кресте!

27 января 2009 г.

* * *

Когда созвездья блещут в небосводе,
я признаюсь при мертвенном огне:
гармония присутствует в природе
лишь если есть гармония во мне.

А так – он дик, дремуч и своенравен,
косматый космос, косный и слепой.
Он сам в себе. Он ничему не равен.
И одухотворяется тобой.

И в том как бездна звездная повисла
и как в своей несметности царит,
ни разума, ни тайны нет, ни смысла,
пока с ней сердце не заговорит.

Когда один выходишь на дорогу
в безмерную мерцающую тьму,
тебе пустыня внемлет, словно Богу,
разверзнутая всем и никому.

Среди вселенских тёмных космогоний
сейчас – одновременно никогда –
пылает сердце, полное гармоний –
земная вдохновенная звезда.

18 апреля 2009 г.

* * *

Край Ала-Тоо солнцем осиянен.
Живи тут век, но сердцем не криви:
ты здесь не суверенный россиянин,
а россиянин по своей крови.

Вдали эпоха показушных маршей
в парадном треске...
В гуще бытия
мой брат кыргыз
не младший и не старший,
а просто брат, такой же брат, как я.

Мы братья без шатаний и разброда.
Живем, завет родительский храня:
суть братства не в количестве народа,
а в чистоте сердечного огня.

Давно менталитет у нас не узкий,
мы в суверенитете новых дней
богаты тем, что он кыргыз, я русский,
что горец он, а я дитя полей.

Из будней, а не из литературы,
хотя и с нею дружим мы в тиши,
он знает широту моей натуры,
я знаю высоту его души.

Люблю Рамиса и люблю Баяна.
Взаимностью мне платят и они.
Сквозь дебри постсоветского дурмана
вошли мы в дикорыночные дни.

Мы не дождалась манна коммунизма.
Но среди гор не только мы втроем
как жили в совстране без шовинизма
одной семьей, так и теперь живем.

гда мне рынок сыплет соль на рану,
когда судьбой бываю клят и мят,
звоню Рамису, и звоню Баяну.
Когда им трудно, мне они звонят.

Спасибо вековому компромиссу –
как предки наши, мы родней родни.
Дай Бог Баяну, и дай Бог Рамису.
А за меня помолятся они.

Друзья мои! По вышней доброй воле
срослись, разъединиться не спеша,
моя душа, широкая, как поле,
и снежных гор высокая душа.

Простор российский в кровь вошел с веками.
Но здесь мы люди гор, а не равнин,
и сам теперь со снежными висками
я больше азиат, чем славянин.

В какой чужой дали ни колеси я,
тоскую по заоблачным местам,
где с нами зарубежная Россия,
со мной мой отчий дом, мой Кыргызстан.

9 мая 2009 г.

Лариса САПЕГО

ДУША ПЕРЕПОЛНЕНА

Лариса Сапего – по образованию экономист промышленности. Работала на различных предприятиях Бишкека – главным специалистом Фонда государственного имущества Кыргызской Республики, затем – не побоявшись резко сменить профессию, корректором и редактором издательства «Бийиктик». В настоящее время занимается переводческой и корректорской деятельностью. Перевела с кыргызского сборники таких поэтов, как Асан Джакшылыков, Алтынай Темирова, Айгуль Элебесова, Джумадин Надыров... Выпустила в свет несколько своих поэтических сборников: «Лирика», «Назло непогоде», «Я без стихов и дня не мыслю», «Но жизни формула проста». Как писал в предисловии к одной из ее книг поэт Александр Никитенко: «...Ее лирика всегда находит теплые отклики в сердцах читателей».

В «Литературном Кыргызстане» Лариса Сапего печатается впервые.

ОКОЛДОВАНА

Околдована я стихами,
Очарована вешними снами.
И твоими скупыми словами
Переполнена нынче душа.

Околдована цветом вишни,
И твоими взглядами лишними,
И мечтами, из юности пришлыми,
Но не сделаю первый шаг.

Пленена небесами я синими,
Очарована буйными ливнями.
Изумрудными свежими листьями –
Все приводит меня в восторг.

Словно в омут, в весну окунаюсь я.
Может, в чем-то потом раскаюсь я.
Светлой негой переполняюсь я.
От греха сохрани меня, Бог!

* * *

Сменяются листки в календаре,
Зима с весною не на шутку спорят.
То снег, то оттепель – погода в феврале,
Как жизнь моя:
То радость в ней, то – горе.

В ней – суета вокзалов, стук колес,
В ней – море света, встречи и разлуки...
И что-то в ней сбылось. И не сбылось.
В ней грусть прощанья, и дожди, и вьюги.

В ней – шум прибоя, неба синева,
В ней – шорох желтых листьев, запах мяты.
И подо льдом – зеленая трава,
В ней – радуга, рассветы и закаты.

Порою я от прошлого бегу.
И вновь и вновь в него я возвращаюсь.
О многом пожалеть я не могу,
А в чем-то бесконечно каюсь...

* * *

Порою мы стоим в смятенье
Над пропастью былых потерь.
Терзает память сожаленье,
Стучат воспоминанья в дверь.

И не вернуть того, что было,
Не предсказать того, что ждет.
Но надо жить. И с новой силой
Упрямо двигаться вперед.

ПРЕКРАСНЫЙ САД

Мечтаем о придуманных местах,
В страну чудес сбежать порой стремимся,
Где вырастают деньги на ветвях,
Дождь золотой ручьем с небес струится...

Но нет в природе дивной той страны,
Где нет проблем, где жизнь подобна сказке,
Где ждут нас только солнечные дни,
Где райские плоды в саду прекрасном,

Где нет печали, грусти о былом,
И сердце об оставленном не стонет,
Где мы – свои, как в том краю родном.
Который любит нас и с детства помнит.

Ведь счастье не приходит к нам извне.
Оно должно внутри души родиться.
И на чужбине, даже по весне,
Сады – не те, дожди – не те, и птицы...

Уют, что так манил издалека,
Обрушится, как шквал, тоскою жуткой.
Холодность сердца чуждого райка
Не отогреешь сытостью желудка.

Никто за нас проблемы не решит.
Хватает их, поверь, и за границей.
Прекрасный сад найди внутри души,
И мир вокруг тебя преобразится!..

РЕКА ВРЕМЕНИ

Река быстротечная времени –
Она ничему не подвластна.
В глазах человеческого племени
Она и страшна, и прекрасна.

В едином потоке уносятся
Бесплодные речи политиков,
Волной беспощадною сносятся
Накалы восстаний и митингов,

И бывших вождей обещания
Плывут под обломками бюстов...
Теряясь во тьме мироздания,
Меняются нравы и вкусы,

Смываются фразы и почерки,
Реформы уходят в забвение...
Строчит автоматная очередь.
Лавины стирают селения.

И все преходяще, изменчиво,
Рекой беспощадною смыто,
И временем напрочь развенчано,
Потомками вовсе забыто...

И лишь на Суде – да, на Высшем,
Где истина зло победит,
Кого-то осудит Всевышний,
Кого-то благословит...

Анастасия КАНЫГИНА

БЕЗ ТЕНИ СОМНЕНЬЯ

Анастасия Каныгина – студентка третьего курса юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета. Ее стихи публиковались пока только на нескольких молодежных сайтах. Но читатель найдет в них, кроме свежести взгляда, свойственного юности, и удивительную зрелость суждений, и уже нащупанную свою неповторимую интонацию... Молодой поэт торопится высказать всю душевную смуту своего поколения, все наболевшие вопросы – даже не высказать, выплеснуть!

Хочется от души пожелать молодому автору непроторенной дороги в творчестве, удачи и дальнейшего взлета!

МЫ

Мы – замерзшие камни под чужими ногами...

Мы – разбитые стекла от не нашей войны...

Тот, кто против врагов, к сожаленью, не с нами,
Потому что враги, к сожалению, – мы.

Кто устал – тот погиб, кто уснул – не проснется,
Пополняя ряды заржавевших машин...
И от ветра трава даже не колыхнется,
Опьяневши от колкости наших морщин...

Мы забыли про смех и про детские слезы,
Мы не держимся правил, не держим всех клятв.
Ошалевшего крика короткие дозы
Пропускают сквозь тело электроразряд.

Наших глаз не найти на цветных позитивах,
Непроявленный слайд наших мраморных лиц.
Отпечатками пальцев на чьих-то могилах
Нас запишут в историю пыльных страниц.

Мы как боги Земли, но рабы друг у друга.
Забирая последнее, всё отдаем...
Мы хотим по прямой, но в итоге – по кругу.
Мы хотим вечно жить, в результате умрем!

* * *

Позже восьми. Вырываюсь на улицу.
Запах бензина и пыльных дорог.
Взять закурить... только что-то не курится.
И вместо воздуха – сжиженный смог.

Бедность и ненависть. Страх и безумие.
Злость и агрессия – все против всех.
Это – безмолвие. Это – бездумие.
Это – бесправие. Массовый грех,

Словно по венам опасное лезвие,
Молча скользит, прикасаясь слегка.
Из самых пьяных я самая трезвая
Чувствую холод ствола у виска.

Серые здания давят по-прежнему.
Голод в нутре томится три дня.
И непонятно любому нездешнему –
Что ж то за нечисть лобзает меня,

Все эти лица с глазами стеклянными –
Кто (?) – вакханалья душевных калек...
Из самых трезвых я самая пьяная
Вызвалась докоротать этот век.

Позже полуночи... и равнодушие.
Всё не изменится, как не крути.
Из самых худших я самая лучшая.
Так неохота, но нужно идти.

УСНУТЬ

Уснуть. Забыть про всё.
Не чувствовать наждачности проблем,
Которые затягивают в вечность времени,
Не выпуская никого.

Уснуть и быть прощённой
За все грехи те, что в беспамятном безумстве
Я совершала явно наугад,
С тоской рождённой.

Уснуть и всех простить,
Кто был несправедлив, кто жаждал мести,
Был непокоренным, кто жизнь хулил,
И кто стремился жить.

Уснуть. И окунуться
В огромный океан мечтаний и безмятежных судеб,
Чтобы напиться свежести
И чтоб опять проснуться.

ДАРЬЕ Ч.

Девочка, не выросшая, глупая,
Твои мысли – в поле васильков.

Ты такая сильная, но хрупкая,
А внутри – огромная любовь.

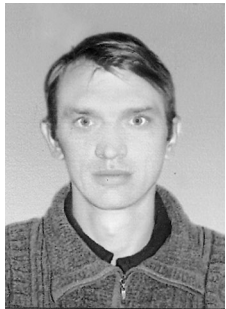
Думаешь, что жизнь – как сказка светлая
Из деревьев, роз и резвых птиц,
А все краски тёмные и блеклые –
Это только тень твоих ресниц.

Веришь в то, что солнце наше – вечное.
В то, что слёзы – элемент игры.
И на небе видишь тропы млечные,
Вместо клубней дыма из трубы.

Ты навстречу солнцу руки вытянешь,
Улыбаясь утренней росе.
Грустно, что таких, как ты, не выследишь.
Страшно, если станешь ты как все.

КТО СМОЖЕТ?

Кто сможет увидеть такие же сны?
Кто сможет ходить по карнизу без тени сомненья?
Без тени сомненья любить
и дарить безграничные воды в ладонях,
Чтоб ими умыть для свиданья с рассветом мой лик?
Беспечные мысли хранить, разукрасить пророчества в цитрус,
Пусть даже три года бьёт дождь по залатанной крыше,
Кто сможет? При паре свечей встречать звёзд мириады,
Искать в них созвездья в слепом умиленье, и верить...

Алексей ЧЕБЫКИН

ПРОГУЛКИ ПО ОБЛАКАМ

Алексею Михайловичу Чебыкину, родившемуся и выросшему в столице Кыргызстана, 33 года, из которых лет пять он пишет стихи, будучи по профессии электромонтажником-высотником, – отсюда, видимо, и название первой подборки стихотворений, публикуемой в «Литературном Кыргызстане».

Вместе с читателем пожелаем молодому поэту достичь высот в его творческих исканиях!

ВОЗВРАЩАЯСЬ ВСЕ ВРЕМЯ НАЗАД

Карфаген был разрушен не мной,
Атлантиду не я утопил,
Не пронзал Ахиллеса стрелой
И на Рим легион не водил;
Я не грабил сожженный Царьград,
Не топтал православную Русь...
Но во снах своих каждую ночь
Я героем тех дней становлюсь.

Вдаль скачу на лихом скакуне,
Попирая мечом Ватикан,
В кровь рублюсь в незнакомой стране,
Истребляя кочевников стан,
И под твердою папской рукой
Я давлю гугенотов во тьме,

Племена дикарей в бой веду за собой...
Слава Богу, что только во сне!

Открываю как книгу свой сон.
В нем я автор и главный герой.
Повторяя историю вновь,
В нем веду нескончаемый бой...
Пусть не я Карфаген разрушал
И не грабил сожженный Царьград,
Но на стенах с мечом упоенный стоял,
Странным пламенем страсти объят, –

Возвращаясь все время назад...

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Одним я друг, другим я враг,
Одним герой, другим изгой.
Одни хотят мой видеть прах,
Других веду я за собой.

Одни спускают всех собак,
Меня терзая день и ночь,
Вторым я – как небесный знак,
Который должен им помочь.

Но тем и этим все равно,
Что душу рвет мою тоска:
Для первых умер я давно,
Вторым – я ключик от замка.

Я до сих пор не смог решить,
Кого страшиться мне сильней:
Врагов, с которыми не жить?
Жизнь забирающих друзей?..

СТАКАННЫЕ ВОЙНЫ

Стаканная дружба глупа и спонтанна,
Бессмысленный треп о пустом уваженье.
В обнимку сидим после принятых граммов,
Тепло голове и в глазах умиление.
Чем больше лакаешь, тем больше умнеешь,
Становишься важным и гордым собою,
Но не замечаешь, как быстро тупеешь
Для тех, кто не пьет в этот вечер с тобою.

Друзья за столом лишены предрассудков.
Их глупые шутки – сначала смешные,
Но после четвертой бутылки под утро
Они – ядовитые стали, иные.
И кто-то кого-то и в чем-то не понял,
И в дело вступают ножи, топоры...
Я знаю статистику кухонных войн
И видел пестрящие кровью ковры...

Мы в утро вступаем, в похмелье болея,
Трещит и звенит в голове пустота,
Не видим, как солнце восходит, алея,
Трясет нас – как будто бы сняли с креста...
Даем себе клятву мы каждое утро.
Что больше не будем проклятую пить.
Но к вечеру разум становится мутным.
И как тут на горло себе наступить?!

И снова, и снова, – и так год за годом.
Отравы за годы хлебнув с водопад,
Не видим, что стали пропащим народом,
Забыв, чьи кресты на могилах стоят...
Стаканные войны глупы и спонтанны.
Бессмысленно жизнь пролетает, спеша.
Мы истину ищем в бездонном стакане,
И, пьяная вечно, рыдает душа.

ПРОГУЛКИ ПО ОБЛАКАМ

Когда осознание ночи вновь станет прозрачней,
И соль позабыта на вкус в уголках влажных губ,
Дыхание сна станет ровным и странно изящным,
Вы сердце запустите мне мановением рук.
В порыве немом только жесты расскажут словами
О сладости жизни и чарах всевидящих глаз.
В минуты разлуки я каюсь, что нынче не с Вами,
И Бога молю, чтобы встретиться с Вами сейчас.

Как клеится обувь на мокром лице тротуара,
Проржавленным снегом кричат переулки навзрыд
О наших объятых, которым тепла не хватало,
Потерянный мой идеал, не простивший обид.
И в лапах Морфея я вижу Ваш сказочный остров,
Где ангелы в райских садах Вам играют в свирель.
Во снах моих мне дотянуться до Вас очень просто,
Но тело не вправе бесцельно ложиться в постель.

Когда этот мир наконец для меня станет тесен,
Я двери открою в другой, уходя навсегда,
И там я для Вас напишу еще тысячи песен,
Которые будут словами взрывать города.
Вы – нежность, Вы – свет, Вы – святыня, Вы – тень мирозданья.
И Ваши шаги, не касаясь земли, не слышны.
Я буду веками читать Вам стихи и признанья
И Бога молить, чтобы там были счастливы мы.

И если Вы будете ждать меня там,
Когда свет коснется короны волос,
Мы будем гулять вместе по облакам
И дождик с небес станет счастьем от пролитых слез.

КУЛЬТУРА

Олег БОНДАРЕНКО,
главный редактор портала
«Новая литература
Кыргызстана»

Поможет ли отечественной литературе создание Интернет- заповедника?

Бондаренко Олег Ярославович (родился в 1960 году) – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десятка книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы.

С октября 2008 года в сети Интернет появился новый ресурс – электронная библиотека «Новая литература Кыргызстана», адрес: www.literatura.kg. Этот сайт довольно быстро нашел своего читателя; сегодня на его страницы заходят в среднем 50-90 пользователей в день, причем половина из них живет за пределами Кыргызстана – в странах СНГ и Европе. Это интересно и еще и тем, что сайт – единственное место в Интернете, где можно прочесть книги на кыргызском языке, что немаловажно для кыргызов-эмигрантов и их детей, проживающих ныне вдали от родины.

Впрочем, сайт двуязычный – на русском и кыргызском. А в перспективе – и многоязычный, так как он откроет свои страницы для всех авторов Кыргызстана, независимо от языка творчества. Как же возник этот проект?..

Идея родить объединенный ресурс всех пишущих людей Кыргызстана – невзирая на языки творчества и возраст – появилась летом 2008-го. Идею как-то быстро и легко подхватило множество людей и организаций; во всяком случае, мне – автору статьи – как организатору и координатору нового проекта оказывали, в той или иной мере, содействие практически все, к кому пришлось обратиться (исключение составили государственные органы – министерства и ведомства, включая Минкультуры, которые чаще всего никак не реагировали на инициативу).

Уже сама легкость, с которой продвигался проект на первом этапе своего существования, говорит о том, что вопрос назрел и, что говорится, витал в воздухе. Этому способствовали предпосылки.

ПРЕДПОСЫЛКИ

Кризис книгоиздания. На взгляд автора, Кыргызстан за годы независимости столкнулся с тяжелейшим кризисом книгоиздания. Этот кризис связан с разрушением прежних, сложившихся десятилетиями в советское время, схем книгоиздания и книгораспространения. На смену упорядоченной системе обеспечения общества книжной продукцией пришел дикий рынок – чаще всего проявляющийся в самых нецивилизованных формах.

В 1990-е годы это выражалось в дифференциации изданий: либо очень дорогие, прямо-таки роскошные (для состоятельных покупателей или же подарочный, презентационный вариант), либо, напротив, крайне непрезентабельные, дешевые, напечатанные на газетной бумаге. В настоящее время эпоха такой дифференциации прошла, и издания в среднем унифицировались, с точки зрения качества; но осталась завышенная «усредненная» цена – обычному покупателю, при средней стоимости книги 200-400 (5-10 долларов) сомов, она не по карману.

По сути, исчезли со сцены целые направления книжного дела, в частности, редаKTура и корреKTура, переводческое дело. Порой поражаешься хорошо изданной книге известных бишкекских издательств, в которой полно грамматических ошибок, опечаток, и проявляется просто нелюбовь (либо равнодушие, что одно и то же) верстальщика к тексту, неумение или неспособность про-

чувствовать текст, слабая ответственность за результаты своего труда.

Это что касается *формы* книги. А что касается *содержания* – то теперь, при отсутствии цензуры, можно публиковать плоды любого графоманства, при условии наличия средств на издание. А такие средства чаще всего находят авторы, далекие от подлинной литературы. Мне лично известны случаи, когда талантливые писатели и поэты (из начинающих) годами не могли выпустить свои произведения, не обладая способностью к поиску денег. Что делать, поиск денег – тоже искусство, только чаще не совместимое с искусством творческого поиска...

В настоящее время НИ ОДНО из 90 действующих издательств Кыргызстана не берет на себя коммерческий риск, связанный с изданием литературы. Иными словами, оно не проводит самостоятельную, целенаправленную работу по насыщению рынка литературными произведениями, перекладывая эту заботу на самих авторов, часто не знакомых с основами продвижения. Соответственно ушло в небытие понятие «писательский гонорар». В самом деле, какие теперь гонорары? Есть деньги у автора – издаем его книгу, нет денег – нет книги; при этом содержание, равно как и судьба изданной книжной продукции, издательство теперь не интересуется. Это заставляет считать, что издательства, в своем большинстве, опустили на уровень простой типографии. И, значит, перестали выполнять собственно издательские функции.

Если формально смотреть на ситуацию, то книги в Кыргызстане сегодня, безусловно, издаются. По некоторым данным, ежегодно выходят в свет до двух тысяч наименований; однако свыше половины из них издаются полулегально, без номера ISBN, то есть проходят мимо Книжной палаты. Это, в основном, религиозные (мусульманские) издания, финансируемые арабскими спонсорами – литература совсем не обязательно подрывного характера, она может быть вполне мирная, но, так или иначе, незаконная, с точки зрения законодательства Кыргызской Республики (изданная в нарушение требования об обязательной передаче 10-20 экземпляров в фонд Книжной палаты). К таким неучтенным книгам также часто относятся издания вузов – различные методические разработки или сборники статей преподавателей и студентов.

Всего же через Книжную палату Кыргызской Республики ежегодно проходит 500-800 «законных» книг; вот более точные цифры: в 2007 году было зарегистрировано 525 наименований, в 2008 – около 860 (из них на кыргызском языке примерно две трети). Конечно, можно сказать – налицо рост изданий, почти в полтора раза. Но это видимость. Всё определяет совокупный тираж. В среднем книга издается тиражом в 200-300 экземпляров, и лишь единицы дотягивают до 1000-2000. Таким образом, в 2008 году было издано «законных» книг общим тиражом порядка 250000 экземпляров, или, соотносительно с населением страны, одна книга на двадцать человек. О какой уж тут культуре чтения, о какой образованности можно говорить? Увы, ныне Кыргызстан – одно из самых нечитающих государств мира.

Кризис книгораспространения. Но и приведенные выше цифры, мягко говоря, не полны. И вот почему – они затрагивают большей частью не Кыргызстан в целом, а лишь его столицу Бишкек (и очень незначительно южную столицу Ош). 95 процентов всех книг издаются здесь. В стране действуют не более трех-четырёх книготорговых фирм, которые занимаются продвижением книг в регионы (это, прежде всего, «Раритет», «Одиссей», «Фолиант»). Скажем прямо: за пределами столиц книжных магазинов просто НЕ СУЩЕСТВУЕТ; в лучшем случае кое-какие книги, большей частью учебники, можно купить в фойе провинциальных вузов, но и только. Это значит, что в отдаленных районах Кыргызстана книги НЕ ЧИТАЮТ ВОООБЩЕ, тем более на русском языке, ибо молодежь в регионах в последнее десятилетие всё менее и менее знакома с русским. Автору этой статьи приходилось слышать крики о помощи из Нарына, Баткена: где купить книги?! Дайте нам хоть какие-нибудь книги!!! Издается хоть что-нибудь в Кыргызстане или нет?! Да, это редкие сегодня крики – глас вопиющего в пустыне; но всё же они нет-нет, да и раздаются; это реальность.

Отсюда: авторы, которым удалось раздобыть деньги на книгу и оплатить ее публикацию в издательстве (читай: типографии), обречены на то, что книга будет распространяться практически только в одном городе. Ее не увидят в регионах. И уж тем более за пределами Кыргызстана, ибо существующая схема вывоза

книжной продукции за пределы республики не дает такой возможности, из-за высоких налогов и таможенных пошлин.

Наконец, авторы часто не могут даже рассказать читающей публике о своих новинках. Почему? В стране до мая 2009 года был всего один литературный журнал – русскоязычный «Литературный Кыргызстан», выходящий нерегулярно по финансовым причинам; сейчас возобновлен выпуск кыргызоязычного журнала «Ала-Тоо», но – после перерыва в полтора десятка лет! В существующих СМИ почти нет рубрик, посвященных литературным новинкам, искусство литературной критики в Кыргызстане постепенно умирает, НЕ ПРОВОДЯТСЯ книжные ярмарки-выставки (ни одной!), о книгах крайне редко говорят по местному телевидению – исключение составляла специализированная передача Владимира Гробового на КТР, но и она с июня 2009 года закрыта.

В Бишкеке также нет ни литературных кафе, ни литературных «тусовок».

Авторы не в состоянии оплатить рекламу в СМИ. Неудивительно, что у современной читающей публики нашей страны – ее мало, но она, пожалуй, еще местами сохранилась, – сложилось устойчивое представление о том, что в Кыргызстане сегодня писателей как таковых (как класса) больше нет. Это неправильное представление. Но читатели не виноваты в том, что они так думают. Это не вина их, а беда – общая беда Кыргызстана.

Разделение по языкам. В развитии систем прослеживается закономерность: чем ниже уровень организации системы, тем больше изолированность ее составных частей, тем больше разрывов, препятствующих нормальному функционированию единого организма. Хуже – значит по отдельности. И в литературе Кыргызстана это сегодня проявляется, как никогда.

Существует мир русскоязычных авторов. И существует мир кыргызоязычных. Это – два совершенно самостоятельных, изолированных друг от друга мирка. Достаточно сказать, что многие писатели, носящие почетное звание «Народный писатель Кыргызстана» (как правило, кыргызы), даже не слышали о молодых – по литературному опыту – прозаиках, пишущих по-русски, например, об Андрее Кузнецове, Валентине Мельникове, Николае Труханове и других; автор тому свидетель. Но верно и обратное.

Русскоязычные авторы, даже поэты, совершенно не знают современных поэтов, пишущих на кыргызском языке – например, ничего не могут сказать о творчестве Алика Акималиева, одного из оригинальных кыргызских поэтов последних лет.

Национальный Союз писателей, по традиции, ориентирован на кыргызоязычных авторов. В Союзе сегодня около 400 членов. Из них пишет по-русски – подавляющее меньшинство. Рабочим языком в Союзе также является преимущественно кыргызский язык.

Эта традиция закреплена моноязычием литературных журналов: «Литературный Кыргызстан» издается на русском, а «Ала-Тоо» – только на кыргызском (при том, что «Ала-Тоо» являлся и является специализированным изданием Союза писателей!).

К сожалению, книжный кризис и привязанный к нему кризис литературы независимого Кыргызстана привели и к разладу в самом Союзе писателей. В 1990-е годы существовало три самостоятельных писательских союза. В 2000-х из них выжил один, но уже в мае 2009 года на писательском пленуме наметились попытки создать альтернативную писательскую организацию. Это свидетельствует о трудных временах, ибо энергия отвлекается на интриги, а не тратится на собственно творческую деятельность. Но что особо показательно – так это то, что всё, о чем идет речь в данном абзаце, остается в рамках кыргызоязычной среды и почти совсем не влияет на творческое самочувствие русскоязычных авторов.

Тяжелые времена переживает и переводческое искусство. Сегодня в стране осталось всего несколько переводчиков-профессионалов, работающих с литературными текстами; прежняя школа перевода почти исчезла. В первую очередь, это больно ударяет по кыргызоязычным авторам, которые крайне нуждаются в высококачественном литературном переводе своих произведений на русский язык. Почему-то все стремятся к переводу на русский; оставшиеся переводчики нарасхват и перегружены заказами... Побочным следствием такого положения в литературе становится нежелание молодежи – речь идет о молодых кыргызских прозаиках – писать с самого начала на родном языке; при проведении конкурса литературного творчества среди студентов Кыргызстана 2009 года (совместно АУЦА, Общественное

объединение «Центр социальной интеграции» и наш сайт) нам пришлось днем с огнем разыскивать прозу на кыргызском. В частности, на конкурс поступило лишь два рассказа на кыргызском – по просьбе организаторов, и несколько десятков на русском – без оной...

Здесь также остается добавить, что в нашей стране существует и литература национальных меньшинств: узбекская, уйгурская, дунганская и др. Однако о ней читатели Бишкека в принципе не имеют представления. Произведения авторов, пишущих на перечисленных языках, остаются тайной за семью печатями, они практически не издаются, не публикуются в журналах, и уж точно их нельзя найти на прилавках книжных магазинов.

Разделение по поколениям. 22 мая 2009 года в Доме писателя на Старой площади Бишкека состоялась презентация кыргызского литературного журнала «Ала-Тоо». На ней присутствовало около пятидесяти человек, из них трое русских. Но характерно и вот еще что: в зале не было видно НИ ОДНОГО человека моложе 35-40 лет. НИ ОДНОГО. Как же так может быть? Неужели в Кыргызстане нет молодых писателей???

Насколько известно автору, они есть. В Кыргызстане существует школа молодых писателей, которую организовал Фонд Айтматова, есть даже литературное объединение «Ковчег» (в него входят 10-12 парней и девушек студенческого возраста, объединение родилось благодаря инициативе Данияра Орсекова, Константина Кондратенко, Сабины Рейнгольд). А в Оше есть – или был до недавнего времени – кружок молодых поэтов. Знают ли об их существовании писатели старшего возраста? В ходе встреч и бесед с ними у автора статьи сложилось мнение, что не знают и, в общем, не интересуются.

Проблема здесь не только и не столько в «проблеме отцов и детей». Дело в том, что старое и молодое поколения живут в разных информационных пространствах. Имена маститых писателей Кыргызстана, имеющих звание народных, ездящих на машинах с шофером, получающих привилегии от государства, часто вообще ни о чем не говорят молодежи. Более того, молодежь не знакома почти ни с одним отечественным произведением, написанным до 1980-1990-х, если не считать «культовые» айтматов-

ские романы и повести (это выяснилось в ходе встреч и бесед). Зато молодёжь прекрасно знает друг друга, «тусуется» в Интернете на специфических электронных площадках, вроде «Дизельфорум» или <http://www.lif-t.kg>, обменивается своими рассказами и стихами по электронной почте.

Более того. Складывается впечатление, что молодёжи часто и нет нужды «продвигать» свои произведения традиционным способом – путём издания в сборниках или литературных журналах. Конечно, никто от этого не отказывается, но, с другой стороны, гораздо охотнее используются знакомые молодым людям каналы – посредством цифровых технологий. И так и оказывается, что многие достойные имена – того же Даняра Орсекова, или Адель Омуралиевой, Анастасии Каныгиной, Бермет Мадалиевой и других – совершенно не известны никому, кто не пользуется Интернетом. У молодежи – своё, у «народных» и «прижизненных», чьи книги включены в хрестоматии, – своё, и никому нет дела друг до друга. Один Кыргызстан, одна литература?..

Информационный вакуум. И так, в Кыргызстане никто ни о чём не знает. Старые не знают о молодых, и наоборот. Кыргызцы не знают о русских, и наоборот; а все вместе не знают об узбеках, дунганах и т.д. Отечественные книжки часто выпускаются «для себя» – для своего села, для своих соплеменников, близких, родных, друзей. Журнал «Литературный Кыргызстан» купить нельзя в принципе, даже если очень захочешь (он расходуется только по подписке). Журнал «Ала-Тоо» только что возродился из пепла, как Феникс; к нему еще не привыкли, и жизнь покажет, привыкнут ли. В книжных магазинах на 99 процентов книги в продаже – это очень дорогостоящие русские книги, точнее, книги из России. АБСОЛЮТНО нет казахских, узбекских, таджикских, азербайджанских книг (ни дорогих, ни дешевых), и мало, крайне мало отечественных. Есть один-два стеллажа с кыргызскими авторами в «Раритете», но – напомним – в магазинах Бишкека; и, кстати, по неприлично высоким ценам. Читатели редко интересуются данной литературой. Чаще у этих стеллажей я замечал иностранцев, которым позарез нужны местные сувениры.

Апогея эта всеобщая неинформированность достигла именно в майские дни 2009 года. Любопытно заметить, что на пленуме

Союза писателей было решено провести в июне сего года республиканский съезд писателей Кыргызстана, с тем, чтобы поговорить о набелевшем, выработать единую политику в период тяжёлого литературно-книжного кризиса. И что? А то, что в СМИ не было информации о предстоящем съезде. Это неинтересно газетам, неинтересно телевидению, неинтересно информационным агентствам. Неинтересно читателям. Может быть, было бы интересно лишь туристам, появившись в продаже сувенирные майки с надписью «Съезд писателей Кыргызстана-2009»...

ПРОЕКТ

Общее описание, цели, возможности. Вот в таких условиях и родилась идея создать всеобщую электронную библиотеку – только для кыргызстанцев; такой Интернет-заповедник для «своих». (Интернет-заповедник – пространство в Интернете, в котором созданы привилегированные условия для определенной группы авторов, с таким расчетом, чтобы эти авторы не были поглощены или не растворились среди более широкой массы авторов). По замыслу, в нашей библиотеке публикуются произведения, созданные авторами, имеющими отношение к нашей стране: или проживающими в Кыргызстане, или проживавшими ранее, а ныне эмигрировавшими, или просто чувствующими какое-либо духовное родство с Кыргызстаном. Естественно, связь с нашей страной определяется не по паспорту, а по доброй воле автора.

С самого начала редколлегия «Новой литературы Кыргызстана» пришлось очертить для себя круг своих интересов, функций, возможностей.

Во-первых, новый Интернет-ресурс ориентируется на публикацию произведений современных авторов, то есть отдаёт предпочтение произведениям, написанным за годы независимости (с 1991 года). Это не исключает размещения изданных ранее книг; для книг советского периода введен даже специальный раздел «Литературное наследие», но общая направленность проекта – это работа, в первую очередь, с современниками и информационная поддержка современников.

Во-вторых, в Интернете размещаются как готовые книги, реально вышедшие в свет, так и рукописи, если по каким-либо причинам книгу издать не удастся. В случае если цифровой вер-

сии произведения не существует (или она утеряна), редколлегия ОЦИФРОВЫВАЕТ произведение, по договоренности с автором. Автор сам определяет меру своего участия в проекте – разрешит ли он полнотекстовую публикацию или, если так будет предпочтительнее с коммерческой стороны, публикацию фрагментов. Качество представленных в электронную библиотеку рукописей определяет общественный редакционный совет (то есть члены редсовета принимают решение, принимать или не принимать к опубликованию вновь поступившие рукописи).

В-третьих, редколлегия действует строго в правовых рамках и не занимается пиратством. Все произведения (или их фрагменты) размещаются в Интернете ТОЛЬКО с письменного согласия авторов, точнее, правообладателей (семья автора, издатель).

В-четвертых, библиотека построена по принципу хрестоматии. Это значит, что в идеале желательно представить в Интернете ВСЕХ современных писателей Кыргызстана – хотя бы только в виде краткого упоминания о них, если нет возможности полноценной публикации. Для этого на сайте дается каталог авторов – под рубрикой «Кто есть кто», с краткими биографическими данными об авторе. На момент написания статьи в каталоге насчитывалось 120 авторов. Указываются также контактные данные каждого автора, чтобы читатели, при необходимости, могли связаться с ним самостоятельно.

В-пятых, чтобы оградить библиотеку от авторов, не имеющих никакого отношения к Кыргызстану, и, таким образом, собрать в одном месте и информационно поддержать «своих», редколлегия не дает возможности авторам самостоятельно размещать свои произведения на сайте – подобно тому, как это, например, делается в Библиотеке Машкова (крупнейшей российской электронной библиотеке). Самостоятельная публикация произведений приведет к тому, что отечественные авторы просто растворятся в массе русскоязычных авторов со всего мира. Кроме того, самостоятельная публикация приведет и к тому, что в Интернете будут появляться в основном произведения авторов, умеющих работать с Интернетом, обладающих соответствующими навыками, и это автоматически закроет путь на сайт авторам старших поколений, не представляющим, что такое Интернет. В реальности схема публикаций такова: автор лично

связывается с редколлегией, пересылает и передает свои произведения в электронном виде с краткими данными о себе, с разрешением на публикацию; желательна и сама книжка (для сканирования обложки).

В-шестых, библиотека является многоязычной. Она содержит два основных раздела (два равноценных сайта) – на русском и кыргызском языках. Соответственно в каждом из них концентрируются книги, написанные на том или ином языке, но в перечне ПОСЛЕДНИХ ПУБЛИКАЦИЙ на главной странице и русскоязычные, и кыргызоязычные произведения даются в общем списке, тем более, что русский и кыргызский алфавиты основаны на кириллице. В общем каталоге оказываются и все авторы, чьи произведения размещены на сайте. Вместе с тем, это не всё. С июня 2009 года библиотека открыта для произведений, написанных на ЛЮБОМ языке народов Кыргызстана. Для этого введен новый раздел – «Литература на языках народов Кыргызстана».

В-седьмых, библиотека построена по принципу обычной публичной библиотеки, только перенесенной в Интернет-пространство. Соответственно она предельно проста в обращении – даже для читателей, которые не в ладах с компьютером, не требует регистрации и каких-то особых интернетовских «примочек». Форум (обмен мнениями в Интернете) не предусмотрен. Сюда читатели заходят, чтобы читать, а не «тусоваться» и обмениваться электронными записочками. Единственное, что, кроме чтения, разрешается посетителям, – это написать при желании отзыв на прочитанное произведение, но и он не «прикрепляется» непосредственно к тексту, а выносится на отдельную страницу отзывов. Так и в реальных – земных, не виртуальных библиотеках не позволяется делать на книгах какие-либо пометки. Наша библиотека также не предусматривает для пользователей какое-либо интернет-голосование. Почему? Практика показывает, что подобные формы голосования часто не объективны, имеют ярко выраженный конъюнктурный характер и могут ставить авторов в неравные условия (например, молодежь сознательно голосует за «своего», в то время как автор старшего поколения, не умеющий обращаться с Интернетом и не знающий, как «раскрутить» своё произведение, проигрывает в такой «гонке»).

В-восьмых, библиотека не специализируется на каких-либо

особенных произведениях и открыта для всех жанров, практикуемых в Кыргызстане. В частности, предусмотрены такие рубрики: художественная проза (малая и крупная), поэзия, драматургия и киносценарии, детская литература, критика и литературоведческие работы, искусствоведческие работы, публицистика, краеведение, документальная и биографическая литература, мемуары, переводы, философия и наука (экономика и сельское хозяйство, история, этнология и этнография, политические науки, экология, медицина, педагогика, естественные науки и др.). Есть также рубрики «Журнал «Литературный Кыргызстан» рекомендует» и «Национальный Союз писателей рекомендует». Предусмотрена рубрика «Ищем автора», через которую редколлегия пытается разыскать потерявшихся по миру наших талантливых эмигрантов. Есть и рубрики «Литературное наследие», «Литературные конкурсы» (в частности, через площадку нашего сайта проведен общереспубликанский конкурс студенческого литературного творчества «Золотая табуретка», с выпуском по его итогам альманаха). Наконец, есть и рубрика «Галерея», в которой организована своего рода «выставка книг» – то есть даны изображения обложек, «кликнув» на которые, посетитель получает доступ к текстам соответствующих книг.

В-девятых, публикуются произведения любого мыслимого объема, в том числе собрания сочинений. В случае большого объема текста в режиме он-лайн приводится его начало – первые 30-40 страниц, с возможностью скачать весь текст целиком, если читатель заинтересуется.

В-десятых, наша библиотека заботится о соблюдении авторских прав – настолько, насколько это возможно в Интернете. Так, повсюду в текстах есть указания авторства со значком копирайта, тексты даются в формате MS Word или PDF (по выбору автора), но с включенной функцией защиты, то есть такой текст не может быть изменен по желанию читателя, а иногда не может быть и скопирован. Кроме того – и это главное – перед тем, как ознакомиться с текстом, читатель должен заключить с библиотекой электронное соглашение (оно автоматически появляется в окне при попытке открыть любой текст). Соглашение оговаривает авторские права и предупреждает о незаконности тиражирования и коммерческого использования произведения пользователем. IP-адрес пользователя автоматически фиксируется системой.

В-одиннадцатых, доступ в библиотеку и возможность ознакомления с текстами БЕСПЛАТНЫ. Но соответственно и авторы предупреждены о том, что гонорары им библиотекой не выплачиваются, поскольку нет гонорарного фонда. В планах развития проекта предусмотрено введение платного ознакомления с текстами (по желанию автора), однако подобный шаг может быть введен на более позднем этапе, когда сложится имидж библиотеки и круг читателей, готовых оплачивать данную услугу.

В-двенадцатых, работа библиотеки предусматривает и дополнительные сервисы. Это предоставление авторам ряда бесплатных услуг: помощь в регистрации авторских прав в Кыргызпатенте, помощь в предоставлении информации (перечень издательств, законодательство разных стран по вопросам авторского права, консультации, база данных о переводчиках, специалистах по набору текстов и т.д., литературные новости, информация о новых книгах, вышедших в свет в Кыргызстане и др.), помощь в передаче книг в фонды крупнейших библиотек мира (в частности, в Библиотеку Конгресса США и Российскую Государственную библиотеку – через посольства США и РФ в Бишкеке).

Что достигнуто. К моменту написания этой статьи – а прошло уже восемь месяцев с создания библиотеки – на сайте «Новая литература Кыргызстана» размещено четыреста произведений более чем сотни авторов. В среднем в день на сайт заходят от 50 до 90 посетителей; не менее половины их – из-за рубежа, в частности, из стран СНГ, из США, Канады, Германии, Австралии, Китая. Немало посетителей – это наши же бывшие соотечественники, кыргызы-эмигранты и их дети, у которых нет иной возможности почитать книги на родном языке.

Среди наших авторов: оба лауреата Русской премии из Кыргызстана – Талип Ибраимов и Турусбек Мадылбай (их произведения в Сети можно прочесть только в нашей библиотеке), Арон Брудный (его книга «Наука понимать» эксклюзивно размещена только у нас), израильский писатель Давид Маркиш (романы о Средней Азии, издававшиеся в Бишкеке, представленные во всем Интернете только у нас), Эрнест Абдыжапаров (кинорежиссер, чей сценарий «Боз салкын» признан лучшим киносценарием на МКФ в Анапе, опубликован только у нас), два блестящих

переводчика – Светлана Сулова (с уникальным проектом собственного перевода Омара Хайяма) и Андрей Кузнецов (авторские переводы с итальянского ранее не переводившихся писателей), Турар Койчуев (четырёхтомник его монографий по экономике), Владимир Плоских (точнее, совместные работы Плоских, Мокрынина и Бородина под псевдонимом Аман Газиев), Владимир Петров (две его уникальные книги по истории Бишкека, с архивными фотографиями), прозаики и драматурги Султан Раев, Мар Байджиев, Леонид Дядюченко, Александр Иванов, Жаныш Кулмамбетов, поэты Александр Никитенко, Светлана Сулова, Анес Зарифьян и Алик Акималиев, Александр Пак и Омор Султанов, публицисты, критики Валерий Сандлер и Георгий Хлыпенко, российский дипломат Виталий Скринник (с монографией «Русские соотечественники за рубежом»), известный отоларинголог Георгий Фейгин.

В нашей библиотеке представлены все вышедшие на сегодня 12 книг серии ЖЗЛК (Жизнь замечательных людей Кыргызстана).

Особое место занимает творчество слепых и слабовидящих поэтов – Валерия Жернакова, Таланта Джолдошбекова, готовится подборка произведений слепых поэтов из Оша. Представлены и авторы с ограниченными возможностями – Данияр Деркембаев, Ирина Титановская.

Хорошо представлены в библиотеке и книги по искусству Кыргызстана, а также биографии известных деятелей искусства. В частности, опубликованы биографии оперных певцов Булата Минжилкиева, Сайры Киизбаевой, Марьям Махмутовой, дирижера Асанхана Джумахматова, кинематографистов Толомуша Океева и Кадыржана Кыдыралиева, художников Семена Чуйкова, Теодора Герцена, Джамбула Джумабаева, Владимира Буторина (готовится самостоятельное подразделение проекта – сайт www.izo.kg, с базой данных о современных художниках Кыргызстана).

Ожидают своей очереди на публикацию, по крайней мере, сто книг. Скорость их размещения зависит лишь от возможностей персонала библиотеки – членов редколлегии, которые, увы, не всеильны.

Организационная форма. С юридической точки зрения, электронная библиотека «Новая литература Кыргызстана» не является чьим-то частным сайтом. Это – издание (орган) Общественного Фонда поддержки авторов. Учредителями Фонда выступили люди и организации, которым небезразлична судьба отечественной литературы и которые хотят помочь по мере возможности. В частности, это автор данной статьи Олег Бондаренко и писатель Турусбек Мадылбай, издатель Эдилбек Сарыбаев и предприниматель Игорь Жеребко. А также две организации: Ассоциация публичных библиотек Кыргызстана в лице директора Жылдыз Бакашовой и Национальный Союз писателей в лице председателя Омора Султанова.

Офис Фонда располагается в Национальной библиотеке КР.

Повседневную работу электронной библиотеки (ее администрирование и наполнение содержанием) обеспечивает редколлегия. В редколлегию входят редактора русской и кыргызской версии сайта, программист и администратор, а также юрист-консульт по вопросам авторского права.

Помимо редколлегии, имеется общественный редакционный совет, куда входят два десятка человек – представители литературных журналов, библиотечного мира, известные деятели культуры и искусства, издательств и книготорговых организаций. Особую роль в составе редсовета играют сотрудники российских журналов «Дружба народов» (главный редактор Александр Эбаноидзе) и «Иностранная литература» (зав. отделом художественной прозы Лариса Васильева), которые не только помогают организационно, но и, в свою очередь, «отслеживают» наших авторов для возможного сотрудничества в рамках СНГ.

ТРУДНОСТИ

Вместе с тем, было бы наивно считать, что проект развивается без проблем. Увы, это не так. Практически с первого дня нашей библиотеке пришлось бороться за собственное существование, и борьба эта идет с переменным успехом.

Бюджет. Надо сказать, что создание любого Интернет-ресурса, тем более обширного, требует капиталовложений. Это оплата труда дизайнера, программиста, затраты на домен и хостинг,

регистрацию и разработку юридических документов, нотариальные услуги. Нужно оплачивать труд переводчика и редактора, корректора и оцифровщика. Нужно платить за Интернет и телефон. Общая стоимость проекта за восемь месяцев составила более 1000 долларов; плюс еще около 100-150 долларов ежемесячных расходов (при условии, что проект осуществляется на общественных началах, то есть члены редколлегии ничего не получают за свою работу). Источником средств выступили взносы учредителей. Однако сегодня сумма учредительского взноса – 45000 сомов – исчерпана, и проект существует «в долг».

Это – не самая удачная форма выживания проекта. Тем более, что редколлегией начата оцифровка всех вариантов эпоса «Манас» (версии Каралаева, Орозбакова, объединенной версии под ред. Б. Юнусалиева). Сама по себе оцифровка даже одного 400-страничного тома – очень трудоемкий процесс, отсканированный текст проходит, по крайней мере, три редактуры, включая техническую вычитку. И всё это требует денег, пусть и относительно небольших. Руководство Фонда трижды обращалось в Министерство культуры и информации КР со своими предложениями по развитию проекта. Предлагались формы сотрудничества, мы готовы были заняться оцифровкой произведений литературы и искусства даже на общественных началах, при условии организационно-технической помощи (у нас нет даже своего сканера, есть пара стареньких компьютеров и куча счетов за Интернет). К сожалению, Министерство культуры НЕ ОТВЕТИЛО ни на одно из писем – на протяжении последнего года.

Как пришлось убедиться на практике, государственные органы в Кыргызстане – и не только Минкультуры – почти никак не реагируют на наш проект. И часто даже не отвечают на запросы.

Проблематичным оказалось даже зарегистрировать Фонд в Министерстве юстиции. Нам не позволили ввести в состав учредителей некоторые организации, первоначально проявившие готовность к совместной работе и сотрудничеству в юридических рамках (например, Национальную Книжную палату КР).

Главная проблема – Кыргызпатент. Самым непримиримым противником нашего проекта оказалась патентная служба

Кыргызской Республики, которая посчитала проект юридически сомнительным и неправомерным, с точки зрения соблюдения авторских прав. Я, как координатор проекта, обратился в Кыргызпатент с просьбой о проведении юридической экспертизы. В ответ получил письмо за подписью зам. директора Т. Коеналиева, где, в частности, говорилось следующее: «Что касается размещения на Интернет-сайте произведений авторов, то, на наш взгляд, это будет способствовать массовому нарушению прав авторов, поскольку, как известно, продукты культуры, такие, как музыкальные произведения, фильмы, компьютерные программы, а также литературные произведения легко поддаются репродуцированию и сбыту широкой публике, чему в значительной степени способствует развитие Интернет и новых технологий» (исх. №03/2408 от 09.12.2008 г.).

Специалисты патентной службы в принципе выступили против проекта в его сложившейся форме, ссылаясь на мировой опыт. Да, действительно, в мире не существует литературных проектов в том виде, как создали его мы; проект, в какой-то степени, уникален. Однако условия жизни и творчества писателей, деятелей искусства, ученых в зарубежных странах, тем более в странах с развитыми цифровыми технологиями, резко отличаются от условий жизни и творчества в нашей стране. Бедное государство частенько оставляет авторов на произвол судьбы, и у прозаиков и поэтов нет никакой финансовой возможности издаваться (а также «продвигать» свои произведения, «раскручивать» их). В первую очередь это относится к произведениям, написанным на кыргызском языке, особенно, если авторы молоды и неопытны. Реальность Кыргызстана для большинства авторов сегодня – писать «в стол». Не учитывать этого нельзя. Поэтому, на мой взгляд, позиция Кыргызпатента имеет во многом формалистский характер и не продиктована заботой о судьбах отечественной литературы.

Бойкот со стороны ряда кыргызоязычных писателей старшего поколения. Наконец, еще одна проблема, с которой создателям сайта пришлось реально столкнуться осенью 2008 года – это открытое нежелание сотрудничать со стороны некоторых видных представителей кыргызской прозы. Причем это не-

желание приняло форму агрессивного противостояния, дело дошло фактически до бойкота сайта.

Среди оппонентов было несколько народных писателей КР.

В среде писателей пронесся слух: новый сайт создан специально для того, чтобы «выманить произведения», «украсть их» и «заработать на них». Споры о сотрудничестве с электронной библиотекой приобретали чрезвычайно жаркий характер, дело доходило чуть ли не до открытого осуждения на заседании правления Союза писателей. Любопытно, что наиболее ярые оппоненты не только сами ни разу не заходили на страницы сайта, но и не работали с Интернетом вообще.

Результатом стало резкое отставание кыргызской части библиотеки от русской части по наполнению материалом.

К настоящему времени страсти поутихли, так как практика показала беспочвенность опасений писателей, однако разрыв между числом русскоязычных и кыргызоязычных произведений чувствуется до сих пор.

К чести Союза писателей надо сказать, что не все его члены заняли столь непримиримую позицию по отношению к проекту. Непосредственное руководство Союза не только оказало организационную помощь, но и вошло (и с удовольствием!) в число учредителей Общественного Фонда поддержки авторов.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Любые перспективы развития отечественной электронной библиотеки связаны с развитием цифровых библиотек в мире вообще.

22 апреля 2009 года в Сети запущен грандиозный проект – так называемая Всемирная Цифровая Библиотека (World Digital Library, WDL). Инициатором ее выступила крупнейшая библиотека мира – Библиотека Конгресса США. Сегодня WDL объединяет библиотечную сеть 33 стран, и на ее страницах размещены уникальные тексты на сорока языках мира.

Кыргызстан НЕ ВХОДИТ в структуру WDL. И соответственно литературное богатство Кыргызстана также никак в WDL не представлено. Не представлен даже «Манас», уникальностью которого наша культура так гордится.

Одна из причин отсутствия Кыргызстана, и в частности текста «Манаса», в WDL заключается в том, что полной цифровой версии «Манаса» до сих пор не существует. А все попытки создать ее – например, нашей библиотекой, – не поддерживаются ни государством, ни частными спонсорами.

Известны трудности Института языка и литературы имени Ч. Айтматова с изданием 17-томника «Манаса» (денег хватило в середине 2000-х годов лишь на первые шесть томов). Что уж тут говорить о полноценной цифровой версии?..

Многое, очень многое в деятельности нашей электронной библиотеки зависит сегодня от самой элементарной поддержки со стороны заинтересованных организаций, хотя бы на организационно-техническом уровне. В наших планах – проведение семинаров и тренингов по темам: обучение писательскому мастерству, компьютерной грамотности, умение работать с кыргызскими шрифтами, знание авторского права.

Мы готовы выпустить первые в Кыргызстане аудиокниги. В частности, художественно-декламационное исполнение «Тома Сойера» на кыргызском языке (в переводе Турусбека Мадылбая) – для кыргызских школ, особенно удаленных.

Мы готовы помогать авторам с он-лайновой публикацией их произведений, согласно программе, разработанной общественным редакционным советом.

Мы готовы провести первый общенациональный конкурс «Книга года» (есть уже первый опыт – проведение совместно с АУЦА литературного конкурса среди студентов Кыргызстана под названием «Золотая табуретка»).

Мы готовы разработать и внедрять национальную программу «Читающий Кыргызстан» – если, конечно, не будем одинокими рыцарями на поле боя, и наши инициативы найдут поддержку в среде интеллигентных людей страны.

Мы можем если не всё, то многое. И сил у нас хватит. Только давайте действовать сообща. Интернет-площадка «Новая литература Кыргызстана» – прекрасный инструмент для проведения совместных акций в сфере культурного возрождения.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Михаил Бурштин: музыка Родины, языка и крови

Кузнецов Андрей Георгиевич, музыковед, член Союза композиторов Кыргызстана, автор 12 книг по музыкальному искусству и лингвистике, многочисленных статей.

Его перу принадлежат монографии о выдающихся кыргызских певцах – Булате Минжилкиеве, Сайре Киизбаевой, Марьям Махмутовой, книга рассказов «Невыдуманные истории» и другие работы. Заслуженный деятель КР, кандидат филологических наук, доцент КРСУ.

В «ЛК» печатается с 1986 года.

Это случилось в начале 80-х годов. В Кыргызской государственной филармонии давал концерт пианист из Чехословакии Петер Топерцер. Программа обещала быть интересной, поскольку включала малоизвестные кыргызскому слушателю произведения чешских композиторов. Это, естественно, привлекло внимание наших музыкантов. Однако концертант почему-то отклонился от обещанной программы, и все первое отделение играл сочинения Шопена и Дебюсси, иначе говоря, популярный репертуар. Скорее всего, он решил, что провинциальному слушателю произведения его соотечественников будут просто непонятны. Отделение закончилось, объявили десятиминутный антракт. Но вот прошло двадцать минут, а пианиста все еще не было. Прошло полчаса – сцена по-прежнему пустовала, а среди слушателей уже нарастал ропот недовольства. Наконец, Топерцер появился на эстраде. Музыканта трудно было узнать – от бывшего спокой-

ствия и респектабельности не осталось и следа, он был явно чем-то возбужден. Пианист порывисто сел за рояль и заиграл, строго придерживаясь программы. Музыканта будто подменили: теперь он играл с предельной самоотдачей, словно выступал на международном конкурсе. Зал это сразу почувствовал.

Но что же произошло в антракте и чем была вызвана такая метаморфоза – недоумевали наши меломаны? Оказывается, как стало известно позже, в антракте за кулисы зашел преподаватель института искусств, молодой, но уже известный в республике композитор и пианист Михаил Бурштин. Он был всесторонне образованным музыкантом и большим знатоком современной музыки. Более того, Миша, как его ласково звали друзья и коллеги, увлекался иностранными языками и как раз в это время учил чешский. Поэтому он обратился к гостю на его родном языке. Разговор носил сугубо профессиональный характер: говорили о новых тенденциях в фортепианном исполнительстве, особенностях интерпретации, о сочинениях чешских авторов, которые Бурштин хорошо знал. Миша признался, что его привлекла программа концерта, на котором должны были прозвучать пьесы Л. Яначка, которые он очень хотел услышать. Топерцер был поражен эрудицией и широтой интересов кыргызского коллеги и за беседой не заметил, что время антракта уже прошло...

Михаил Бурштин заявил о себе как музыкант исключительного дарования еще в начале 60-х годов, когда учился на фортепианном отделении Кыргызского музыкально-хореографического училища имени М. Куренкеева. У него был абсолютный слух, он бегло читал с листа любой нотный текст (позже он это искусство довел до совершенства), пробовал силы в сочинительстве. И удивительно тонко чувствовал музыку. Это естественно – ведь его родителями были музыканты.

Семья Бурштиных хорошо была известна в музыкальных кругах Кыргызстана. Отец – Григорий Михайлович Бурштин – и мать – заслуженная артистка республики Слава Марковна Окунь – были отличными пианистами. Выпускники Московской консерватории, они приехали в Киргизию в 1940 году, как они думали, на несколько лет, но, полюбив горный край, остались здесь практически на всю жизнь. Их вклад в музыкальную культуру республики весом.

В мае 1943 года в семье родился сын, которого в честь деда назвали Михаилом. Уже в раннем детстве Миша поражал всех своей одаренностью. Рассказывают, что иногда дома Григорий Михайлович усаживал сына у пианино и устраивал ему своеобразный экзамен: он нажимал на клавиши, а кроха-сын безошибочно называл извлеченные звуки и аккорды. В шесть лет он начал заниматься музыкой, а далее последовал полный цикл музыкального образования: школа, училище, учеба в Ташкентской консерватории, а потом еще и стажировка в Москве и ассистентура в Свердловске. Все это вместе заняло двадцать лет.

В школе Миша занимался в классе педагога Д. Г. Склютовского, а в училище – у В. С. Хананаева и одновременно работал концертмейстером у вокалистов, где приобрел навыки игры в ансамбле. Важную роль в становлении молодого музыканта сыграло общение с музыковедом В. В. Янковским, преподававшим в училище гармонию – он первый заметил композиторские способности студента и поощрял его опыты в данном направлении. Интересно, что маститый М. Р. Раухвергер, автор известного балета «Чолпон», которому Миша показал свои сочинения, не подержал его на этом поприще. Однако, Янковский был уверен в своем ученике и настойчиво рекомендовал ему продолжать сочинять. И педагог оказался прав. Отлично сыграв на госэкзамене первую часть Второго фортепианного концерта С. Рахманинова со студенческим оркестром под управлением Р. Г. Мироновича, Бурштин окончил училище и в том же году поступил в Ташкентскую консерваторию, вначале как пианист (класс А. М. Литвинова), а позже и как композитор.

Время учебы в консерватории было использовано Михаилом чрезвычайно плодотворно: он окончил ее по двум специальностям, не прерывая занятий, отслужил в армии, удачно выступил на зональном конкурсе и... нашел спутницу жизни. Его женой стала студентка консерватории, талантливая пианистка Фаина Хармац. Однако предоставим слово самому музыканту:

– По иронии судьбы мое поступление в Ташкентскую консерваторию и ее окончание (как пианиста) ознаменовалось стихийными бедствиями: пожаром в 1961 году – консерватория почти вся сгорела – и землетрясением 1966 года. Как композитор,

я учился там же с 1962 по 1967 годы; последние два года преподавал на кафедре специального фортепиано, даже выпустил двух человек. С 1962 по 1965 годы служил в армии в Ансамбле песни и пляски ТУРКВО (в Ташкенте, хотя много времени находился на гастролях по округу и за его пределами), но учебы в консерватории не прерывал – на это время я перешел на заочное отделение по обеим специальностям, а после демобилизации вернулся на очное. Из педагогов консерватории отмечу свою подверженность влиянию теоретика Ю. Г. Кона, человека энциклопедических знаний, владеющего рядом языков, оперирующего в своих трудах законами высшей математики, одного из «чемпионов» Ташкента по читке с листа (мне посчастливилось с ним много музицировать). Не будучи пианистом по образованию, он обладал завидной фортепианной техникой, знакомство его с новейшими течениями в музыке того времени сыграло большую роль в моем становлении как музыканта. Он же познакомил меня с А. А. Малаховым, интереснейшим композитором авангардного направления, который и стал моим учителем по композиции. (Позже он покинул консерваторию, и меня перевели к Г. А. Мушелю, у которого я и окончил вуз, а Малахов, к сожалению, прожил всего 33 года...)

Из произведений, написанных музыкантом в консерваторские годы, можно выделить Первую симфонию, две сонаты (для фортепиано и для 2-х фортепиано), вокальный цикл на слова Э. Межелайтиса, Вариации для струнного трио, романсы и, конечно же, Концерт для фортепиано № 1 – его дипломную работу. Как пианист, Михаил окончил консерваторию с отличием (впрочем, как и училище), но год спустя, когда он защищал композиторский диплом, произошел досадный инцидент на коллоквиуме: студент вступил в полемику об атональности в фантазии П. И. Чайковского «Франческа да Римини» с самим председателем госкомиссии, за что и был наказан – вместо ожидаемого «отлично», получил «хорошо». Естественно, с такой оценкой на госэкзамене не могло быть и речи о «красном» дипломе...

Во Фрунзе Бурштин вернулся уже сформировавшимся музыкантом и стал работать в открывшемся годом ранее Кыргызском государственном институте искусств. Кроме специального

фортепиано, он вёл камерный ансамбль, концертмейстерский класс. Преподавал также композицию и даже выпустил одного ученика. Молодой музыкант развернул активную исполнительскую деятельность, играл не только соло, но и со многими известными в республике музыкантами – инструменталистами, певцами.

И хотя педагогическая и исполнительская деятельность отнимала много времени, Бурштин ни на минуту не забывал о творчестве. Он писал много и плодотворно, смело экспериментируя с современными композиторскими технологиями – от додекафонии до алеаторики. Только за первые три года после окончания консерватории им были написаны такие значительные произведения, как Симфоническая поэма, Концертино № 1, Вторая симфония, «Триптих» для квартета духовых, два фортепианных концерта, не говоря уже о многочисленных инструментальных пьесах и обработках. Естественно, такая активная деятельность не могла остаться незамеченной – в 1969 году М. Бурштин был принят в республиканскую композиторскую организацию. А в ноябре 1971 года во Фрунзе прошел XI пленум Союза композиторов Киргизии, посвященный творчеству молодых композиторов. Михаил был представлен на нем Второй симфонией и двумя фортепианными пьесами – Пасторалью и Каприччио. Выступление композитора прошло удачно. Московский критик А. Богданова, побывавшая на концертах пленума, отметила рационалистический склад музыкального мышления автора, его умение четко и логично конструировать форму, изобретательность в развитии материала. Она положительно отозвалась о его симфонии, хотя и отметила некоторое влияние Шостаковича на музыку крайних частей (с чем композитор категорически не согласен). Самые теплые слова критика были отнесены к средним частям четырехчастного цикла. «Вторая часть, – писала она на страницах журнала «Советская музыка», – привлекает единством настроения, утонченностью лирики, живым воссозданием красоты кыргызского фольклора. Третья же ассоциируется с картиной народного праздника. Танцевальные, ритмически активные мелодии, искусно развиваемые, положены в основу этой музыки. Ритмическая изысканность – вообще одна из привлекательных особенностей стиля данного автора.

Вторая симфония – одно из немногих сочинений композитора, в котором он обратился к фольклорным источникам. В дальнейшем Бурштин отказался от цитирования фольклорных тем, предпочитая «вкраплять» в ткань своих сочинений характерные элементы кыргызского мелоса, метроритма, использовать особенности формообразования и т.д.

Мы познакомились в конце шестидесятых годов на одном из концертов. Михаил поразил меня блестящей фортепианной техникой и терпкостью звучания своей музыки – так у нас в ту пору еще никто не писал: в ней было больше диссонансов, чем консонансов, и, главное – море экспрессии. Внешне спокойный и даже несколько флегматичный, Миша преобразался, когда сел за рояль – в его игре всегда ощущалась твердая воля и темперамент. Таким же твердым и бескомпромиссным был музыкант и при отстаивании своих творческих принципов, убеждений. Естественно, у него были недоброжелатели и, просто, завистники. Но большинство музыкантов, в том числе и самые именитые, уважали и ценили его. Не было случая, чтобы Бурштин кому-нибудь в чем-нибудь отказал, а обращались к нему постоянно – и как к консультанту Союза композиторов, и как к исполнителю.

Во второй половине 70-х – начале 80-х годов композитором было написано много ярких, самобытных по языку и колориту сочинений, таких, как рапсодия-баллада «Памяти Виктора Хары», сюита для фортепиано, струнных и литавр «Афоризмы», «Дунганская сюита», «Кош кайрык» для оркестра кыргызских народных инструментов», Концерт для двух фортепиано, концертные транскрипции сочинений кыргызских авторов. Интересно, что Михаил Бурштин обладает удивительным качеством – способностью проникновения в интонационный и образный строй музыкальных культур различных народов – кыргызской, русской, еврейской, украинской, дунганской, узбекской, казахской, татарской и даже испанской (в «Памяти Виктора Хары»). Именно это качество и врожденная музыкальность позволяют ему плодотворно работать со столь различным по своим музыкально-стилистическим характеристикам материалом. Сочинения композитора неоднократно исполнялись ведущими коллективами и отдельными исполнителями республики, а многие из них и по сей день хранятся в «Золотом фонде» Кыргызской телерадиовещательной корпора-

ции. В 1976 году на концерте в Академическом театре оперы и балета имени А. Малдыбаева, данном в честь присуждения почетного звания народного артиста СССР Булату Минжилкиеву и Асанхану Джумахматову, звучала и музыка Бурштина. «Наш репертуар произвел фурор, – рассказывал А. Джумахматов, – фрагменты из «Бориса Годунова», «Дона Карлоса», «Материнского поля» Калыя Молдобасанова, рапсодия-баллада «Памяти Виктора Хары» Михаила Бурштина, романсы... Зрители стояли во всех проходах зала, награждали каждый номер овациями».

Наряду с педагогической и творческой работой, Бурштин много концертировал. Он играл не только в Киргизии, но и почти во всех союзных республиках бывшего СССР, выступая и как солист, и как концертмейстер. Пианист сопровождал в больших концертных турне по стране ведущих солистов Кыргызской оперы, аккомпанировал на концертах певцам и инструменталистам. Заслуги музыканта получили официальное признание: в 1985 году он стал доцентом, а пять лет спустя ему было присвоено почетное звание заслуженного артиста республики.

В республиканской филармонии имени Т. Сатылганова были проведены два концерта музыканта – сольный и авторский (с камерным оркестром). Выступая на концертах в Кыргызстане и за его пределами, наряду с собственными сочинениями, Бурштин исполнял произведения композиторов разных стран и эпох, включая малоизвестные или незаслуженно забытые опусы. Его репертуар был просто огромен. К числу наиболее любимых авторов музыканта можно отнести Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Брамса, Рахманинова, Стравинского, Щедрина. Пианист был первым (или одним из первых) исполнителем ряда фортепианных сочинений современных авторов. Так, на концерте, состоявшемся в мае 2009 года в филармоническом зале Тель-Авива, прозвучали недавно написанные «Романтические дуэты» Р. Щедрина, исполненные Ф. Хармац и М. Бурштиным.

Говоря о пианистической деятельности Бурштина, невозможно умолчать о его исполнении произведений кыргызских композиторов самых различных жанров – от инструментальных пьес и ансамблей до опер, балетов и симфоний. Играл он много и постоянно. Это объясняется тем, что Бурштин выступал как пианист-

иллюстратор или концертмейстер на заседаниях Экспертной комиссии при республиканском Министерстве культуры, периодически проходивших в Союзе композиторов Киргизии. Здесь он был просто незаменим.

«В исполнительском искусстве равных ему не было, – вспоминает композитор, профессор В. Роман. – Он показывал себя не только как превосходный виртуоз, но и как оригинальный интерпретатор, с поистине неограниченным диапазоном исполняемой музыки разных стилей и направлений. В Союзе композиторов не обходилось ни одного прослушивания новой музыки без его участия, так как Миша мог свободно, безо всякой предварительной подготовки, читать с листа любой сложности клавир, саккомпанировать тут же певцу или певице. Не робел он и перед оркестровыми партитурами...»

Особо хотелось сказать о концертных транскрипциях Бурштина. Здесь невольно приходят на память знаменитые транскрипции Ф. Листа. Как и у великого романтика, этот жанр доведен у Бурштина до совершенства – в этих пьесах столько виртуозного блеска, красоты, всплеска фантазии, колористических находок – они просто зачаровывают! Особенно, если они звучат в исполнении удивительно слитного, словно, один организм, семейного дуэта Хармац – Бурштин. Будь то кыргызский кюу «Маш ботой» или еврейский танец «Хава Нагила».

В 80-е – начале 90-х годов появляются новые сочинения композитора – оркестровые «Кыргызские этюды» и «Еврейские танцы», марши для духового оркестра, инструментальные пьесы. По-прежнему Бурштин много пишет для своего любимого инструмента – фортепиано. Во многих из его сочинений присутствует кыргызская тематика. Музыка Бурштина современна по форме и содержанию, созвучна пульсу времени. И ее всегда можно узнать по характерному звучанию. Она динамична, порой, жестка, но всегда выразительна; вообще, равнодушие – характерная черта мировосприятия автора, и это всегда ощущается в его музыке. В то время Бурштин был одним из немногих (если не единственным) среди кыргызских музыкантов, владеющих новыми для того времени методами композиторской техники: додекафонией, сонористикой, сериальностью, алеаторикой. Еще в студенческие годы, проиграв и изучив сотни произведе-

ний современных авторов, он успешно освоил эти технологии и стал применять их в своем творчестве. Острые, терпкие созвучия, моторика, завораживающие ритмы, контрастные сопоставления регистров придавали его музыке особый шарм и пикантность. В то же время в ней были и медленные, исполненные глубокого чувства страницы, где слух отдыхал, а выразительные темы ласкали слух.

Сочинения Бурштина звучали не только на концертах и в эфире, но и широко использовались (и используются по сей день) в педагогической практике – от детских музыкальных школ до консерватории. Среди них хотелось бы выделить очаровательные пьески для самых юных музыкантов: «Цыплёнок», «Девочка и Козёл», «Встреча собачек разной величины», «Заяц и Волк», «Птичка и Кошка», «Петух-забияка», «Беседа Кошки с Собакой», «Белка», «Дождик», «Калпак и Тюбетейка». Написанные искренне, с чувством юмора и большой любовью к детям, они пользуются неизменными симпатиями и у самих исполнителей, и у их слушателей.

Произведения Бурштина исполнялись и исполняются далеко за пределами Кыргызстана, и не только кыргызскими исполнителями. В их числе – заслуженный артист Украины, певец Ю. Олейник, флейтист из США Дж. Солум. О широком интересе к ним говорит и тот факт, что ноты композитора постоянно издавались в Москве во Всесоюзном издательстве «Советский композитор» (вышло около двадцати сборников, в которые вошли и пьесы Бурштина), а также в других городах – в Алма-Ате, Ленинграде, Киеве, Смоленске, Нью-Йорке. Кроме того, во Фрунзе в 1988 году издательство «Кыргызстан» выпустило авторский сборник композитора.

Почти четверть века проработал профессор кафедры специального фортепиано Михаил Бурштин в Институте искусств имени Б. Бейшеналиевой и в музыкальном училище имени М. Куренкеева. О его классе в институте следует сказать особо. Благодаря своей эрудиции, педагогическому мастерству и личным качествам, Михаилу Григорьевичу удалось сформировать группу единомышленников, энтузиастов, преданных выбранной профессии, музыке. Его студенты – а через класс Бурштина прошло несколько десятков студентов – были активными участниками различных конкурсов, фестивалей, концертов, музыкальных

встреч и т.п. Часто проводились классные концерты, они, как правило, были тематическими: кыргызская музыка, чешская музыка, Моцарт, Барток, Шедрин... Доцент Бурштин подготовил около тридцати специалистов. Ныне они трудятся в различных странах мира. Со многими из них педагог поддерживает творческие и дружеские связи.

В 1992 году принял важное для себя и своей семьи решение о переезде на постоянное место жительства в Израиль. Он долго колебался, раздумывал – трудно было разрушить сложившийся годами уклад жизни, проститься с любимой работой, друзьями, коллегами, учениками. Но были и объективные причины, побуждавшие к отъезду – распад СССР, неопределенность будущего, конфликты по работе и другое. В январе 1993 года Бурштина покинули Кыргызстан. Началась новая жизнь, совсем иная, непривычная – не нужно было по утрам спешить на работу, заниматься со студентами, зато появилось много свободного времени. Однако Михаил был по натуре «трудоголиком» – он просто не мог сидеть без дела. И тогда он вместе с супругой Фаиной – верным другом и соратником – развернули активную деятельность: они долгие часы проводили за инструментом, а затем выступали на концертах, чаще бесплатных, благотворительных. Концерты были сольные и в ансамбле с другими музыкантами. Кроме того, Михаил сотрудничал с самодеятельным хором, составленным из пенсионеров – выходцев из бывшего Союза – аккомпанировал на концертах, делал обработки. А затем начались поездки в Германию. За четыре вояжа фортепианный дуэт Хармац – Бурштин дал 25 концертов. Выступали в Бонне, Кельне и во многих других городах. Среди слушателей неизменно были и проживавшие в Германии бывшие студенты концертантов.

Говоря о семейном дуэте музыкантов, известный кыргызский журналист А. Баршай, тоже переехавший в Израиль, писал в конце 90-х годов: «Так получилось, что эта форма музицирования оказалась тем маленьким спасательным кругом, который не дал талантливым музыкантам пропасть, опуститься здесь, в Израиле, и вместе с тем позволяет заниматься тем единственным делом, которое они всю жизнь мечтали делать. Они играют здесь перед любой аудиторией, порой за гроши, но всегда с максимальной артистической отдачей и творческой добросовестностью».

Все эти годы Бурштин не прерывал творческих связей со своей родиной. Он вел активную переписку с коллегами и друзьями, консультировал, давал советы, высылал ноты для концертных выступлений и, главное, писал музыку. Так, в период с 1993 по 2009 год им был написан целый ряд сочинений, в той или иной степени связанных с Кыргызстаном, Средней Азией: «Сказ о Манасе», «Ак концерт», «Бухарские танцы» и многое другое.

В Израиле семья Буршиных вот уже много лет живет в городе Ришон ле-Цион, где снимают скромную трехкомнатную квартиру. Их взрослый сын Григорий, выпускник МГУ, специалист по кибернетике живет со своей многодетной семьей отдельно и работает программистом. В 2004 году Михаил перенес сложнейшую операцию по трансплантации печени, что спасло ему жизнь. А год спустя ушла из жизни мать музыканта – Слава Марковна, она прожила 90 лет. Недавно Михаил успешно освоил компьютер и подключился к Интернету – теперь его связь с внешним миром заметно расширилась. Его хобби – иностранные языки, чтение (он владеет ивритом и английским, может объясняться и читать искусствоведческую литературу на французском, итальянском, чешском, польском), в молодости увлекался настольным теннисом и шашками. Однако, главным «хобби» у Бурштина всегда была и остается музыка.

Как-то музыкант признался: «Моё исполнительское кредо – просветительство. Мой идеальный слушатель – тот, кто хорошо разбирается в музыке и, в частности, в пианизме, но, главное, незнаком с исполняемым произведением. По крови я еврей, по языку русский, по музыкальному языку (как композитор) – кыргыз (что сказывается и в моих «некыргызских» сочинениях)».

Михаил Бурштин живет в Израиле, но душой и сердцем он по-прежнему в Кыргызстане, на земле которого он родился, вырос и сформировался как музыкант. А Родина у человека всегда одна.

*Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой
Корректор Алена Барханская*

**Подписано в печать 3.07.2009 г. Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 11 Заказ 24.**